

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр

Г.А.Некрасова

**СИСТЕМА
L-ОВЫХ ПАДЕЖЕЙ
В ПЕРМСКИХ
ЯЗЫКАХ:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И СЕМАНТИКА**

Сыктывкар 2002

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр

Институт языка, литературы и истории

Г.А.Некрасова

СИСТЕМА L-овых ПАДЕЖЕЙ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМАНТИКА

Сыктывкар 2002

Г.А.Некрасова. **СИСТЕМА /-ОВЫХ ПАДЕЖЕЙ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМАНТИКА.** – Сыктывкар, 2002. – 168 с. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН).

В монографии рассматриваются происхождение и развитие группы падежей, возникших в прапермский период и объединяющихся общим элементом в составе суффикса. Основное внимание уделено анализу семантико-синтаксических функций: выявлены общее и частное в семантической структуре падежей в каждом из пермских языков, прослеживается общая тенденция развития и становления системы падежей в период самостоятельного функционирования языков, установлены типологические особенности развития грамматических форм в общем процессе языкового развития, рассматриваются взаимоотношения /-овых падежей с другими единицами падежной системы, а также с послелогами.

Ответственный редактор

кандидат филологических наук Г.В.Федюнева

Рецензент

доктор филологических наук, профессор Е.А.Игушев

ISBN 5-89606-137-4

© Г.А.Некрасова, 2002

© Коми научный центр УрО РАН, 2002

ВВЕДЕНИЕ

1. **Предмет и направление исследования.** Падеж занимает особое место в системе грамматических категорий существительного пермских языков, обладая регулярностью формальных противопоставлений и тесной связью с формально-смысловой организацией единиц синтаксического уровня. Наиболее актуальным остается изучение семантики и функционирования падежных форм, хотя описание основных падежных значений имеет давнюю традицию. Выбор темы настоящей монографии обусловлен необходимостью дальнейшего изучения падежей коми (пермских) языков в сравнительно-историческом плане, что должно быть системным продолжением работы Е.С.Гуляева (1961). Такое направление исследования предусматривает установление эволюции падежной системы пермских языков: изменение ее структуры, а также формы и значений каждого из ее членов. Рассмотрение падежей в процессе последовательного развития выявляет возможные пути и причины изменений в падежной системе, по крайней мере, со времен прапермского языка. Установление семантической структуры падежей, изучение падежного значения в связи с формальными, смысловыми и синтаксическими свойствами окружения падежной формы дают возможность проследить динамику развития падежей в содержательно-функциональном плане. Большинство падежей многозначно, причем их функции могут перекрещиваться. Следовательно, выявление связи, взаимосвязи и взаимообусловленности падежей в системе, а также падежей и функционально тождественных единиц – послелогов позволит обнаружить причинно-следственные отношения в хронологической иерархии развития грамматических единиц, их синтагматические отношения в системе языка. Гомогенные грамматические формы в синхронии могут проявлять различные функции в родственных языках, в то время как гетерогенные – тождественные. Данное явление объясняется генетическим, типологическим или ареальным развитием языков. Поэтому в финно-угроведении актуальным является исследование роли (функций) этих единиц в системе парадигматических и синтагматических отношений в языке. Сравнительно-типологическое изучение родственных языков позволит выявить общие и отличительные признаки, характерные для группы языков, а также различия, проявляющиеся между группами или отдельными языками внутри группы родственных языков (диалектов).

По этой причине изучение семантики *l*-овых падежей пермских языков, установление их функциональных соответствий в других финно-угорских языках могут послужить основой историко-типологических исследований.

В монографии рассматриваются *l*-овые падежи, объединенные способом образования и общим элементом в составе суффикса: первичные *l*-овые (генитив, аблатив, датив, аппроксиматив и консекутив) и приближительно-местные. В исследование не включены: а) *l*-овые падежи послеложного происхождения, которые формируются и функционируют в коми-пермяцком языке; б) вариативные формы инессива, иллатива, элатива, эгрессива (*-ла, -лась, -лан, -ласен*) удмуртского языка, имеющие узко локальный характер: появляются при склонении воршудных имен, оканчивающихся на *-а* (ГСУЯ I : 63, 105, 107, 108, 109). Выделение в удмуртском языке латива с суффиксом *-ла*, который может осложняться формами инессива, элатива, эгрессива (см. Тараканов 1997 : 165), лишено основания, так как эти формы имеют единое грамматическое значение и в синхронии выступают в качестве самостоятельных морфем. *L*-овые падежи формировались как падежи существительных, поэтому в работе описываются главным образом образование и функционирование падежей существительных. Категория падежа местоимений отличается от категории падежа существительных своими формами и их функционированием. Если некоторые падежные формы местоимений (генитив, датив, аблатив) имеют отличие от форм существительных, то значения падежей местоимений и существительных в большинстве случаев совпадают, за исключением некоторых ограничений. При описании семантической структуры падежей основное внимание уделяется коми языкам, так как детальные исследования по семантике падежей удмуртских диалектов пока еще не произведены (об этом см. Кельмаков 1998 : 124). Паспортизация коми-пермяцкого и удмуртского диалектного материала проводилась с учетом диалектного членения, предложенного Р.М.Баталовой (Баталова 1975 : 210-235) и В.К. Кельмаковым (Кельмаков 1998 : 41-44).

2. История и проблемы изучения падежей пермских языков. В парадигме склонения коми-зырянского литературного языка выделяют 16 падежных форм (Бубрих 1949 : 28; СКЯ I : 137-138), в диалектах варьируется от 16 до 26 (ССКЗД : 466; Некрасова 2001); коми-пермяцком языке — 17 (Майшев 1940 : 25; КПЯ : 195-196), диалектах — от 19 до 28 (Баталова 1982 : 90-100); удмуртском — 15 (ГСУЯ I : 86), диалектах — от 12 до 21 (Кельмаков 1998 : 117). 14 из них являются общепермскими, в число которых входит и большинство *l*-овых падежей: генитив, аблатив, датив, аппроксиматив. Употребление названия генитив вместо традиционного адессива и датива вместо аллатива основывается на современной функ-

ционально-семантической характеристике данных падежных форм и исходит из необходимости разграничения синхронного и диахронного подходов в отношении терминологии (Vászolyi 1967 : 6). Подобное переименование соответствующих удмуртских падежей отмечал В.К.Кельмаков (1969 : 301-302).

Описание падежей пермских языков началось с появления первых грамматик, целью которых явилось изучение грамматического строя языков. Поэтому при исследовании падежной системы основное внимание было направлено на установление количества членов падежной парадигмы. В грамматиках XVIII – начала XIX в., написанных по образцам грамматик русского языка, выделялись пять-шесть падежей (Флеров 1813 : 9-10; Козлов 1808 : 4-5; Сочинения : 5; Могилин 1786 : 18 (31); Михайлов 1873 : 16-17). Начиная с середины XIX в., в работах по пермским языкам отмечалось уже большее количество падежей (Wiedemann 1851 : 43-44; Aminoff 1896 : 27; Gabelentz 1841 : 53-60; Castrén 1844a : 17-19, Савваитов 1849 : 101-109; Майшев 1940 : 38-41; Рогов 1860 : 106-117), только иногда в число падежей включались послелогии (Удморт 1924 : 24-25; Цембер 1910 : 63-64; Алатырев 1937). (О выделении падежей в грамматиках коми языка см. Некрасова 1986). Для первых работ было характерно указание на одно, реже несколько значений, иногда только на падежное управление того или иного глагола (Wiedemann 1851 : 43-44; Aminoff 1896 : 27; Gabelentz 1841 : 53-60; Castrén 1844a : 17-19; Савваитов 1849 : 101-109; Майшев 1940 : 38-41; Рогов 1860 : 106-117). Относительно полное описание семантики падежей содержится в работах Ф.Й.Видемана (Wiedemann 1884 : 114-129), Д.В.Бубриха (1949 : 35-53), А.И.Емельянова (1927 : 117-147), а также в современных научных грамматиках (СКЯ I : 136-147; ÖKK : 62-95; КПЯ : 184-193; ГСУЯ I : 92-111). Во всех пермских языках, преимущественно в коми-зырянском, выявлены основные диалектные особенности парадигмы, грамматических форм и семантики падежей (ВД; ВВД; ВСД; ИД; НВД; ПСД; ПД; ССД; ЛЛД; УД; Туркин 1998; Баталова 1975; Дмитриева 1998 : 75-86; Лобанова 1993 : 73-84; Batalova 1995 : 70-78; Бушмакин 1971 : 211-212; Загуляева 1980 : 92-94; Карпова 1990 : 85-92; Кельмаков 1969 : 301-304; Кельмаков 1998 : 117-124; Насибуллин 1978 : 85-90). В ряде обобщающих работ представлены сравнение форм и семантики падежей коми (пермских) языков, сопоставление структуры и семантики падежей пермских и русского языков (Баталова 1982 : 90-122; Игушев 1996; Кельмаков 1998 : 117-124; Игушев 2000; Цыпанов 1999; Каракулов, Каракулова 2000 : 43-50).

К началу XIX в. относятся первые попытки объяснения происхождения падежных суффиксов, причем это касалось прежде всего *l*-овых падежей. В грамматиках Х.К.Габеленца, М.А.Кастрена, П.И.Савваитова, а также

в специальном труде М.А.Кастрена о коми склонении указываются составной характер, вторичность образования суффиксов аблатива, генитива, аппроксиматива (о последнем – только у М.А.Кастрена) (Castrén 1844a : 17-19; Castrén 1844b : 6-8; Gabelentz 1841 : 55; Савваитов 1849 : 101). М.А.Кастрен *l*-овые падежи коми языка впервые сопоставляет с внешнеместными падежами финского, эстонского, саамского языков (в последнем *l*-овые форманты выявляются лишь в наречиях). Он предположил возможность генетического родства *l*-овых падежей прибалтийско-финских, пермских и марийского языков, указывая на связь коми консекutive с марийским суффиксом *-ла* в образованиях наречного типа (Castrén 1845 : IX-X). В работах по исторической грамматике пермских (коми) языков реконструируется фонетический облик падежных морфем, устанавливается их первичное значение (Серебренников 1963; Лыткин 1977). Некоторые статьи посвящены происхождению конкретных падежных форм (например, Серебренников 1958б; 1959; 1960; 1981; 1982; Wichmann 1924; Fokos-Fuchs 1966; Vászolyi 1968a; Itkonen 1966 и др.). Нередко происхождение падежей рассматривается в связи с изучением других вопросов грамматического строя языка, например, деривационных суффиксов (Uotila 1933; Kövesi 1954), послелогов (Rédei 1962). Историческое освещение получили падежи пермских языков и в ряде общих работ по уралоистике (Основы I; Хайду 1985; Хелимский 1982; Юдакин 1997).

Специальному изучению отдельных групп падежей коми-зырянского языка посвящены труды Е.С.Гуляева (1961) и Г.А.Некрасовой (1987), в которых устанавливается семантика падежей, прослеживается генезис значений и падежных морфем. История развития падежей коми языка и их современное состояние описаны в монографии Р.Бейкера (Baker 1985). Опираясь на предшествующие исследования, автор определяет время, источники и способы образования коми падежей, освещая прауральский, прафинно-угорский, прафинно-пермский, прапермский и пракоми периоды. Р.Бейкер вводит в теорию коми языкознания принцип развития падежей от конкретных к грамматическим, раскрывает роль категории одушевленности и определенности в развитии падежей. Однако нельзя считать данную работу в полной мере отражающей все проблемы, касающиеся падежной системы коми языка: отсутствуют полный и системный анализы семантики падежей, не определена общая характеристика семантического развития коми падежей в синхронии.

Краткий обзор истории изучения падежей пермских языков показал, что в пермистике выявлены грамматические формы падежей, хотя не всегда учтены инновационные явления; установлены происхождение большинства суффиксов, их генетическая общность в пределах финно-угорских

(уральских) языков, описана семантическая структура отдельных падежей коми языка, в то время как отсутствует системное изучение семантики падежей пермских языков в целом. Именно исследование семантики падежей, особенно генетически общих, позволит определить тенденцию развития и становления падежей, их общепермские и индивидуально пермские черты, что может послужить материалом для дальнейших обобщений.

* * *

Автор выражает глубокую признательность сотрудникам кафедры уральских языков Тартуского университета (Эстония), особенно своим научным руководителям – профессорам А.Кюннапу, П.Алвре, за конструктивные замечания и помощь при подготовке рукописи, а также доктору философии с.н.с. Л.Л.Карповой за консультации по удмуртскому языку, н.с. Т.Н.Меркушевой – по коми-пермяцкому языку.

ГЛАВА I. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ *I*-ОВЫХ ПАДЕЖЕЙ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Проблема возникновения и развития *I*-овых падежей является одним из спорных и неразрешенных вопросов современного финно-угорского языкознания. Основные ее аспекты связаны со временем происхождения падежей, с источником *I*-ового компонента и функциональным развитием каждого из падежей в системе. Решение указанных вопросов зависит от установления области распространения падежей с *I*-овым компонентом и признания / отрицания их генетического родства в пределах всей уральской языковой семьи.

1. Происхождение *I*-овых падежей в финно-угорских языках

1.1. Область распространения *I*-овых падежей

В финно-угорских языках представлены два типа *I*-овых падежных суффиксов: 1) восточный *-I* употребляется самостоятельно в угорских языках; 2) западный *-I* встречается как коаффикс в составе сложных падежных суффиксов в финно-пермской ветви языков (Основы I : 260). Латив на *-IV* представлен также в селькупском и камасинском языках самодийской ветви уральских языков (Künnap 1971 : 77, 87). А.Кюннап считает, что лативный суффикс в обоих языках восходит к деепричастной форме **I-IV* вспомогательного глагола 'быть' (Künnap 1971 : 97, 117, 145-147). П.Хайду, напротив, склоняется к мнению, что здесь сохранился, скорее, древний *I*-овый латив (Hajdú 1973 : 26-28). Вопрос нельзя считать окончательно решенным.

Наличие *I*-овых падежей отмечается в парадигме склонения других языковых групп. Я.Пустаи указывает на функционирование трех типов локальных *I*-овых падежей: локативного, лативного и аблативного характера, с преобладанием первой разновидности, в палеосибирских языках (Pusztay 1980 : 45). Е.А.Крейнович связывает возникновение суффикса инструменталя в юкагирском языке с глаголом *I'e* 'иметь, быть' (Крейнович 1958 : 51), возможность чего не исключается, если принять во внимание аналогичное развитие *I*-овых падежей в самодийских языках. П.Алвре считает данное объяснение не совсем убедительным, отмечая функциональную близость юкагирского инструменталя к мансийским *I*-овым падежам (Alvre 1986 : 85). Внешнеместные падежи с *I*-овым компонентом представлены также в алтайских и дравидских языках (Иллич-Свитыч 1976 : 26; Hakulinen 1968 : 90). На основе широкого распространения падежей с *I*-овым элементом и наличия пред- и послелогов, содержащих идентичный элемент, В.М.Иллич-Свитыч допускает возможность единого источника, которым могла быть локативная

частица *-la/-lā* ностратического происхождения (Иллич-Свитыч 1976 : 25-26). Однако некоторое формальное и функциональное сходство на синхронном уровне не является бесспорным доказательством их общего происхождения, ибо такое совпадение может быть результатом различных языковых процессов. Ср., расширение системы *l*-овых падежей в коми-пермяцком языке вследствие трансформации серийных послелогов с основой на *выл-* ‘верх’ (Баталова 1975 : 129-138), или же образование *l*-овых падежей в самодийских и юкагирском языках. Поэтому на основе разного функционального статуса *l* в двух основных ветвях финно-угорских языков следует ограничить рассмотрение падежей в пределах финно-пермской языковой группы, где они представлены в прибалтийско-финских, марийском, пермских языках, но отсутствуют в парадигме склонения мордовских и саамского языков. О.Б.Ткаченко (1985 : 99-100) реконструирует внешнеместные *l*-овые падежи, наряду с внутреннеместными *s*-овыми, в ныне мертвом мерянском языке, предполагая его близость к прибалтийско-финским языкам. В мордовских и саамском языках суффиксы *l*-овых падежей выделяются в структуре наречий и послелогов. В мордовских языках восстанавливаются аблатив (*uda-ldo* ‘сзади’) и адессив (*uda-lo* ‘позади’) (Бубрих 1953 : 28; Серебренников 1967 : 32-33; Основы I : 261; Майтинская 1979 : 119). Однако Г.И.Ермушкин (1978 : 183) и П. Кокла (Kokla 1983 : 376) считают, что элемент *l* в этих случаях относится к корню. М.Корхонен предполагает существование аблатива (lp. N *bonjeld* ‘kierteellä, puneella’ кер. **poñēldē* vkrsм. *puña+lta*) и инструментала (lp. Ко *kuo’vtel* ‘kahden’) в саамском языке (Korhonen 1981 : 231-233). По мнению П.Равила, последний возник из адессива (Ravila 1935 : 45). Э.Паюсалу отмечает, что *l*-овые локативные наречия саамского и мордовских языков структурно идентичны с подобными прибалтийско-финских языков и образуют единую систему наречий, которая подтверждает лишь то, что “финно-угорским языкам уже давно было свойственно образовывать локативные наречия путем присоединения к словам со словопроизводным элементом *-l* первичных падежных окончаний” (Паюсалу 1958 : 5). Об этом свидетельствуют и данные пермских языков, ср. кз. *быдлаын* “везде”, *быдлаысь* “со всех сторон”, *быдлаӧ* “во все стороны”. Наречия, в структуре которых элемент *l* относится к “корню”, не могут быть убедительным подтверждением функционирования самостоятельных *l*-овых падежей в истории развития мордовских и саамского языков.

Система *l*-овых падежей в финно-пермских языках отличается на синхронном уровне количеством, структурной и функциональной характеристиками. В прибалтийско-финских языках представлена трехчленная система внешнеместных падежей со значениями, отвечающими на вопросы *где?*, *куда?*, *откуда?* – адессив, аллатив, аблатив. В марийском

языке к *I*-овым падежам относится датив, в диалектах – также аблатив, компаратив, дистрибутив, каузатив. В пермских языках *I*-овый элемент проявляется в генитиве, дативе, аблативе, аппроксимативе, в коми языках – в консекutive и группе приблизительно-местных падежей. Система первичных *I*-овых падежей финно-пермских языков с указанием современной формы и ее первичного компонентного состава представлена в табл. 1.

Таблица 1

I-овые падежи финно-пермских языков

Структура суффиксов	Прибалтийско-финские (фин.)	Пермские (коми)	Марийский
<i>-l + *-na/*-nā</i>	Адессив <i>-lla/-llä</i>	Генитив <i>-len</i>	Дистрибутив <i>-len</i>
<i>-l + *-ñ</i> <i>-l + *-k</i>	Аллатив <i>-lle</i>	Аппроксиматив <i>-lañ</i> Датив <i>-lij</i> Консекutive <i>-la</i>	Датив <i>-lan</i> Компаратив <i>-la</i>
<i>-l + *-ta/*-tā</i> <i>-l + *-š(i)</i>	Аблатив <i>-lta/-ltā</i>	Аблатив <i>-liš'</i>	Аблатив <i>-leč'</i>

Во всех языках структура суффиксов идентична: *I*-овый компонент и первичный падежный суффикс.

1.2. Источник *I*-ового элемента

В качестве источника коаффикса *-l*- вторичных падежных суффиксов рассматриваются в основном: а) *I*-овый словообразовательный суффикс (Хакулинен 1953 : 89; Основы I : 262; Майтинская 1979 : 118; Donner 1879 : 92; Budenz 1884-1894 : 196; Szinnyei 1922 : 62; Lehtisalo 1936 : 149; Kövesi 1954 : 100-101; Collinder 1960 : 291-292; Korhonen 1979 : 9-10; Tauli 1956 : 214); б) самостоятельный падежный суффикс. Б.А.Серебренников считает, что таковым мог быть *I*-овый суперэссив (Серебренников 1963 : 48), или же *I*-овый экстралокатив, который обозначал местоположение, находящееся за пределами предмета: над, под, около, вблизи и даже довольно далеко от него (Серебренников 1982 : 82). Д.Дечи в систему прафинно-угорских падежей включал латив II (аблатив) на **-l*, отрицая тем самым следы аблатива с суффиксом **-ta/*-tā* в пермских и угорских языках (Décsy 1965 : 157). К.Хяккинен предлагает считаться с **-l*-овым инструменталем, который, наряду с другими элементами, мог лечь в основу внешнеместных падежей (Häkkinen 1983 : 76). Функционирование самостоятельного *I*-ового падежа с лативным значением в прафинно-угорском языке допускает П.Алвре (Alvre 1986 : 85-86). К праязыковому *I*-овому падежу относят

суффикс марийского компаратива *-ла* (*-lä*) (Галкин 1964 : 29; 1975 : 69; 1980 : 25), возникновение которого не дает однозначного объяснения: имеет ли этот суффикс финно-пермское происхождение (Wichmann 1913-18 : 17-18; Галкин 1964 : 29-30; Kokla 1983 : 375) или же он заимствован из чувашского языка (Федотов 1965 : 34-35; Bereczki 1979 : 65). По мнению К.Е.Майтинской (1979 : 120), оба объяснения допустимы и не исключают друг друга. Если же принять за основу первую точку зрения, то возможно существование особого лативного падежа *-ла* (имеется в виду в марийском языке), который свое первичное пространственное значение сохранил в наречиях: *унала* 'в гости', *суанла коштеш* 'ходит на свадьбы' (Коведяева 1978 : 135), а также реализует в сочетании с другими падежными суффиксами направительного значения: *-ke* (Lat.) + *-la* (*on'ž'äkšla* 'vorwärts'), *-eš* (Lat.) + *-la* (*üleşla* 'nach unten'), *-ške* (Ill.) + *-la* (*kasβeläškšla* 'nach Westen, in Richtung Westen'), *-č'* (Elat.) + *-la* (Kokla 1983 : 374; Коведяева 1978 : 137). К.Е.Майтинская (1979 : 120) в качестве источника компаративного *-ла* предлагает рассматривать суффикс датива: из полисемантического *-лан*, по закону омонимичного отталкивания, могли развиваться два суффикса: в одном из них *-л* сохранился, в другом – отпал (о спорадическом выпадении носовых см. Грузов 1969 : 186). Функционирование марийского дистрибутива в полной и усеченной формах *-лен* ~ *-ле* не исключает возможность такого развития суффикса *-ла* (Коведяева 1978 : 149). Функциональное сходство формантов *-ла* и *-лан* проявляется в образовании ими наречий образа действия, цели в сочетании с лативом на *-еш*: *курымеш-лан* 'навек, навечно', *ваштар-еш-ла* 'напротив' (см. Коведяева 1978 : 136-137, 140-141). Отсюда, видимо, следует признать вторичность марийского *-ла*, а значит, и отсутствие рефлексов древнего *l*-ового падежа, что не дает оснований для его реконструкции в финно-пермском праязыке.

Были попытки связать *l*-овый коаффикс с неким субстантивом, имеющим в своем составе *l*-овый консонант и обладающим значением места (Бубрих 1975 : 99-100; 99-100; СКЯ I : 48; Серебренников 1982 : 82). М.Корхонен упоминает о теории послеложного происхождения *l*-овых и *s*-овых падежей (Korhonen 1979 : 9).

Наличие в финно-пермских языках *l*-овых деривационных элементов с пространственным значением и отсутствие рефлексов древнего *l*-ового падежа, а также послелога или лексемы с идентичным выражением и содержанием могут послужить подтверждением словообразовательного происхождения *l*-ового коаффикса. В финно-угорских языках с помощью *l*-ового словообразовательного суффикса образовывались локативные имена – "nomina loci" (см. Lehtisalo 1936 : 145-154). Основой функциональной транспозиции суффикса послужила, по мнению В.Таули, высокая частотность его дистрибуции с древними суффиксами местных падежей,

вследствие чего произошла секреция *l*-ового элемента в лативные, локативные и аблативные суффиксы. Такая возможность не исключается ввиду того, что коаффикс выполняет более или менее словообразовательную функцию, не является носителем грамматических значений, а вносит лишь дополнительный семантический оттенок (Tauli 1956 : 207, 214). А. Кюннап отмечает протекание подобного процесса в прасамодийском языке. Коаффиксация деривационного суффикса *-kV* напоминает судьбу аналогичного по семантике *l*-ового суффикса (Künnap 1971 : 125-132; 1983 : 52-59; 1984 : 287-291). В качестве источника угорского аблативного суффикса исследователи также рассматривают *l*-овый словообразовательный суффикс (Uotila 1945 : 334-335; Хайду 1985 : 299), что вполне допустимо, если принять во внимание образование *l*-овых падежей в палеосибирских языках (Pusztay 1980 : 45).

1.3. *Время происхождения l-овых падежей*

В финно-угроведении представлены три основные точки зрения о времени происхождения *l*-овых падежей, основывающиеся главным образом на сопоставлении падежных форм. Некоторые исследователи, отмечая наличие *l*-овых падежей в угорских и финно-пермских языках, относят их к прафинно-угорскому периоду (Г.Барци, М.Кёвеш, Й.Беррар, Д.Дечи), другие, опираясь на различие грамматического статуса *l* в двух основных ветвях финно-угорских языков, предполагают их возникновение самостоятельно как в угорской, так и в финно-пермской ветвях (Основы I : 260-262; Szinnyi 1922 : 63-68; Wichmann 1924 : 161; Korhonen 1979 : 9-10). В последнее время преобладает точка зрения, согласно которой *l*-овые падежи прибалтийско-финских, марийского и пермских языков образовались независимо друг от друга в каждой языковой группе, путем параллельного развития (Ravila 1958 : 13; Pajusalu 1957a : 11-12; Rédei 1981 : 284 и др.). Предположение основывается на отсутствии *l*-овых падежей в парадигме склонения мордовских и саамского языков, а также на различии вторых компонентов суффиксов в языках финно-пермской группы. Таким образом, современное состояние *l*-овых падежей допускает альтернативные объяснения: 1) самостоятельное параллельное развитие в группах языков финно-пермской ветви; 2) диалектное развитие в финно-пермский период, что вполне возможно, если принять во внимание распространение *l*-овых падежей в большинстве языков финно-пермской ветви; использование единого способа образования суффиксов: общность источника коаффикса, типология структуры (архетип маркеров *l*-овых падежей схематично можно представить как C_1VC_2 , где C_1 – всегда *l*), а также диалектно неоднородный характер данной языковой группы (о диалектной расчлененности праязыка см. Аристэ 1956 : 26-27; Хелимский

1982 : 23; Хайду 1985 : 169-172), что предусматривает наличие ареально-генетических явлений (Хелимский 1982 : 24-25, 65). В этой связи интересно объяснение истории *l*-овых, а также *s*-овых падежей В.Таули, который, применяя метод “центр-периферия”, делит финно-пермскую ветвь языков на ядерную группу (прибалтийско-финские, марийский языки), характеризующуюся наличием как *l*-овых, так и *s*-овых падежей, и три периферийные группы, соответственно пермские, мордовские, саамский языки, отличающиеся наличием / отсутствием указанных падежей (Tauli 1952 : 32). Анализ системы падежей и структуры форм явно указывает на то, что окончательное формирование системы *l*-овых падежей произошло самостоятельно в каждом из языков (языковых групп). Поэтому достоверная реконструкция *l*-овых падежей становится возможной только дифференцированно на прапермском, прамарийском, праприбалтийско-финском фонах.

2. Генезис *l*-овых падежей пермских языков

Структура суффиксов *l*-овых падежей в пермских языках показывает их идентичность в консонантах (в сфере существительных), что облегчает реконструкцию праязыковой формы и подтверждает их общее развитие (табл. 2). Корреспонденция *l ~ v*, наблюдаемая в коми-пермяцких диалектах, а также варьирование *л ~ l, л ~ ъ* в удмуртских диалектах представляют собой довольно поздние ареальные языковые явления, причины возникновения которых пока не нашли удовлетворительного объяснения в научной литературе (Баталова 1975 : 24-48; 1982 : 58-80; Кельмаков 1993 : 44-45; Кельмаков 1998 : 120). Спорадическое отпадение инициального консонанта в структуре суффиксов имеет морфонологические причины.

Установлено, что в прапермском языке были представлены четыре *l*-овых падежа: адессив (генитив), аблатив, аллатив (датив) и аппроксиматив. Возникновение консекутива относится к пракоми периоду (Основы I : 261-262; Основы III : 149; Лыткин 1977 : 24).

Таблица 2

Система *l*-овых падежей пермских языков

Языки Падежи	Пра- пермский	Коми- зырянский	Коми-пермяцкий		Удмуртский
			сев.	юж.	
Адессив (Генитив)	*- <i>lɛn</i> , *- <i>lan</i>	-лӧн	-лӧн	-вӧн (-ӧн) // -лӧн	-лэн
Аблатив	*- <i>lɛs' (t)</i> , *- <i>lis' (t)</i>	-лысь	-лісь	-вісь (-ісь) // -лісь	-лэсь (<i>m</i>)
Аллатив (Датив)	*- <i>lɛk</i> *- <i>lak</i>	-лы	-лӧ	-лӧ (-ӧ) //	-лы
Аппроксиматив	*- <i>lan'</i>	-лань	-лань	-вань (-ань) // -лань	-лань
Консекутив	—	-ла	-ла	—	—

2.1. *l*-овый элемент

Придерживаясь словообразовательного происхождения коаффикса *-l*, необходимо установить сферу функционирования и семантику *l*-ового суффикса в современных пермских языках, что позволит выявить семантические признаки, которые могли бы послужить основой возникновения семы эксклюзии внешнеместных падежей.

l-овый деривационный суффикс в современных пермских языках не продуктивен в именном словообразовании. В большинстве случаев он выступает как элемент основы или коаффикс в составе суффикса, проявляя идентичную структуру CV (*-ла*) во всех пермских языках. Суффикс встречается:

1. При образовании лексем с пространственно-измерительным значением в удмуртском языке, например, *зёктала* 'толщина', *мурдала* 'глубина', *пасьтала* 'ширина', *кузьяла* "длина" (УРС : 155; 288; 334; Серебренников 1963 : 151; Кельмаков 1971 : 24). Ф.Видеман отмечает способность суффикса *-ла* образовывать имена со значением "Gegend, Seite, Richtung" и в коми языке, з.В. *börla* (Hinterseite), *vodzla*, *banla* (Vorderseite) (Wiedemann 1884 : 53). Однако в настоящее время данные слова не употребляются как самостоятельные лексемы, обнаруживаются лишь в составе сложных существительных и наречий.

2. В некоторых деэтимологизированных словах типа *ывла* 'двор, улица, природа'; вв. вс. лет. скр. *кола* 'охотничья и рыбацья избушка без окон', уд. 'кузница'; удм. *куала* (*квала*) 'шалаш, в котором в летнее время готовят пищу и кушают' (КЭСК : 114, 328; Бубрих 1949 : 171; Uotila 1933 : 200-203; Kövesi 1954 : 99).

3. В топонимах: кз. *Гёсьтила*, *Гёстила* 'гостиное, т.е. торговое место' (вв. нв. скр. *гёсьт* 'гость'), *Койтла* 'токовище, место на току' (*койт* 'ток, токовище') (Туркин 1980 : 276-277); кп. *Юла* (название деревни в Косинском р-не), ср. ю 'река' и др. (Кривошекова-Гантман 1965 : 43).

4. В композитах со вторым компонентом кз. кп. *дор* 'край', реже кз. кп. *пöв*, удм. *пал* 'половина', *бок* 'бок': кз. кп. *мöдлапöв* 'другой берег', кз. кп. *йöзладор* 'чужбина', кп. *гортладор* 'родные места' (КПРС : 158; 103; 254); кз. *веськыдлабок* 'правая сторона' (Лыткин 1977 : 14; Kövesi 1954 : 99); удм. *выллапал* 'верхняя сторона, верх', *педлапал* 'внешняя часть, наружная сторона' (УРС : 102, 336).

5. В структуре пространственных наречий, образованных от числительных: кз. *öтилайн* 'в (на) одном месте', кз. *мöдлаö*, вв. *мöдла* 'в другое место', *мöдлайн*, вв. *мöдлан* 'в другом месте, на другом месте', *мöдлайсь*, вв. *мöдлась* (ССКЗД : 224); кп. *мöдiкласянь* 'с другого места', кп. *öти-мöдлайн* 'то там, то здесь' (КПРС : 254, 307); местоимений: кз. кп. *быдлаö* 'во все стороны, в разные места', кз. кп. *быдлайн* 'везде, всюду, повсе-

местно', кз. *быдлаысь*, кп. *быдлаись* 'отовсюду, со всех мест', кз. *быдлайд*, кп. *быдлайт* 'повсюду, везде', *быдласянь* 'отовсюду, со всех мест'; кз. кп. *быдлайдз* 'до любого места' (КПРС : 49); прилагательных: кз. *выльыаын* 'на новом месте', *важслаысь* 'со старого места'; наречий: кз. *уналаын* 'во многих местах', *этишалами* 'по некоторым местам, в некоторых местах' (Лыткин 1977 : 24; Uotila 1933 : 199; Lehtisalo 1936 : 149).

6. В диахронии при воршудных именах в удмуртском языке, обозначая "территорию, заключающую в себе данный воршуд": *Гожналан* 'в Гожне', *Гожналас* 'из Гожни', *Гожнала* 'в Гожню', *Гожналас'эн* 'от (с) Гожни' и т.д. (Емельянов 1927 : 116-117; Атаманов 1978 : 125; Архипов 1978 : 27-29; Uotila 1933 : 198). В синхронии элемент *-ла* выступает в качестве вариативного суффикса иллатива, или в качестве коаффикса вариативных форм элатива, эгрессива, инессива.

7. В послеложных конструкциях, чаще всего при послелогах с основой кз. кп. *дор* 'край; сторона': кз. *керкала дорд*, кп. *керка ладорд* 'в сторону дома'. В коми-пермяцком языке произошла лексикализация сочетания "словообразовательный суффикс *-ла* + *дор*" в *ладор* со значением 'сторона, направление' (КПРС : 217). Двойное употребление существительных с послелогами с основой на *пал* 'сторона' наблюдается в южных диалектах удмуртского языка (*гурт пала* ~ *гуртла пала* 'в сторону деревни, по направлению к деревне', *гон пала* ~ *гонла пала* 'по направлению к яме') (Насибуллин 1972 : 86-87). Носители языка отмечают семантическую идентичность конструкций с *-ла* и без него, указывая лишь то, что послеложные сочетания с *-ла* встречаются реже, преимущественно в речи старшего поколения (сообщение В.К.Кельмакова). Формант *-ла* при послелогах в удмуртском языкознании иногда рассматривается в качестве суффикса древнего направительного падежа (Насибуллин 1972 : 87).

Л-овый суффикс в современных пермских языках обнаруживается в структуре слов со значениями: а) пространственные понятия; б) типы ландшафта, территории; в) населенные пункты; г) сооружения, их части (последнее отмечается в деэтимологических словах, что указывает на вторичность данного значения). В целом семантика суффикса варьируется в зависимости от значения производящей основы, к которой он присоединяется. Общим для всех образованных с помощью него слов является значение места, пространства в его отвлеченном значении, "nomina loci", ибо по отношению к ним не применяется разграничение внутренних пределов и внешних границ. Данная семантическая нейтрализация, видимо, явилась основой восприятия отвлеченного места как поверхности. Следовательно, такая интерпретация значения места проявления действия явилась семантической основой значения *Л*-ового коаффикса внешне-местных падежей. Семантическая структура коаффикса ограничивается

признаком эксклюзии, словом-идентификатором которого могут выступать лексемы 'поверхность', 'внешняя граница', 'сторона'.

2.2. Второй консонантный элемент

В структуре суффиксов *l*-овых падежей второй консонантный элемент является первичным падежным показателем, восходящим, за исключением *-s'*, к финно-угорскому праязыку (ср. данные табл.1). Среди характерных черт первичных падежных суффиксов отмечается их полифункциональность, возможность реализации различных значений, исходя из контекста (Pusztay 1980 : 46). Данная особенность была присуща лативным падежам, выступавшим в праязыке в качестве неоформленной ("merkmallos") категории, проявляющей свое значение в зависимости от характера предиката или имени, с которым они сочетаются (Korhonen 1975). Лативные падежи – латив **-k* и латив **-n* – в пермских языках приняли участие в образовании двух *l*-овых падежей: датива (аллатива) и аппроксиматива. На синхронном уровне оба первичных лативных падежа представлены в финно-угорских языках различными направительными значениями (Основы I : 255-258; Серебренников 1964 : 22, 25-26).

Анализируя рефлексy суффикса **-n* в пределах уральской языковой семьи, И.С.Галкин (1979) отмечает, что в настоящее время **-n* выступает преимущественно с дативно-направительным или же приблизительным значениями, которые, по-видимому, развились из древнего терминативного значения. Однако допустимо предельное значение признать вторичным и принять за первичное выражение направительных отношений, близких к аллативному, которое сохранилось в большинстве финно-угорских языков. В пермских языках латив **-n* обнаруживается в структуре наречий и наречных местоимений, например, кз. *кытчань* 'куда, в какую сторону' (*кытчöдз* 'до какого места'), *асань* 'восточный, на восток (направленный)' (*асыв* 'завтра, утро'); кз. *кымынь*, кп. *кыминь*, удм. *кумин* 'ничком, ниц, лицом вниз' и др. (Лыткин 1977 : 23; Серебренников 1963 : 65; Основы III : 149; Vászolyi 1968b; Uotila 1933 : 233), в которых, сохраняя выражение направительных отношений, он функционально сближается с современным аппроксимативом. В прибалтийско-финских и марийском языках *l*-овый падеж, образованный с помощью латива **-n*, функционально сближается с пермским дативом (аллативом), от которых аппроксиматив отличается семой неконтактности, несоприкосновенности.

Латив **-k* в современных финно-угорских языках реализуется в основном с транслативным, пролативным и иллативным значениями (Основы I : 255-256). Б.А.Серебренников (1964 : 22) отмечает первоначальную широту значений данного падежа, подчеркивая вторичность транслативного и пролативного значений, развитие которых легко

объяснимо на основе иллативного: вхождение во что-нибудь переосмысливается как превращение в новое качество (транслатив) и движение внутри локума, в пределах данного предмета (пролатив). Поэтому, возможно, латив *-k первоначально употреблялся преимущественно с иллативным значением. В большинстве суффиксов пермских языков произошло отпадение латива *-k, его функцию взяла на себя конечная гласная основы. Сохранение суффикса отмечается в структуре некоторых наречий и наречных местоимений, например, кз. *сэж*, *сэжи*, удм. *соку* 'тогда' (ср. кз. *сэсянь* 'с того времени'), кз. *аски*, удм. *аськи* 'завтра, на следующий день' (кз. *асья* 'утренний') (Лыткин 1957 : 85-86; Основы I : 256; Основы III : 145, 147; Wichmann 1924 : 161). Формирование суффиксов *l*-овых падежей с лативом *-k обнаруживается только в пермских языках.

Второй компонент суффикса генитива (адессива) восходит к финно-угорскому локативу *-*na*/*-*nä*, который сохранился в формах инессива (*вөр-ын* 'в лесу'), инструменталя (*чер-өн* 'топором'), а также в структуре некоторых наречий места и наречных местоимений (Основы I : 248; Основы III : 148). В прибалтийско-финских языках на основе локатива *-*na*/*-*nä* образовался адессив, в марийском – дистрибутив. Марийский дистрибутив рассматривается как заимствование из чувашского языка (Веке 1911 : 225), или же образование прамарийского периода (Коведяева 1978 : 149). Прибалтийско-финский адессив, пермский генитив и марийский дистрибутив, проявляя сходство в образовании суффикса, имеют на синхронном уровне разную функциональную характеристику.

Второй компонент показателя аблатива -*s'(t)* восходит к суффиксу элатива, который рассматривается как: а) вариант финно-волжского **s*-ового латива (Szinyei 1922 : 66-67; Аристэ 1955 : 30; Серебренников 1963 : 61); б) односложная лексема с локальной семантикой (Гуляев 1960 : 137; 1961 : 123); в) словообразовательный суффикс *nomen possessi* (Майтинская 1979 : 100-101; Rédei 1981 : 282-283). Исследования Е.С.Гуляева показывают, что *s'*-овый элемент не имеет генетической связи с финно-волжским лативом и является падежным суффиксом, возникшим спонтанно в недрах прапермского языка (Гуляев 1960 : 135-137). При образовании аблатива элемент -*s'(t)* выполнял уже падежную функцию с отдалительным значением. Вариативные формы аблатива с элементом *t*, проявляющиеся в удмуртском языке, объясняются наличием вариативных форм прапермского элатива. Отсюда образование аблатива закономерно относится к прапермскому периоду (Гуляев 1961 : 223; Rédei 1981 : 283).

На основе анализа вторых компонентов суффиксов *l*-овых падежей можно сделать следующие выводы: 1) семантика вторых компонентов легла в основу семы двигательных отношений при формировании грамматического значения суффиксов *l*-овых падежей; 2) вторым элементом

суффиксов *l*-овых падежей является падежный показатель, отличающийся по времени происхождения; 3) окончательное формирование системы *l*-овых падежей в пермских языках произошло после образования *s'*-овых падежей.

2.3. Огласовка суффиксов *l*-овых падежей

В современных пермских языках в результате различных морфонологических процессов (отпадение конечных гласных, выравнивание огласовок конца корней и суффиксов, влияние одних гласных на другие, наделение гласных грамматической нагрузкой и т.д.) произошло оформление единой системы склонения существительных (Лыткин 1975 : 55; Основы III : 146; Некрасова 2000 : 47-55). Поэтому на синхронном уровне не всегда возможно точно установить качество первичных огласовок суффиксов. На основе анализа источника коаффикса *-l* предполагается употребление суффиксов *l*-овых падежей пермских языков с широкими гласными – **a*, **ε* (Лыткин 1977 : 24), гласный *a* сохраняется в огласовке деривационного *l*-ового суффикса. Разнообразие гласных в современной структуре суффиксов *l*-овых падежей показывает более поздние фонетические изменения.

2.3.1. Суффикс генитива в большинстве диалектов коми языка функционирует с гласным *ǫ* (*-лǫн*). В верхневычегодском, ижемском диалектах коми-зырянского языка, а также во всех удмуртских диалектах выступает форма *-лэн* (Кельмаков 1969 : 302; Тепляшина 1970 : 170; Бушмакин 1971 : 211; Насибуллин 1972 : 86; Архипов 1978 : 18; Загуляева 1980 : 92), в коми-язьвинском наречии – суффикс *-лан* (Лыткин 1961 : 44), который, наряду с *-лǫн*, встречался также в древнекоми языке: *сылан* ‘его, у него’, *олǫмлан* ‘жизни’ (Лыткин 1952 : 103). Общепермскую форму генитива В.И.Лыткин восстанавливает как **-lεn* (Лыткин 1964 : 240; 1977 : 24; Основы III : 146). Однако на основе коми-язьвинского и древнекоми материала возможно функционирование в прапермском языке вариативных форм **-lεn*, **-lan*.

2.3.2. В большинстве коми-зырянских диалектов показателем аблатива является суффикс *-лысь*. В верхневычегодском, удорском, а также во всех коми-пермяцких диалектах и коми-язьвинском наречии функционирует форма *-лісь*. В верхнекамском наречии наблюдается варьирование *-лісь* ~ *-лысь* (Баталова 1982 : 121). Форма *-лісь* встречается также в кукморском, шошминском, канлинском говорах периферийно-южного диалекта удмуртского языка, бесермянском наречии – *-лісь* ~ *-льсь* (Тепляшина 1970 : 170; Кельмаков 1969 : 303; Кельмаков 1998 : 120), в остальных говорах – *-лэсь* (ГСУЯ I : 85; Архипов 1978 : 18; Бушмакин 1971 : 211; Насибуллин 1972 : 86; Загуляева 1980 : 92), в бавлинском говоре отмечается параллельное употребление форм *-лэсь* и *-лісь* (Тараканов 1960 : 133;

Кельмаков 1998 : 120). В памятниках древнекоми письменности зафиксированы формы *-лысь*, *-лісь* (Лыткин 1962 : 104; Кузнецова 1967 : 152). По предположению В.И.Лыткина, в прапермском языке аблатив выступал с суффиксом **-lɛs'*, рефлексy которого сохраняются в удмуртском языке (Лыткин 1977 : 24; Основы III : 146). В остальных пермских языках произошло изменение гласного по аналогии с элативом, ввиду семантической и генетической общности данных падежей. Следует отметить вторичность огласовки элатива, ибо праформа этого падежа восстанавливается как **-s'* (Гуляев 1960 : 133-134). Окончательная форма элатива, видимо, сформировалась в результате процесса омонимического отталкивания со словообразовательным суффиксом кз. кп. *-дсь*, удм. *-есь* < оп. **-ɛs'*, в котором некоторые исследователи видят источник элатива, ср. *няйтдсь* 'грязный' и *няитысь* 'из грязи'. В качестве праформы аблатива можно предположить первоначально **-lɛs'(t)*, **-las'(t)* (?), в поздний прапермский период – **-lɛs'(t)*, **-lis'(t)*.

2.3.3. В большинстве диалектов коми-зырянского языка показателем датива является суффикс *-лы*, в лузско-летском и верхнесысольском диалектах – *-лѳ*, верхневычегодском – *-лі*. В коми-пермяцких диалектах почти повсеместно функционирует суффикс *-лѳ ~ -вѳ*, в верх-лупьинском диалекте и говорах верхнекамского наречия проявляется варьирование *-лы ~ -лѳ* (Баталова 1982 : 103-104). В коми-язьвинском наречии выступает формант *-лθ* (КЯД : 44), встречающийся также в бесермянском наречии и кукморском говоре удмуртского языка (Тепляшина 1970 : 170; Кельмаков 1969 : 302-303), в остальных удмуртских диалектах – *-лы* (Насибуллин 1972 : 86; Бушмакин 1971 : 211; Архипов 1978 : 18; Загуляева 1980 : 92). В современных коми языках гласный в составе суффикса выполняет смысло-различительную функцию, так как структура суффикса датива (*-IV*) идентична со структурой консекutiва, который во всех диалектах коми языков выступает с гласным *а*: кз. *-ла*, сев. кп., кя. *-ла/-la*, юж. кп. *-ва* (Баталова 1982 : 106). Считается, что дифференциация данных падежей произошла после отпадения конечного элемента суффикса – **-k*. Прапермский аллатив, послуживший основой коми датива и консекutiва, имел вариативные суффиксы – **-lɛk > *lɛ ~ *-lak > *-la* (Лыткин 1977 : 24; Основы III : 149). Появление гласного *-ы* в суффиксах удмуртского и коми-зырянского языков, видимо, объясняется влиянием аналогий на морфологическом уровне. Кроме того, Ф.Мольнар, ссылаясь на К.Редеи и А.Рона-Таша, допускает возможность последовательных изменений финно-угорского **-ä > *a > *-i* в непервых слогах уже в прапермский период (Molnár 1974 : 62).

2.3.4. Аппроксиматив во всех диалектах пермских языков имеет суффикс с огласовкой *а*, за исключением верхнесысольского диалекта

коми-зырянского языка, где выступает форма *-лэнь* (Баталова 1982 : 109; ГСУЯ I : 87). Согласно Б.А.Серебренникову (1963 : 81), гласный *э* возник в результате более поздних фонетических процессов. Исходная форма аппроксиматива восстанавливается как **-lan'* (Лыткин 1977 : 24).

Таким образом, суффиксы *l*-овых падежей на синхронном уровне сохраняют разные рефлексy финно-угорского широкого гласного, что объясняется фонетическими изменениями, аналогией с другими падежными суффиксами, омонимичным отталкиванием.

3. Проблема первичного значения *l*-овых падежей коми языка

3.1. В современных пермских языках *l*-овые падежи относятся к разным семантическим группам. В коми языке они образуют систему принадлежностных падежей (генитив, аблатив, датив), входят в группу внешнеместных (аппроксиматив) и объектных (консекутив) падежей (СКЯ I : 137-138; КПЯ : 184-193), в удмуртском – в группу субъектно-объектных (генитив, аблатив и датив) и местных (аппроксиматив) падежей (ГСУЯ I : 86). Функциональное различие современных *l*-овых падежей явилось основой разной трактовки первичного значения некоторых из них, а именно генитива, аблатива и датива.

Э.Паюсалу предполагает, что *l*-овые падежи пермских и марийского языков изначально имели принадлежностное значение. Она допускает, что суффикс **-la / *-lä*, имевший сначала локативное значение, в волжско-пермский период мог приобрести дативное и посессивное содержание (Паюсалу 1958 : 6; Pajusalu 1957b : 169). Признавая первоначальное локальное значение элемента *-l* в суффиксах принадлежностных падежей, Е.С.Гуляев (1960 : 154-158) в качестве общепермского исходного значения аблатива предлагает значение “отчуждения предмета из-под власти одушевленного предмета”. Возникновение генитива Б.А.Серебренников (1985б : 100) рассматривает как результат переосмысления комитативного значения инструментала, где *l*-овый элемент появился по аналогии с аблативом. Однако большинство исследователей считает исторически первичным значением всех *l*-овых падежей выражение локальных отношений, что основывается на их сопоставлении с прибалтийско-финскими *l*-овыми падежами, а также доказывається материалом самих пермских языков (Основы I : 261-262; Основы III : 146; Лыткин 1977 : 24; Szinnyi 1922 : 63-65; Wichmann 1924 : 161; Häkkinen 1983 : 76; Baker 1985 : 149-150). Характер первичного значения падежей предопределяется генезисом морфемного состава суффиксов, подтверждается сохранением и / или наличием некоторых следов пространственного значения датива и аблатива в памятниках древнекоми письменности, в удмуртском и ряде диалектов коми-зырянского языка, а также анализом вторичных

значений, возникших непосредственно из исходного, особенностью которых является сохранение условного комплекса дифференциальных признаков, который был создан, предопределен исходным значением. Первичность локальных значений генитива, датива и аблатива выявляется при исследовании их семантической структуры, рассмотрении взаимосвязи способов выражения посессивных и локальных отношений на более широком материале.

3.2. Отнесение генитива, аблатива и датива к группе принадлежностных падежей требует более общего, широкого понимания термина посессивность, чем это принято в финно-угроведении, отчасти речь пойдет о посессивности “глубинных структур”.

Широкая интерпретация посессивности позволяет выделить в нем определенные фазы: начало обладания, собственно обладание и конец обладания. Соответственно, для определения семантической структуры рассматриваемых падежей следует выделить дифференциальные признаки, которые образуют бинарную оппозицию в плане содержания поля посессивности. Учитывая семантические особенности падежей, можно выделить следующие оппозиции: динамическая / статичная посессивность, воспринимаемая / отчуждаемая посессивность, имплицитная / эксплицитная посессивность, допуская при этом некоторую условность применяемых терминов.

Для сопоставления средств посессивности включается также номинатив, который считается исторически исходным средством выражения посессивных отношений (Основы I : 237).

3.2.1. Динамическая / статичная посессивность. Выделение данных признаков производится в зависимости от характера отношений между обладаемым и обладателем в определенный период времени. Динамическая посессивность выражает изменение обладателя, т.е. обозначает начало или конец принадлежности чего-либо кому-либо в данный период времени. Под статичной посессивностью подразумевается постоянное обладание, или наличие, принадлежность чего-либо кому-либо в рассматриваемый период времени. По данному признаку противопоставляются генитив и номинатив с дативом и аблативом.

3.2.2. Воспринимаемая / отчуждаемая посессивность. В рамках динамической посессивности отчетливо выделяются семы отчуждаемой и воспринимаемой посессивности, нашедшие свое выражение соответственно в формах аблатива и датива. Аблатив обозначает конец обладания, т.е. нечто, принадлежавшее одному обладателю, переходит во владение другого обладателя: кз. *myrddyny zonkalysy* ‘отобрать у мальчика’. Датив, наоборот, предполагает восприятие, начало обладания,

что обусловлено адресованностью, предназначенностью предмета, действия: кз. *сетны зонкалы* ‘дать мальчику’.

3.2.3. Имплиcitная / эксплицитная посессивность. По данному признаку *l*-овые падежи противопоставляются номинативу. Сема имплицитности представляет виртуальную принадлежность, сема эксплицитности – актуализованную принадлежность путем оформления грамматическими маркерами. Ср. кз. *мѣс юр* ‘коровы (коровья) голова’, кз. *мѣслѣн юр* ‘коровы голова’, кз. *зонкалысь босьті небѣг* ‘у мальчика взял книгу’, кз. *зонкалы сеті небѣг* ‘мальчику отдал книгу’. Семантическое отличие присубстантивного номинатива и генитива характеризуется следующим образом: “при употреблении конструкции с именительным определением говорящий желает обратить внимание не на слово, выражающее принадлежность, а определяемое им слово”, в то время как при генитиве акцент делается на слово, стоящее в форме данного падежа (СКЯ I : 140-141). Исходя из этого, номинатив определяется наличием семы имплицитной посессивности, образуя оппозицию с *l*-овыми падежами, которые проявляют сему эксплицитности.

3.2.4. Семантическая структура рассматриваемых падежей представлена в табл. 3.

Таблица 3

Семантическая структура принадлежностных падежей
и присубстантивного номинатива

Признаки \ Падежи	Номинатив	Генитив	Аблатив	Датив
+ динамическая / – статичная посессивность	–	–	+	+
+ воспринимаемая / – отчуждаемая / ± статичная посессивность	±	±	–	+
+ имплицитная / – эксплицитная посессивность	+	–	–	–

l-овые падежи, выражая принадлежность в “глубинных” структурах, объединяются по признаку эксплицитности, проявляя отличие в обозначении динамической / статичной посессивности.

Если отвлечься от значения посессивности и исходить из положения, что исторически первичным значением всех *l*-овых падежей, в том числе генитива, аблатива, датива, было выражение локальных отношений, то

появляется возможность рассмотреть их в системе признаков, предложенных для описания пространственных отношений (см. Шелякин 1985 : 45). Типы оппозиций для описания пространственных отношений (динамическая направленность / локация; прямая / обратная направленность; инклюзия / эксклюзия) легко сопоставимы с подобными для выражения посессивных отношений. Кроме того, наблюдаются их параллелизм и семантическое сходство: динамическая посессивность соответствует динамической направленности, статичная посессивность – локации, воспринимаемая / отчуждаемая посессивность – прямой / обратной направленности и имплицитная / эксплицитная посессивность условно – инклюзии / эксклюзии. В связи с этим генитив (адессив), аблатив, датив (аллатив), как местные падежи, должны были характеризоваться следующей системой признаков (табл.4).

Таблица 4

Семантическая структура генитива, аблатива, датива
в локальной интерпретации

Признаки \ Падежи	Генитив (адессив)	Аблатив	Датив (аллатив)
+ динамическая направленность / – локация	–	+	+
+ прямая / – обратная направленность / ± локация	±	–	+
+ инклюзия / – эксклюзия	–	–	–

Если интерпретировать признаки, полученные в табл. 4 для каждого падежа, то первоначальным значением генитива (адессива) было выражение местонахождения (локация) около, вблизи, на поверхности чего-либо. Аблатив выражал динамическую обратную направленность от внешней границы чего-либо. Датив (аллатив), образуя оппозицию с аблативом, обозначал прямую направленность в сторону чего-либо, к внешней границе чего-либо без проникновения в его внутреннюю сферу. Наличие общего признака – эксклюзии, встречающегося в семантической структуре каждого падежа, позволяет рассматривать их как особую систему внешнеместных падежей.

Полученная симметрия дифференциальных признаков локальных и посессивных отношений свидетельствует о взаимосвязи способов их выражения, наличии единой семантической структуры и определенного типа отношений, который был предопределен первичным локальным значением и сохранился в значениях вторичного происхождения, воз-

никших из исходного. При рассмотрении *l*-овых падежей прибалтийско-финских языков можно обнаружить способность выражать нечто подобное, как обладание. Аллатив, адессив и аблатив допустимо идентифицировать с тремя фазами обладания: аллатив обозначает изменение (чаще начало) обладания, адессив – просто обладание, аблатив – прекращающее обладание (см. Szabó 1981 : 47-48).

Вероятно, что посессивные отношения, выражаемые *l*-овыми падежами пермских языков, возникли на основе локальных отношений и являются вторичными по отношению к ним. Взаимосвязь средств выражения посессивных и локальных отношений прослеживается в пределах всей уральской языковой семьи, а также в языках других систем.

В уральских языках различия в структуре падежей, выражающих различные типы отношений, можно проследить на примере пермских языков. В пермских языках различия в структуре падежей, выражающих различные типы отношений, можно проследить на примере пермских языков. В пермских языках различия в структуре падежей, выражающих различные типы отношений, можно проследить на примере пермских языков.

Падежи	Положительный	Отрицательный	Генитив	Аблатив	Инфинитив
Положительный	+	+	+	+	+
Отрицательный	-	-	-	-	-
Генитив	+	+	+	+	+
Аблатив	+	+	+	+	+
Инфинитив	+	+	+	+	+

В пермских языках различия в структуре падежей, выражающих различные типы отношений, можно проследить на примере пермских языков. В пермских языках различия в структуре падежей, выражающих различные типы отношений, можно проследить на примере пермских языков. В пермских языках различия в структуре падежей, выражающих различные типы отношений, можно проследить на примере пермских языков.

1. Сущность категории падежа и его семантическая структура

1.1. *Основные направления изучения падежа.* В современной лингвистике сложилось несколько направлений описания природы и семантики падежей, различия между которыми определяются прежде всего пониманием природы падежного значения. Существуют четыре основные концепции:

1) Парадигматический, или морфологический, подход характеризуется анализом падежной семантики с точки зрения их структурных оппозиций как членов парадигмы слова. Одно из первых теоретических обоснований этого направления представлено в работе Р.Якобсона (1962), который предлагает комбинированную характеристику падежей по трем дифференциальным признакам: направленности – ненаправленности, центральности – периферийности, объемности – необъемности, различая “общее” и “частные” значения, причем последние рассматриваются как позиционные варианты “общего” значения, возникающие под воздействием контекста. Стремление к установлению соотношения “одна падежная форма – одно (единое) значение” наблюдалось уже в трудах античных грамматистов, работах представителей сравнительно-исторического языкознания прошлого века (см. Виноградов 1972 : 140-141). Теория Р.Якобсона получила развитие в современных лингвистических работах (например, Чешко 1959; 1973), в том числе и в финно-угроведении (Кросс 1984 : 63-64). Однако вопрос о существовании инвариантных значений решается далеко не всегда положительно (см. Курилович 1964; Кацнельсон 1972 : 42-43; Володин 1974 : 272-275; Вежбицка 1985). Важность морфологического подхода отмечается на первоначальной ступени исследований, особенно при выявлении единиц падежных парадигм и установлении их грамматической семантики, отличающейся парадигматической противопоставленностью. Падежная парадигматика (на уровне морфологии) подготавливает, открывает функционирование падежных форм (на уровне синтаксиса).

2) Синтагматический, или синтаксический, подход основывается на первичности синтаксических функций по отношению к морфолого-семантическим. Представители данного направления считают, что сами падежные формы лишены семантики: она вычленяется из общей семантики синтагмы, в которую входит падеж. Значения падежей соотносятся с их позициями и функциями в предложении (см. Грамматика 1970 : 327-328; Грамматика 1980 : 476; Мартынов 1971 : 86-87; Розенберг 1971 : 116; Золотова 1973; 1982). Так, например, Н.Ю.Шведова считает, что “основными и самыми обобщенными падежными значениями ... являются

значения объектное, субъектное, определительное и необходимой информативно восполняющей формы” (Грамматика 1980 : 476). Указанные функции содержат все падежи. Различие заключается в том, выступают ли они в качестве центрального или же периферийного значения. Данное противопоставление соотносится с разграничением первичных и вторичных функций грамматических форм Е.Куриловича (1964 : 200), которые определяются по их отношению к глаголу.

Синтаксический подход рассмотрения падежа преобладает в зарубежном финно-угроведении. Р.Бартенц, исследуя функции падежей саамских диалектов, основными критериями классификации предлагает считать определение позиции падежа в конструкции и его выступление в роли центрального или же периферийного членов предложения. К первым из них относятся субъект, предикатив, объект и облигаторный член глагола, вторую группу образуют факультативный член глагола, атрибут глагола и агент (Bartens 1972). Л.-Г.Ларссон, рассматривая употребление прибалтийско-финского партитива, выделяет предикативную, субъектную и объектную функции падежа (Larsson 1983). Аналогичное описание падежных функций представлено и в работах других исследователей (см. Alhoniemi 1967; Kangasmaa-Minn 1966; 1969).

Ориентация на синтаксический уровень исследования не раскрывает особенности и семантическую структуру каждого падежа. Она позволяет установить лишь отличие / сходство падежей в лексико-дистрибутивном плане. Синтаксическими функциями обладают все падежи, ибо в предложении они выполняют функции членов предложения. Поэтому такое описание не дает существенного результата для понятия семантики и установления дистрибуции падежа.

3) Логико-семантический подход представляет собой теорию чистого падежного значения в отрыве от формы (см. Hjelmslev 1935; Филлмор 1981a; 1981b). Так, например, Ч.Филлмор, различая “глубинные” и “поверхностные” структуры, выделяет шесть семантических падежей: агентив, инструктив, датив, фактитив, локатив, объектив. Однако логико-семантический подход не раскрывает особенности падежа как грамматического явления, поэтому он не получил продолжения в лингвистических исследованиях (см. Володин 1974 : 275-277; Вежицка 1985 : 303).

4) Системно-функциональный подход. Толкование падежа с позиций признания его синтаксической или морфологической одномерностей, а также понимание падежа вне изучения форм его материального выражения вступают в противоречие с языковой действительностью, ибо сама по себе возможность описания падежа в терминах синтаксиса, морфологии и семиотики требует системного изучения. Этим объясняется появление нового направления лингвистического анализа – функциональной

грамматики, анализирующей взаимодействие и взаимообусловленность значений грамматической формы и контекста, которое находит более широкое применение в лингвистике. Сторонники данного направления исходят из обусловленности развития языковых единиц от специализированных коммуникативных функций (Мельников 1980 : 42). Н.В.Чеботарева отмечает, “что падежная система ориентирована на потребности общения, и что основные черты ее строения сложились в совместной речевой деятельности носителей языка на основе этих потребностей” (Чеботарева 1984 : 5). Именно в процессе коммуникации происходит взаимодействие морфологической формы, ее лексического содержания и занимаемой синтаксической позиции. В результате такого сложного взаимодействия одна падежная форма может выражать не одно, а несколько значений. Присоединяясь к данному направлению, подробнее осветим теоретические положения в вопросе падежной семантики.

1.2. *Функциональная сущность категории падежа.* Категория падежа в финно-угроведении определяется более или менее однозначно. Существующие модификации не касаются основного содержания, но не всегда отличаются точностью и полнотой (ср. СКЯ I : 137; ГСУЯ I : 85; КПЯ : 183; ГМЯ : 151; СМЯ : 54). Поэтому в качестве исходного принимается определение Грамматики 1980: “падеж — это словоизменятельная категория имени, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношение имени к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения” (Грамматика 1980 : 474-475). Отношения между словами выражаются и другими грамматическими единицами, поэтому считаем более приемлемой точку зрения, согласно которой падежи сами по себе являются не просто показателями отношения, а показателями **направления отношения** (Уемов, Уемова 1961 : 139). Направление отношения здесь понимается в самом общем значении: речь идет об отношениях между предметами, которые обозначаются словами, стоящими в определенных падежах. Например, в предложении *Me gijša neböğ* ‘Я пишу книгу’ выражается направленное отношение предмета “*ме*” ‘я’ к предмету “*неböğ*” ‘книгу’. В системе данных отношений каждый из падежей указывает на функцию предмета в ситуации высказывания: “*ме*” – реальный субъект, “*неböğ*” – объект. Следовательно, значение падежной морфемы – это прежде всего выражение определенной коммуникативной функции. Такое понимание значения падежа требует некоторого пояснения сущности терминов “функция” и “семантика” языковых единиц, которые в лингвистике, особенно в синтаксических исследованиях, обычно противопоставляются, при этом функция проявляется в классической теории членов предложения. Однако в работах функцио-

нального направления термины “значение” и “семантическая функция” употребляются фактически как синонимы (Клобуков 1986 : 38). В данной интерпретации функция отражает любое назначение элемента языка (впервые была представлена в трудах пражской лингвистической школы) (Гак 1985 : 9-10). Необходимо различать семантико-морфологические функции, или значения грамматических категорий, и семантико-синтаксические функции (о типологии функций грамматических форм см. Шелякин 1985 : 39). Здесь и далее значение падежа будет рассматриваться как семантико-синтаксическая функция, под которой понимается “типизированная семантическая роль существительных в семантической структуре контекста (словосочетания или предложения), устанавливаемая путем семантического обобщения отношений между существительными в данной падежной форме и непосредственно распространяемым словом” (Шелякин 1983 : 43).

1.3. *Системная организация падежных значений.* При рассмотрении семантики падежей придерживаемся точки зрения, согласно которой общих инвариантных значений не существует, так называемые “частные” значения падежей не являются “частными” разновидностями единого “общего” значения, “а отдельными функциональными единицами, каждая из которых обусловлена системой языка и должна быть выделена особо” (Кацнельсон 1972 : 43). Значения падежей находятся в определенных отношениях друг к другу. В связи с этим определяются: 1) закономерные связи между разнообразными значениями одной и той же падежной формы; 2) системные отличия семантики каждой из падежных форм, т.е. место каждого падежа в общей системе смысловых противопоставлений, характеризующих категорию падежа для синхронного состояния языка (Клобуков 1986 : 41). По мнению Е.В.Клобукова, “закономерные связи частных значений одной и той же падежной формы основываются не на их семантическом сходстве..., а на функциональной общности — значения одного падежа позиционно чередуются, образуя функционально-семантическую парадигму” (Клобуков 1986 : 49). Представляется, что позиционное чередование показывает не только сходство, взаимосвязь, но и различие, дискретность падежных значений одной формы. Падежная форма, употребленная в разных контекстах, имеет различные функциональные характеристики. Поэтому необходимо учитывать контекстные реализации падежных форм при разграничении их функционально-семантических разновидностей. Н.Ю.Шведова (Грамматика 1980 : 424) предлагает разграничивать присловные и неprisловные позиции, т.е. предопределенные лексико-синтаксическими свойствами стержневого слова в словосочетании и в которых поведение падежной формы обуслов-

лено синтаксическими свойствами всего предложения в целом. Е.В.Клобуков (1986 : 45) объединяет эти два типа под термином “внешний контекст” и вводит понятие “внутреннего контекста”, который определяется “лексико-семантическими и грамматическими свойствами существительного, принимающего данную падежную форму”. Следует согласиться с Е.В.Клобуковым (там же : 46) и в том, что “вопрос о внешнем контексте падежа нельзя сводить лишь к проблеме разграничения присловных и неprisловных позиций, которые хотя и представляют собой наиболее частотные типы падежного функционирования, но не исчерпывают всей типологии позиций, характеризующих употребление падежных форм”. Предлагается учитывать также “дополнительные”, текстовые, допредложенческие позиции и абсолютно изолированное функционирование падежей вне какого бы то ни было языкового окружения. При разграничении падежных значений будем руководствоваться в основном двумя типами контекстов: внутренним (принимается дефиниция Е.В.Клобукова) и внешним, который подразделяем на минимальный, средний и максимальный внешние контексты.

1) Минимальный внешний контекст – уровень словосочетания; значения падежной формы обусловлены лексико-грамматическими свойствами управляющего слова и лексемы в падежной форме. Различаются следующие: приглагольная позиция (включаются не только личные формы глагола, но инфинитивные: инфинитив, причастие, деепричастие); присубстантивная позиция, которая нередко характеризуется только отглагольными существительными, поэтому такие позиции при описании иногда преднамеренно опускаются; приадективная и приадвербиальная;

2) средний внешний контекст – уровень предложения; включаются значения, обусловленные структурой синтаксической конструкции, в которую падежная форма входит как “модельный” элемент;

3) максимальный внешний контекст – уровень связного текста. В качестве дополнительных средств внешнего контекста принимаются интонация, порядок слов. Следует отметить, что несколько иная интерпретация типов контекстов предлагается при рассмотрении присубстантивного генитива. Согласно предложенным типам контекстов, его семантика реализуется на уровне минимального внешнего контекста. Генитив в данной позиции проявляет функциональную вариацию с номинативом, в зависимости от структуры контекста, в котором употреблено словосочетание в целом. Поэтому под минимальным внешним контекстом будет пониматься уровень словосочетания вне другого контекста, под средним – реализация данного словосочетания на уровне предложения, под максимальным – реализация словосочетания на уровне связного текста.

Падежи в большинстве случаев полифункциональны, причем функции разных падежей иногда перекрещиваются. Выступая в качестве функционально тождественных единиц в определенном контексте, падежные формы проявляют различные виды синонимичного употребления. Синонимичность форм определяется при сохранении характера структуры предложения, количества и идентичности ее компонентов. При выявлении вариации принимаются во внимание два основных аспекта: семантический и синтаксический. Семантический аспект учитывает лексико-грамматическую характеристику лексемы, с которой выступает падежная форма, синтаксический – синтаксическую позицию в конструкции. При определении степени совпадения сочетаемости грамматических единиц в контексте вводятся в оборот термины “полное совпадение сочетаемости”, “включение сочетаемости”, “полное несовпадение сочетаемости”, примененные Ю.Д.Апресяном при рассмотрении лексической синонимии (Апресян 1969 : 83-87). Если оба падежа встречаются в одинаковых условиях, взаимозаменяемы, равноправны в определенном типе контекста, то они проявляют полное совпадение сочетаемости. Если же одна из падежных форм обнаруживается в данных контекстуальных условиях, а в других не может реализоваться, то они проявляют “включение сочетаемости” или “полное несовпадение сочетаемости”, выступая в функции дополнительной дистрибуции.

Описание падежных значений в работе строится по принципу – от первичных значений к вторичным, ибо именно исторически первичные функции в дальнейшем определили путь функционально-семантического развития каждого падежа. При этом учитываются все значения падежей, независимо от того, реализуются ли они во всех пермских языках, или только в одном из языков (диалектов). Выбор предлагаемого способа описания преследует две цели: 1) полно отразить падежную дистрибуцию в синхронии; 2) предоставить полученное описание, как срез в общем процессе диахронных изменений. Таким образом, представляемый синхронный срез языка служит первым этапом реконструкции языкового развития. Подход, основывающийся на принципе историзма, позволит раскрыть процесс функционального развития падежа, осветить современное состояние и определить его уровень в процессе развития падежей от конкретных к грамматическим, а далее установить место падежа в парадигме склонения.

Для полной характеристики падежей необходимо сопоставительно-типологическое исследование их семантической структуры, которое позволит определить инвариантные значения и возможные варианты их проявления в отдельном языке. Путем типологических исследований выявляются “два типа универсалий: 1) общие законы (полные универса-

лии), касающиеся всех языков, и 2) типы структур, используемые в большинстве языков для выражения того или иного содержания (неполные универсалии). Впрочем, неполными универсалиями считаются всякие возможные типы выражения того или иного содержания, общие для ряда (не для большинства) языков" (Майтинская 1969 : 6). По терминологии В.Скалички (1966 : 23), типологическое сравнение родственных языков – это микротипология, неродственных – макротипология. Типология близкородственных языков находится между общей типологией и сравнительно-историческим языкознанием. От общей типологии заимствуется метод сопоставления языковых фактов, от сравнительно-исторического языкознания – их историко-генетическое освещение. При определении типологии падежных значений пермских языков в работе *l*-овые падежи сопоставляются с падежами идентичного содержания других финно-угорских и самодийских языков, при необходимости и неродственных (русского, тюркских). Эффективность типологического изучения того или иного уровня языка в значительной мере зависит от наличия предварительных исследований (Серебренников 1958а : 26). Поэтому из-за отсутствия специальных работ по падежной семантике в некоторых сравниваемых языках типологические обобщения будут носить предварительный характер.

2. Семантическая структура генитива

2.1. *Из истории изучения семантики падежа.* С появлением описательных грамматик пермских языков генитив последовательно отмечается как принадлежностный падеж, реализующий свои значения в *haben*-конструкциях и присубстантивной позиции (Gabelentz 1841 : 54; Попов 1842-1844 : 67; Савваитов 1849 : 102-103; Wiedemann 1884 : 117; Емельянов 1927 : 138-139; СКЯ I : 140-141 и др.), хотя Ф.Й.Видеман и А.И.Емельянов посессивную функцию генитива определяли как место, около которого или при котором локализуется действие, правильность чего можно признать только диахронически. В более поздних работах указывается проявление генитива в роли субъекта действия в безличных и пассивных конструкциях (Фролова 1950 : 111-112; ССД : 31, 34; ПСД : 63-64 и др.), иногда данные значения отмечаются только в разделе синтаксиса (СКЯ II : 58). Следует признать большую изученность удмуртского присубстантивного генитива (ГСUY I : 79-81; Перевощиков 1961; Вахрушев 1980), тогда как в коми языке отмечены лишь некоторые семантические реализации (см. Сидоров 1953 : 164; СКЯ II : 50-52), однако дан более подробный анализ присубстантивного номинатива (см. Сидоров 1950 : 646-648; СКЯ II : 47-50). Развитие значений от локальности к посессив-

ности и далее к агентивности в общих чертах прослеживается в работе Р.Бейкера (Baker 1985 : 147, 148, 151).

2.2. Семантическая структура

1. Пространственное значение. В пермских языках первичное локальное значение – место около, вблизи, на поверхности чего-либо – не прослеживается. Суффикс *-lon*, выделяющийся в структуре некоторых удмуртских наречий, можно возвести к форме **-lan* и рассмотреть как сохранившийся суффикс генитива с пространственным значением. Изменение *a* в *o* объясняется лабиализацией гласных непервого слога, которая произошла в позднепраудмуртский период (см. Кельмаков 1993 : 25). Ср. удм. *педлон* ‘во дворе, на улице’, *пыдлон* ‘далеко, в глубине’, *сьбрлон* ‘на чужбине’ (ср. *педпал* ‘внешняя часть, наружная сторона’) (УРС : 22, 24, 45, 336).

2. Пространственно-посессивное значение, указывающее одновременно на место и его принадлежность определенному лицу. Генитив в данной функции почти полностью вытеснен конструкциями с послелогом кз. кп. *ордын*, удм. *дйньын*, *дорын* ‘у’, имеющими идентичное значение, или же инессивными словоформами с показателем множественности. Ср. кз. ... *менам аскомысь бал* (КМС : 72) ‘... у меня послезавтра бал’: *менам – ме ордын – миянын*; Кольом лунö *Вишкунлön бара вöлі помеч* (Юхнин I : 37) ‘Вчера у Вишкуна опять были помочи’: *Вишкунлön – Вишкун ордын – Вишкунъясын*. Несмотря на возможность синонимической трансформации грамматических средств, в случае генитива видна бóльшая доля оттенка посессивности.

3. Посессивное значение является основным во всех пермских языках. Оно проявляется в приглагольной и присубстантивной позициях на уровнях словосочетания и предложения. Возможность сочетания генитивной словоформы как с существительным, так и с глаголом создает неустойчивость словосочетаний, в связи с этим при разграничении значений возрастает роль всех типов внешнего контекста, интонации наряду с лексическим значением слова. Поэтому присубстантивное и приглагольное употребление необходимо рассмотреть отдельно.

3.1. Приглагольная позиция

Генитив содержит указание на субъект владения / невладения чем-либо, реализуется в конструкциях с глаголами бытия, которые могут эллиптироваться. В зависимости от позиции компонентов конструкции, он выступает как член *habeo*-конструкции или посессивный предикатив.

3.1.1. В конструкциях первого типа генитив проявляет различные значения субъекта-посессора, среди которых наиболее типичными являются:

1) обладатель предмета, лица, живого существа: кз. *Крестьянинлön вöлі кык ти да öти ныв* (КМС : 40) ‘У крестьянина было два сына и одна

дочь'; кп. *Вөлісö старик гозъялöн куим зон* (Оласö : 86) 'У старых супругов было три сына'; удм. *одиг муртйослэн вылэм писайзы...* 'У одной семьи (у одних людей) был кот...' (ОУР : 55); *Вальёссы калмезьёслэн öй вал бере, чечыез пичи дöдьяюсын нуллйллям* (Владыкина : 222) 'Поскольку лошадей у калмезов не было, мед возили на санках'. Конструкции этого типа генитива наиболее продуктивны, по сравнению с другими, во всех пермских языках;

2) обладатель внутреннего состояния: кз. *Тайö-ö медыджыд шогыс вöлі Степанлöн?* (Юхнин I : 31) 'Это ли было самым большим горем у Степана?'; кп. *Быт мортлöн эм аслас шог* 'У каждого человека есть свое горе'; удм. *Солэн вал бадзьым куректонэз* 'У него было большое горе';

3) обладатель признака: а) обладатель качественной характеристики: кз. *Нывлöн вöлі сёрни сям да мичлун* 'У девушки были умение говорить и красота'; удм. *Котькыче узлэн аслаз чеберез вань* 'В каждой работе есть своя красота' (УФ : 21); б) обладатель относительной характеристики: кз. *Сылöн вöліны паськыд пельпомъяс, неуна гөрбыльтчыштöм мыш...* (Юхнин II : 15) 'У него были широкие плечи, немного сторбившаяся спина...'; удм. *Людэлэн вал бадзьимесь синьёсыз* 'У Люды были большие глаза'. При объекте обязательно наличие определения, так как в конструкциях отмечается не факт неотчуждаемой принадлежности части к целому, а определенное качество, признак, характерные для лица (предмета).

3.1.2. В конструкциях второго типа генитивная словоформа входит в состав именного составного сказуемого. Генитив стоит обычно в конце предложения или же на втором месте перед глагольной связкой (см. Bartens 1973 : 39) : кз. *Тайö керкаыс Кöсьта Мишкалöн* (Пыстин : 15) 'Этот дом у Михаила Константиновича'; кп. *Нывка сорласьтöг везжöртис, что куканес и былись мамыслöн* (Фадеев : 21) 'Девочка безошибочно поняла, что эти телята и на самом деле ее матери'; *Öтік керкуокын только тыдалö учöтик биок. Эта – Мося Мишкалöн* (М.Лихачев) (Парма асыв : 31) 'Только в одном доме виднеется тусклый огонек'; удм. *Та дöдья Иван Петырлэн* 'Эти сани Петра Ивановича' (ГСУЯ II : 114).

3.2. Значение субъекта "касательства" возникло на основе пространственно-посессивного значения, проявляется на уровне предложения в функции обусловленной формы в конструкциях, где ситуация в целом имеет к субъекту ближайшее внутреннее касательство. Семантика генитива варьируется в зависимости от лексико-грамматических свойств компонентов конструкции, наиболее употребительны следующие разновидности:

1) лицо как носитель ситуации, состояния: кз. *Ловъя Тян?! – зонкалöн гöгрöсмисны синъясыс* (Торопов II : 108) 'Живой Тян?! – у мальчика округлились глаза'; кп. *Кусис луныс, и Ярашколöн мымдакö ямис курьт*

шогыс, но эз чулав (В.Климов) (Парма шы : 197) ‘Прошел день, и у Ярашко немного утихло горе горькое, но не прошло’; удм. *Азътэмлэн дэремез но вие* ‘У ленивого даже рубашка болит’ (УФ : 33);

2) лицо как создатель ситуации: кз. *Сылён некыдз эз о́йы сямодыс* (Юхнин I : 83) ‘У него никак не разгоралась береста’; кп. *Тодчис, что эта местаын дедлён сотчёма би* (В.Баталов) (Парма шы : 152) ‘Было видно, что в этом месте у бабушки горел костер’;

3) лицо как участник ситуации: кз. *Уджыс пуис челядьсылён* ‘У детей кипела работа’;

4) лицо, приобретающее / теряющее предмет: кз. *Сылён чужис пи* ‘У него родился сын’; кп. *Бедной мортлён чужом зон* (Оласё : 50) ‘У бедняка родился сын’; удм. сред. *бал’ан митрэйлэн пийэз ворткэм* ‘У Баян Митрея родился сын’ (ОУР 2 : 179);

5) лицо, констатирующее определенные отношения: кз. *Менам пö, эськö, вöли сар пивыд вок, да тöлысь пö нин эз волю* (КМС : 73) ‘У меня, мол, сын царя был ведь братом, да месяц уже не приходил’; кп. *талун пö кинкö баняас шуис, что ньлочкаыс бедной зоночкалён лоас невестаён* (Оласё : 50) ‘Сегодня кто-то в бане, мол, сказал, что эта девочка станет невестой бедного парня’.

Субъект “касательства” занимает особое положение в системе принадлежностных значений генитива. С одной стороны, он сближается с генитивом *habeo*-конструкций, проявляя значение обладателя и выступая в качестве “определяемого” по отношению к остальной части конструкции, которая в целом составляет семантический предикат. С другой – он обнаруживает дистанционную синтаксическую связь с существительным, выступающим в роли грамматического субъекта. Поэтому нередко при идентичном внешнем контексте разграничение генитива субъекта “касательства” от присубстантивного его употребления зависит от дополнительных средств. Например, в предложении кз. *Тайö лöглуныс сылён чужис да öкмис эз кольём луньясö и эз сöмын талун асыв...* (Юхнин I : 59) генитивную словоформу можно интерпретировать как обладателя, носителя определенного признака, если пауза делается после данной словоформы: *Тайö лöглуныс сылён // чужис да öкмис эз кольём луньясö и эз сöмын талун асыв...* ‘Эта злость его // зародилась и накапливалась не в прошлые дни, и не только сегодня утром...’. В случае интонационного разделения компонентов словосочетания *лöглуныс сылён*, т.е. наличия некоторой паузы между ними, позволяет рассматривать генитивную словоформу как субъект “касательства”: *Тайö лöглуныс // сылён чужис и öкмис...* ‘Эта злость // у него зародилась и накапливалась...’. В данном случае при разграничении двух самостоятельных функций внешний и внутренний контексты выступают в роли вспомогательного средства по

сравнению с интонацией. Возможно, на основе генитива субъекта “касательства” возникло присубстантивное употребление падежа. Реализация на уровне предложения допускает позиционное варьирование. Поэтому, видимо, когда генитив оказывался в препозиции к существительному, как правило, выступающему с посессивным суффиксом, то под влиянием последнего он начинал проявлять значение собственной принадлежности. Указанная позиция постепенно закреплялась за генитивом и выделялась в особую функцию. Вторичность присубстантивного употребления генитива по отношению к приглагольному признается и в других языках (см. Володин 1974 : 284-285; Курилович 1962 : 192).

3.3. Присубстантивная позиция

Самым старым способом падежного выражения посессивных отношений является номинатив, который сохранил свои определительные функции в современных финно-угорских языках (Основы I : 237). Поэтому сравнение номинатива и генитива позволит определить общее и частное в функционировании каждого из двух, разных по времени образования, способов выражения посессивных отношений в пермских языках и проследить возможный процесс их дальнейшего развития. Исследователи финно-угорских языков отмечают, что при выражении посессивного значения номинатив и генитив содержат разную степень определенности и конкретности, проявляя, соответственно, виртуальное или актуализованное значения (Ravila 1945 : 324-325; Itkonen 1966a : 258-260; Kont 1973 : 165). Суффиксально оформленное слово всегда несло более самостоятельное и ясно подчеркнутое значение по сравнению с неформальным именем, которое имеет тенденцию утрачивать свое индивидуальное значение и становится общим понятием (Ravila 1945 : 324-325). Подобное объяснение семантической разницы между генитивом и номинативом принято и в пермском языкознании: в коми языке “при употреблении конструкции с именительным определением говорящий желает обратить внимание не на слово, выражающее принадлежность, а определяемое им слово”, в то время как при генитиве акцент делается на слово, стоящее в форме этого падежа (СКЯ I : 140-141); в удмуртском языке в примыкаемых словосочетаниях посессивные отношения характеризуются как неопределенно-конкретные, а в генитивных конструкциях – как определенно-конкретные (ГСУЯ I : 78; Перевощиков 1961 : 267-268; Вахрушев 1980 : 145). Однако отношения в примыкаемых словосочетаниях нельзя однозначно рассматривать в качестве неопределенно-конкретных. Семантическая разница проявляется только на уровне минимального контекста – словосочетания при наличии имени собственного, ср. *колхоз бусы* ‘колхозное поле’ – *колхозлэн бусыез* ‘поле колхоза’ – “Дружба” *колхозлэн бусыез* ‘поле колхоза “Дружба”’ (примеры: Вахрушев 1980 : 133). В

максимальной контекстной реализации она может нейтрализоваться, так как в определенных позициях номинативная словоформа проявляет оттенок определенно-конкретного значения. Например, в предложении кз. *Сийö... йоткысис Петрик пыж бõрся* (Доронин : 21) 'Он... оттолкнулся вслед за лодкой Петрика' номинатив в словосочетании *Петрик пыж бõрся* выражает принадлежность определенному конкретному лицу. Ср. словосочетание с генитивом *Миколлõн пыжыс* в предложении *Петрик оз вöли чайт, мый Миколлõн пыжыс кõнкõ вöли матын...* (Доронин : 21) 'Петрик не думал, что лодка Миколы где-то здесь близко...'. Видимо, до появления генитива номинатив выражал как определенно-, так и неопределенно-конкретные посессивные отношения. Возникновение генитива было связано с необходимостью дифференциации оттенков значения посессивности. Имея более подчеркнутую семантику, он постепенно вытесняет номинатив в функции определенной принадлежности и становится доминирующим средством при ее реализации, что более характерно для удмуртского языка.

В коми языках номинатив и генитив присубстантивной позиции нередко выступают в функции дополнительной дистрибуции или как грамматические синонимы, реализуя, соответственно, неподчеркнутую / подчеркнутую определенно-конкретную принадлежность. Наличием данной семантической разницы, возможно, объясняется ограниченность употребления показателей категории числа; определенности и посессивности компонентами номинативных словосочетаний, в то время как компоненты генитивного словосочетания довольно последовательно принимают посессивные суффиксы, при необходимости – суффикс множественности (СКЯ I : 140). К.Конт (Kont 1973) выделил основные случаи актуализованного значения принадлежности в финно-угорских языках, которые схематично можно представить как: 1) A gen B; 2) A gen B poss 3; 3) A nom B poss 3, где A gen — атрибут в генитиве, A nom — атрибут в номинативе, B — главное слово без посессивных показателей, poss 3 — посессивный суффикс 3-го лица. Исследователь отмечал, что типичной для пермских, а также для марийского и мордовских языков является вторая модель, которая соответствует третьему типу изафета тюркских языков. Отсюда делается вывод о возможном тюркско-татарском влиянии в использовании посессивных суффиксов в атрибутивных словосочетаниях пермских и волжских языков. Однако не исключается и типологическое развитие языков. Последовательное оформление главного слова генитивного словосочетания посессивным суффиксом 3-го лица обнаруживается в удмуртском языке: *нылпиослэн шудонгёссы* 'игрушки детей', букв. 'у детей – игрушки – их', *уроблолэн питранэз* 'колесо телеги', букв. 'у телеги – колесо ее' (Вахрушев 1980 : 145). Данная модель является

наиболее продуктивной и в коми языках: кз. ... *издук мысьти керкаё пырис Мишкालён мамыс* (Юхнин I : 60) '... и через минуту в дом вошла мать Мишки'; кп. *Пессё Ёринлён сёлдымыс* (М.Лихачев) (Парма асыв : 33) 'Бьется сердце Арины'.

Следует отметить, что в коми языках функционируют также конструкции, когда посессивный суффикс принимает генитивная словоформа: 1) A gen poss B poss кз.: ...*Игорыслён мамыс сёмын бур кёсий пыислы*. (Куратова : 79) '... мать Игоря только хорошее хочет для своего сына'; и 2) A gen poss B: *Сы вылын ёні вёлі покойнича мамыслён лёз дёра шушун* (Юхнин I : 18) 'На ней теперь был синий домотканый сарафан своей покойной матери'. Наличие посессивных суффиксов в генитивных конструкциях объясняет грамматическую необусловленность позиции генитива по отношению к определяемому слову: генитивная словоформа относительно свободна и подвижна, может иметь как препозитивную, так и постпозитивную постановку (Сидоров 1953 : 29, 33; СКЯ I : 141). Позиция генитива определяется композиционно-синтаксическим строением контекста и не меняет существа его отношений с другими компонентами предложения. Например, кз. *А вёлыс Святогорлён кутіс джёмдавын* (КМС : 124) 'А конь Святогора начал спотыкаться'; *Аскомысь воис нимлун батльён* (КМС : 72) 'Послезавтра именины отца'; кп. *Мамыс Рыжыклён ветлө, каттисё горби одзын* (М.Лихачев) (Парма асыв : 24) 'Мать Рыжика ходит, возится перед печкой'; удм. *Ымнырыз Зоялэн кёсыт* 'У Зои лицо бледное' (Вахрушев 1980 : 145). Данной особенностью генитива объясняется его употребление в качестве приложения при необходимости внесения добавочного сообщения, уточнения: кз. *Вичко дорын жё вёліны еджыд да виж краскаён мавтём керкаяс – Вишкунлён, поплён, старосталён* (Юхнин I : 23) 'У церкви же были дома, покрашенные желтой краской – Вишкун, попа, старосты'; кп. *Этö вёлісö магазиннэз местной торговеццезлөн – Чечулинлөн, Мелехинлөн, Колобовлөн* (И.Шадрин) (Парма асыв : 50) 'Это были магазины местных торговцев – Чечулина, Мелехина, Колобова'; а также его начальное положение при параллельном типе определения: кз. *Зэв торъялана вёліны Асныровлён тайё код тодас кутийём рёма посныдык синъясыс* (Юхнин II : 12) 'Очень необычны были эти, кто знает какого цвета, маленькие глаза Аснырова'; кп. *Лёмпулён, сэтёрлөн да горадульлөн сөстём руас сорлассём дукуыс тёдчёмён бергөтіс юр* (Фадеев : 11) 'Смешанные в свежем воздухе запахи черемухи, смородины и купальницы вкружили голову'. В отличие от генитива, словосочетания с номинативно оформленным определением не допускают подобной перестановки компонентов и характеризуются твердым порядком слов (Сидоров 1953 : 29; Вахрушев 1980 : 132). Например, в предложении *Вочасён бурдіс сэся – кёр йёлыд отсаліс* (Торопов I : 34) 'Постепенно потом

поправился – оленье молоко помогло’ словосочетание *кѳр йѳлыд* является единственно возможной реализацией выражаемых его компонентами отношений. В коми-пермяцком языке под влиянием русского языка иногда наблюдается постановка номинатива после определяемого слова: *Деревня Конановичи сулалѳ Гыркалог дорын* (М.Лихачев) (Парма шы : 7) ‘Деревня Конановичи стоит у Гыркалог’; [Айыс] *Пондас тѳдны, кыдз кусѳк няньыс шедѳ* (В.Канюков) (Парма шы : 374) [Отец] будет знать, как достается кусок хлеба’. Ср. кз. *Кырув грезд* ‘деревня Кырув’, *нянь тор* ‘кусочек хлеба’.

В зависимости от грамматических особенностей определяемого слова, генитив и номинатив могут находиться в отношении дополнительной дистрибуции. Распределение сфер функционирования наблюдается в коми-зырянском языке, что проявляется в употреблении генитива преимущественно перед грамматическим субъектом и его ограниченности в позиции при косвенных падежах, при которых в условиях одиночного определения в основном выступает номинатив (Сидоров 1953 : 34; СКЯ II : 51). В современном коми языке наметилась тенденция расширения позиции генитива: его используют в качестве одиночного определения почти при всех косвенных падежах и послеложных конструкциях. Например, кз. *Сійѳ матыстчис начальниклѳн* (→ *начальник*) *пызан дорѳ...* (И.Торопов) (БК 1983, 8 : 3) ‘Он подошел к столу начальника...’; *Николай Демьянович воис карысь, комбинатлѳн* (→ *комбинат*) *управлениеысь зэв долыд* (там же) ‘Николай Демьянович приехал из города, из управления комбината очень радостный’; *Коркѳ ѳмѳй вунласны Сергейлѳн* (→ *Сергей*) *сьѳлѳмысь и вежѳрысь тайѳ раяясыс* (там же : 6) ‘Разве когда-то забудутся в сердце и памяти Сергея эти раны’. Генитив в подобных конструкциях квалифицируется как нарушение языковой нормы (Бараксанов 1964 : 54; Игушев 1998 : 7-8). Начавшийся процесс расширения использования генитива, который происходит под влиянием русского языка, требует урегулирования использования генитива и номинатива. Если в настоящее время эти падежные формы выступают в качестве альтернантов, то в дальнейшем могут выступать в качестве грамматических синонимов.

Семантическая структура присубстантивного генитива в пермских языках включает следующие типы посессивных отношений:

1) Принадлежность предмета лицу в качестве личной собственности: кз. *Кузьпелев Егорлѳн ѳмѳсыд абу дзоляник* (Юхнин II : 9) ‘Хозяйство Кузьпелева Егора немаленькое’; кп. *Нывкаыслѳн керкуныс вѳлі лунлань ладорас ...* (Федосеев II : 10) ‘Дом девушки был на южной стороне’; удм. *Городын улѳйсылѳн коркаез кык полѳс, нош пызез гѳршокин* ‘У горожанина дом двухэтажный, а мука в горшке’ (УФ : 18). Употребление номинатива в функции дополнительной дистрибуции проявляется на уровне среднего внешнего контекста: ... *ѳбидавыс ѳттырийѳ мыльѳдис Демит морѳсын и вуджис*

ставнас *Кдсьта* пон вылѝ (Доронин : 51) '... обида разом появилась в душе Демида и целиком перешла на собаку Кости'. На уровне минимального внешнего контекста отмечаются доминирование генитива и ограниченность употребления номинатива, особенно, если обладатель – имя собственное. Ср., кз. *Танялѝн чача* 'игрушка Тани', *Светалѝн платтьѝ* 'платье Светы'; удм. *Гирилѝн шудонъёсыз* 'игрушки Гриши', *Ондрейлѝн азбарез* 'двор Андрея' (Вахрушев 1980 : 146) и невозможность реализации в данных конструкциях номинатива. При нарицательных существительных допускаются оба способа оформления обладателя: кз. *поллѝн керка* 'дом попа' – *поп керка* 'поповский дом', удм. *совхозлѝн бусыез* 'поле совхоза' – *совхоз бусы* 'совхозное поле' (Вахрушев 1980 : 146). Выступающие в топонимах номинативные имена собственные на синхронном уровне уже не проявляют оттенок определенно-конкретной принадлежности. Сохраняя его в глубинной структуре, они выступают в определительных значениях. Например, *Ласей видз* (топоним) и *Ласейлѝн видз* 'луг Ласея': в первом случае конструкция в целом выражает название определенного места, во втором – указывается принадлежность участка (луга) конкретному лицу;

2) Принадлежность по выражению отношений. В зависимости от лексико-семантической характеристики обладаемого, можно выделить несколько разновидностей, причем первые три обнаруживают связь с предыдущим значением, две последние модифицируют значение части-целого:

а) указание на лицо, которое находится с обладаемым в родственных отношениях: кз. *Первой Василейлѝн гѝтырыс вурис, сѝсся Педѝрлѝн, медбѝрын Светлана* (КМС : 79) 'Вначале сшила жена Василея, потом Федора, последняя Светлана'; кп. *Сѝтчин олѝ айѝлѝн вон* (Баталов : 181) 'Там живет брат моего отца'; удм. *нылын-пиѝн тупало кѝ, пилѝн айз-мумиз мыно ныллѝн айз-мумиз доры кураны* 'Если парень с девушкой дружат, родители парня идут к родителям девушки сватать [ее]' (ОУР 2 : 39). На уровне минимального внешнего контекста проявляются доминирование генитива и ограниченность употребления номинатива в посессивном значении в случае, если в качестве первого компонента выступают имена собственные, образующие приложение. Ср. *Ваня дядѝ* 'дядя Ваня' и *Ванялѝн дядьыс* 'дядя Вани', *Варук тьѝтка* 'тѝтя Варя' и *Варуклѝн тьѝтка* 'тѝтя Вари'. Кроме случаев, когда компоненты содержат значения лиц разного пола: *Петыр гѝтыр* 'жена Петра, Петрова жена' – *Петырлѝн гѝтыр* 'жена Петра'; удм. *Макар ныл* 'Макарова дочь, дочь Макара' – *Макарлѝн ныл* 'дочь Макара', а также если в качестве обоих компонентов выступают имена собственные: *Педул Саи* 'Александр [сын] Федула', удм. *Васьлей Олексан* 'Александр [сын] Василия' (Вахрушев 1980 : 134). Невозможность употребления номинатива отмечается в случае, если пер-

вым компонентом является существительное, обозначающее лицо, которое по возрасту младше лица, выраженного вторым компонентом, тогда как при инверсии использование номинатива становится возможным. Например, *пилдн батъыс* 'отец сына', *нывлдн тьотка* 'тётя девочки', номинативные соответствия отсутствуют, и *батъ пи* 'отцов сын' – *батылдн пи* 'сын отца', *тьотка ныв* 'тётина дочка' – *тьоткалдн нылыс* 'дочь тёти'. Оба способа оформления обладателя допускаются, когда первый компонент обозначает лицо по профессии: *трактористлдн готыр* 'жена тракториста' – *тракторист готыр* 'жена тракториста'.

На уровне максимального внешнего контекста конструкции определительного типа с номинативом могут проявлять посессивное значение. Например, кз. *Ми ордö талун локтисны дыр виччысына гостыяс* – *Ваня дядьыскöд. Ме важон нин вöли көсья юасышитны Ваня* дядьлысь *Кубаö ветлөм йывсьыс* 'К нам сегодня пришли долгожданные гости – Ваня с дядей. Я уже давно хотел расспросить Ваниного дядю о его поездке на Кубу'. Значение словосочетания *Ваня дядьлысь* уже обусловлено первым предложением, где сообщается, что пришел не дядя Ваня, а Ваня с дядей. Поэтому номинатив выражает не определительные отношения, как это имеет место на уровне минимального и среднего внешнего контекстов, а посессивное. Отсюда появляется возможность элиминации формы генитива;

б) указание на лицо, которое находится с обладаемым в дружеских отношениях: кз. ... *Илья пуксьö аслас пöдругакöд орччон* (Юхнин I : 17) '... Илья садится рядом со своей подругой'; удм. *Со вэчэрэ пилэн матыс' эийосыз, бускэл'юосыз но родн'аосыз лыкто* 'На ту вечеринку приходят близкие друзья парня, соседи и родня' (ОУР 2 : 40). Употребление номинатива ограничивается максимальным внешним контекстом, на уровне минимального и среднего контекстов он выступает в определительных функциях. Ср. *Гришалдн ёртыс* 'друг Гриши' – *Гриша ёрт* 'друг Гриша'; удм. *Васильевлэн эшез* 'друг Васильева' – *Васильев эш* 'друг Васильев';

в) указание на лицо, в подчинении которого находится обладаемое: кз. *Но купечьяс да налдн приказчикьяс* – *налыкйö шедөм сьöдбöжсьяс кодь мудерось...* (Юхнин I : 10) 'Но купцы и их приказчики хитрые, как попавшие в ловушку горностаи...'; удм. *калыклэн слугаез* 'слуга народа', *мастерлэн юрттйсьез* 'помощник мастера' (Вахрушев 1980 : 147);

г) указание на принадлежность лица коллективу. В зависимости от лексико-семантических особенностей компонентов конструкции, можно выделить:

– указание на лицо, которому принадлежит определенный коллектив, или которое связано с определенным коллективом, организацией: кз. *Миронлдн компанияыс, Митрейысь кындзи, вöли öтлаын на* (Юхнин I : 74)

‘Компания Мирона, кроме Дмитрия, была еще вместе’; удм. *Нош Петыр-лэн отрядэз кӧчись тӧдъяосты данак быдтӱз* ‘А отряд Петра много уничтожил отступающих белых’ (ГСУЯ I : 80). На уровне среднего внешнего контекста генитив вступает в синонимические отношения с номинативом. Ср. кз. *Тималӧн бригада* ‘бригада Тимы’ и *Тима бригаадын вӧли вит морт* ‘В бригаде Тимы было пять человек’;

– указание на коллектив, организацию, в состав которых входят лицо, подразделение. В данной позиции генитив малоупотребителен в коми языках: кз. *Мӧд бригадалӧн* (→ *бригадаса*) *парторг котыртіс уджалысьяс костын ордйысьӧм* ‘Парторг второй бригады организовал между рабочими соревнование’; удм. *Арня нуналэ колхозлэн скал кыкисез, Вара кенак, дась куиӧн арес тиеныз... Можга базаре ветліз* ‘В воскресенье доярка колхоза, тётя Варя, с тринадцатилетним сыном... ходила на Можгинский базар’ (ГСУЯ I : 80). В коми-зырянском языке отношения “коллектив – лицо” выражаются преимущественно относительными прилагательными с суффиксом *-са*: *профсоюзса* член ‘член профсоюза’, *колхозса бригадир* ‘бригадир колхоза’, в коми-пермяцком языке – элативом: кп. *Колхозісь бухгалтер, ёся сьӧд тошока, нейджыт мыгӧра Максим Афанасьевич быд годӧ ӧддӧн видзчисьӧ лун, кӧр осяс арся вӧралан кад* (Баталов : 187) ‘Бухгалтер колхоза, небольшого роста с острой черной бородой Максим Афанасьевич каждый год ждет открытие осенней охоты’;

3) Принадлежность части к целому:

а) неотчуждаемая принадлежность: кз. *Люциялӧн чужӧмыс зумышимис* (Куратова : 71) ‘Лицо Люции помрачнело’; кп. *Эна кыввезсянь Тимкалӧн чужӧмыс гажтӧмсяліс* (Баталов : 177) ‘От этих слов лицо Тимки стало грустным’; удм. *Ӝӧч, визьмо кышнолэн югыт бамыз ӟукна ӝужжась шунды кадъ ик, корка пушкын югыт ӝуаса улӱсь кӧйтыл кадъ ик* ‘Лик доброй, умной жены под стать восходящему солнцу, ярко горящей свече’ (УФ : 112). На уровне минимального внешнего контекста при нарицательных существительных возможно употребление генитива и номинатива в идентичных конструкциях: кз. *курӧг кок* ‘куриная нога’ – *курӧглӧн кок* ‘нога курицы’, *лӧбач борд* ‘птичье крыло’ – *лӧбачлӧн борд* ‘крыло птицы’; удм. *курӧглэн курыз* ‘нога курицы’ – *курег кук* ‘куриная нога’, *чорыглэн йырыз* ‘голова рыбы’ – *чорыг йыр* ‘рыбья голова’ (Вахрушев 1980 : 147). На уровне среднего контекста номинатив имен собственных употребляется в функции дополнительной дистрибуции к генитиву: кз. *Вот мый вӧсна Демит юр везжӧрын визьнитісны тайӧ казътылан мӧвптясис важ йылысь* (Доронин : 49) ‘Вот из-за чего в голове Демида пронеслись эти воспоминания о прошлом’; удм. *Муртлэн пельпум вылаз кема уд ворттылы* ‘На плечах чужих долго не проездишь’ (УФ : 35);

б) указание на отчуждаемую принадлежность предмету какой-либо его части, стороны: кз. ... *мырлӧн вужъясыс* (→ *мыр вужъяс*) *быдсӧн рутша-ратикакылӧны* (ЖЛП : 38) '... корни пня даже глухо трещат'; удм. ... *мон тэччо р'а-дом мынись вагонлэн подножка вылаз* 'я перепрыгну на подножку соседнего вагона' (ОУР : 163); кп. *Бадьыслӧн вужжес му сорнас шедӧмась ва пытикас* (Баталов : 180) 'Корни ивы вместе с землей оказались в воде'; удм. *Чильмылэн йырыз ӱын поттыны саян уг яра* 'Головка трубки только дым выпускать годится' (УФ : 166).

В коми языках генитив при выражении значения неотчуждаемой принадлежности малоупотребителен. Обязательное его употребление обнаруживается только при необходимости выражения множественности первого компонента: кз. ... *тайӧ небеснӧй ӧшиньяс пыр тыдалісны кос кымӧръяслӧн лестукъяс* (Юхнин I : 36) '... через эти небесные окна виднелись лоскутки узких облаков', при распространенном типе определений: кз. *Питирим... любӧысла весиг пельбокнас ляскысис гармоньлӧн парсасьӧм сьӧд пӧв дінӧ...* (Торопов I : 35) 'Питирим... от радости даже ухом прильнул к расцарапанной чёрной доске гармони...', и при необходимости уточнения смысла высказывания: кз. *Вошӧм черлӧн пуыс* (Тарабукин : 32) 'Топорище от утерянного топора', ср. *вошӧм чер пу* 'утерянный черенок топора'.

В большинстве случаев генитив данного типа может быть заменен номинативом без нарушения языковой нормы. Например, *Котралӧ сьӧла, радлӧ, заводитӧ вуджны гумлалӧн* (→ *гумла*) *мӧд джыніӧ да шедӧ лэчкӧ* (Юхнин I : 36) 'Бегают рябчик, радуется, начинает переходить на вторую половину гумы да и попадает в капкан'. Следует отметить, что употребление номинатива не имеет ограничений, за исключением обязательного использования генитива. В коми-пермяцком языке наблюдается также функционирование элатива: кп. *Жолькнитіс-жугалис ӧшынись стекло* (Баталов : 125) 'Разбилось оконное стекло'; *Дима сибӧтчис айыс пызан дынӧ, бергӧтіс телефонись ручка, вайӧтіс трубкасӧ пель ӧдзас* (В. Баталов) (Парма шы : 126) 'Дима подошел к столу отца, повернул ручку телефона, поднес трубку к ушам';

в) указание на лицо, предмет составной совокупности. В данном значении генитив последовательно выступает с суффиксом множественности: кз. *Ставнас артмӧ вӧралысьяслӧн дзонь чукӧр...* (Юхнин I : 11) 'В целом получается целая группа охотников...'; кп. *Вот кайезлӧн веселӧй семейка тӧвчикӧн шырк лэбзис сэтӧр кусттэз коласӧт, ляпкӧтчис да льякасис Иньва берег бердӧ* (Баталов : 140) 'Вот веселая семейка птиц ветерком пролетела меж кустов, опустилась и села на берег Иньвы'. В коми-пермяцком языке существительное, выступающее в значении предмета совокупности, иногда стоит после определяемого слова, что объяс-

няется влиянием русского языка: кп. *Чожа керѳс увтѳ сибѳтчисѳ кык взвод красногвардеецез* (Баталов : 125) 'К возвышенности быстро подошли два взвода красноармейцев'.

Генитивом данного типа можно заменять применяемые в практике некоторые русские прилагательные при определении различных общественных организаций. Например, кз. *писательскѳй* → *гижысыъяслѳн* организация 'писательская организация': кз. *Тайѳ имѳ и российскѳй* (→ *Россияса*) *литераторъяслы*, *торъя нин Вологодскѳй* (→ *Вологдаса*) *писательскѳй* (→ *гижысыъяслѳн*) *организациялы* (ВК 1980, 2 : 57) 'Это касается и российских литераторов, особенно уж Вологодской писательской организации'.

Неодушевленные существительные с генитивным оформлением для выражения отношений составной совокупности обнаруживаются в единичных случаях, разговорной речи и условиях распространенного определения: кз. *Меным сюри ельдѳгъяслѳн быдса чукѳр* 'Я нашла целое семейство груздей'. Существительные, обозначающие не лиц, выступают преимущественно в номинативе ед.ч.: кз. *Пыж мавтигѳн пон чукѳр кисьтисны сир туисѳс...* (Доронин : 95) 'Когда смолил лодку, стая собак опрокинула мой тесок со смолой...'; *потии чукѳр* 'куча жердей', *мѳс стада* 'стадо коров'; удм. *тури уллѳ* 'стая журавлей', *пу ѳ люк* 'куча жердей';

г) указание на субъект действия, лицо, реже предмет, который совершает действие, выраженное определяемым словом. При определяемом слове со значением результата действия генитив выступает в качестве носителя действия, источника его происхождения. Значение субъекта действия генитив проявляет преимущественно при отглагольных существительных с суффиксом кз. кп. -ѳм, кп. -ан, удм. -эм: кз. ... *Пипуныровѳс садъмѳдис гѳтырыслѳн ронкѳдѳмыс* (Пгор : 162) '... Пипунырова разбудило ворчание жены'; кп. *Лун и ой дугдывтѳг ылѳ кылис машиназзлѳн гора гургѳм* (Баталов : 175) 'День и ночь далеко беспрестанно слышался громкий гул машин'; удм. *ѳуж у ѳылэн кырѳамйосыз с'икыс' с'икѳ шуукис'кѳ* – *шуттэм мурплэн бѳрдэмйосыз гуртыс' гуртѳ кылис'кѳ* 'Трель желтого соловья / Раздается из леса в лес – плач несчастного человека / Слышится от деревни к деревне' (ОУР : 239).

При выражении принадлежности действия субъекту обязательное генитивное оформление требуют отглагольные существительные, образованные от переходных основ: кз. *Ѳд зон ордыс пѳдарок босьтѳм збыльвылас вѳлі нывлѳн нѳм кежлас аслыс зонмѳс, а сѳсса и верѳсѳс бѳрйѳм* (Юхнин I : 44) 'Ведь принятие подарка от парня на самом деле было выбором девушки на всю жизнь себе парня, а затем и мужа'. Ср. *нывлѳн бѳрйѳм* и *ныв бѳрйѳм*, где генитивная словоформа указывает на принадлежность

действия субъекту, тогда как то же слово в идентичной позиции в форме номинатива реализует значение объекта действия.

Субъектный генитив в значении источника происхождения на уровне минимального внешнего контекста может выступать омонимом значения обладателя предмета. Например, словосочетание *С.Поповлӧн небӧг* 'книга С.Попова' имеет возможность двоякой интерпретации: книга, написанная С.Поповым, и книга, принадлежащая С.Попову (может быть любая). Поэтому значение генитива в конструкциях подобного типа проявляется лишь на уровне среднего и максимального внешних контекстов. Например, кз. *Гӧгӧрвоны коми кывлӧсь тайӧ пытшкӧсса интернациональнӧй да национальнӧй тӧдчанлунсӧ велӧдӧ Е.Игушевлӧн книгаыс* (А.Микушев) (ВК 1983, 8 : 47) 'Понять это внутреннее интернациональное и национальное значение коми языка помогает книга Е.Игушева'. Исходя из содержания предложения, генитив в словосочетании *Е.Игушевлӧн книгаыс* проявляет значение субъекта результата действия.

Данное значение следует выделить в конструкциях типа *кӧчлӧн кок туйяс* 'следы зайца'; *Ӧдӧклӧн кывъяс вӧрзӧдӧсны и батысӧ* (Юхнин II : 82) 'Слова Авдотьи затронули и отца'; удм. *арганлэн куараез* 'звук гармонии', *ӓчылэн пытыез* 'след лисы' (Вахрушев 1980 : 149).

Генитив доминирует на уровне минимального внешнего контекста, если в качестве обладателя выступают имена собственные и одушевленные существительные. Сфера функционирования номинатива распространяется на неодушевленные и несобственные одушевленные имена. Ср. *И.Куратовлӧн кывбур* 'стихотворение И.Куратова', *Ӧньӧлӧн висьталӧм* 'рассказ Андрея' и невозможность номинативного оформления первого компонента, но кз. *мамлӧн сьылӧм* 'пение матери' и *мам сьылӧм* 'материно пение'; удм. *гырлылэн куараез* 'звон колокола' и *гырлы куара* 'колокольный звон' (пример: Вахрушев 1980 : 150). На уровне среднего контекста ограничения в употреблении номинатива снимаются: *Лыткин висьталӧмышь тӧдмалӧ уна вълитор* 'Из рассказа Лыткина узнал много новостей';

д) указание на лицо, являющееся носителем состояния: кз. *Степанлӧн радлуныс вуджис пыислы* 'Радость Степана перешла к сыну'; удм. *Нылмуртлэн шумпотонэз – куазь чилектэм* 'Радость девушки – блеск молнии' (УФ : 116).

Номинатив в функции дополнительной дистрибуции может выступать только на уровне среднего и максимального внешних контекстов, ср. кз. *Степан радлуныс югдӧс керкаыс* 'От радости Степана посветлел дом';

е) указание на лицо, реже предмет, являющиеся носителями определенного признака, качества, свойства:

– носитель качественной характеристики: кз. *Быдӧнлы тӧдса Иванлӧн рамлуныс* (Юхнин I : 65) 'Всем известна кротость Ивана'; удм. сред.

вас'кис'ко, вас'кис'ко воз' куз'а, с'ас'калэн чэбэрэз бэздытоз' 'Спускалась ('спускаюсь'), спускалась вдоль по лугу, Пока не поблекла цветочков краса' (ОУР 2 : 273).

На уровне минимального контекста употребление номинатива с одушевленными существительными ограничено, в то время как он последовательно представлен с неодушевленными существительными. На уровне среднего контекста он выступает в функции дополнительной дистрибуции к генитиву и с одушевленными существительными. Например, кз. ... зумышлуныс *отпырьё веийис Гриш чужёмысь монь мелілунысь...* (Доронин : 88) '... угрюмость сразу отошла с лица Гриши от ласковости снохи...'; удм. *Ымныр чыжытэз нош бездэм* 'А румянность лица уже поблекла' (Вахрушев 1980 : 136-137).

– носитель количественной характеристики: кз. *Сёветскёй властьлөн да Октябрьскёй революциялөн коймод годовщина кежлө Афанасий Маегов гижис "Локтё коммуна"* кывбур (В.Мартынов) (ВК 1983, 7 : 50) 'К третьей годовщине Советской власти и Октябрьской революции Афанасий Маегов написал стихотворение "Локтё коммуна"'. Употребление номинатива ограничено на всех уровнях внешнего контекста;

ж) указание на предмет, по отношению к которому констатируется местонахождение другого предмета. В данном значении генитив ограничен в коми языках, но более последователен в удмуртском: кз. *Оти рытё курортной карлөн лонь улич вылын ми выччысьтөг паныдасим турист-землякъяскөд – изьваса школьникъяскөд* (А.Микушев) (ВК 1983, 8 : 47) 'В один вечер на тихой улице курортного города мы неожиданно встретились с земляками-туристами – с ижемскими школьниками'; удм. *Акагуртлэн больницаез* 'больница (деревни) Акагурта', *городлэн урамез* 'улица города'; *Школатэн азбараз пиналъёс городкиен шудо* 'Во дворе школы ребята играют в городки' (Вахрушев 1980 : 150-151). В отличие от генитива, номинатив во всех пермских языках последовательно реализуется на каждом уровне внешнего контекста: кз. *Микол дузмөмпырысь муніс да пуксис сэрөг лабичё* (Доронин : 122) 'Микол раздраженно отошел и сел на лавку в углу'; удм. *Нош гуысьтыз потэм гондыр нолэс кушын гамбыр ветлэ* 'А медведь, вышедший из берлоги, вразвалку ходит по лесной полянке' (Вахрушев 1980 : 136).

Во всех пермских языках значение места выражает элатив: кз. *Меным нё колө Веслянаысь вöрыс* (КМС : 192) 'Мне, мол, нужен лес Весляны'; кп. *Шульга берегись керöс бердын онняюрöн öшалісö көззез да ньыввез* (Баталов : 190) 'С горы левого берега повисли ели и пихты'; *Мый оз думайтсьы деревняись мортлө, көр сія йöзын вöвлі етиа* (Федосеев I : 30) 'О чем только не думается деревенскому человеку, когда он мало бывал в людях'; удм. *Иимысь кизили но одйг кадь öвöl* 'И звезды на небе не

одинаковы' (УФ: 65). В коми-зырянском языке отмечается выражение данных отношений относительными прилагательными с суффиксом *-са*: кз. *Пӧрысь морт чуксаліс Изьваса том войтырӧс радейтны ассьыныс чужан, муса кыв* (А.Микушев) (ВК 1983, 8 : 47) 'Старый человек призвал молодежь Ижмы любить свой родной, дорогой язык';

з) указание на предмет, составляющий содержание другого предмета. Ограниченное употребление генитива обнаруживается в удмуртском языке. В качестве языковой нормы во всех пермских языках выступает номинатив. Например, удм. *лымылэн люкез* 'сугроб снега' – *лымы люк* 'снежный сугроб', *турылэн зуродзэз* 'стог сена' – *турын зурод* 'стог сена', *суйлэн комокез* 'ком глины (земли)' – *суй комок* 'ком глины (земли), глиняный ком' (Вахрушев 1980 : 151); *мил'ам бакча шур куз'а но, возж бат'нулэн кэн'эрэз* 'Огород наш вдоль по реке, И ограда его из зеленых ив' (ОУР 2 : 276); кз. *ва пельса* 'кадка с водой'; кз. *Мый тэд, понйыс ачыс сир тусад тырис!* (Доронин : 95) 'Что тебе, собака сама залезла в твой туес со смолой!'.
В

Рассмотрев конкретные семантические реализации присубстантивного генитива, следует отметить переименование функциональных сфер генитива и номинатива, реже элатива и относительных прилагательных. Форму генитива требуют преимущественно одушевленные существительные, особенно собственные. На уровне минимального внешнего контекста обязательное генитивное оформление отмечается в случае выражения значений обладателя предмета, обладателя по выражению отношений (родственных, дружеских, по подчинению, лицо-коллектив), неотчуждаемой принадлежности, носителя состояния; с одушевленными существительными – значений субъекта действия, принадлежности свойства, признака; при выражении множественности обладателей – также значений отчуждаемой принадлежности, предмета составной совокупности. Если референт представлен не именем собственным, то при реализации значений обладателя предмета, отношения по родству, субъекта действия, субъекта состояния появляется возможность (иногда ограниченная) употребления номинатива, который выступает в оппозиции к генитиву, для выражения определенно-конкретных и неопределенно-конкретных отношений. При выражении значений отчуждаемой принадлежности, места, предмета составной совокупности (ед.ч.) в качестве нормы следует признать номинатив, выступающий также с неодушевленными существительными при выражении значений субъекта действия, носителя состояния, субъекта состояния. Значение "коллектив-лицо" в коми-зырянском языке передается преимущественно относительными прилагательными, в коми-пермяцком – элативом. Обязательное употребление генитива отмечается: а) при постпозиционной постановке атрибута

по отношению к определяемому слову; б) если последнее образовано от основы переходного глагола; в) если в качестве обладателя выступают субстантивированные прилагательные, числительные, причастия; г) при выражении множественности обладателя; д) при актуализации посессивности.

На уровне среднего внешнего контекста в функции нераспространенного определения (простой, или неосложненный средний контекст) генитив сохраняет позиции при минимальном контексте, реализуясь при грамматическом субъекте. Номинатив же расширяет свои дистрибутивные возможности почти до генитивных, исключением является его употребление в определительных функциях. Поэтому представляется признать в качестве языковой нормы в коми языке употребление номинатива при косвенных падежах и послеложных конструкциях, оставляя за генитивом только оформление атрибута при грамматическом субъекте. В случае распространенного определения (осложненный средний контекст) расширяется сфера обязательного употребления генитива до позиции при косвенных падежах и послеложных конструкциях, при этом снимаются некоторые указанные семантические ограничения. На уровне максимального внешнего контекста – связного текста – отмечается относительно полное совпадение сочетаемости номинатива с генитивом. Функциональным соответствием присубстантивному генитиву могут выступать не только номинатив, но и элатив и относительные прилагательные.

3.4. Припослеложная позиция

В пермских языках так же, как в марийском и угорских, послелог в большинстве случаев выступает в сочетании с номинативной словоформой, что объясняется формированием послеложных конструкций в данных языках на основе модели посессивных конструкций немаркированного синтаксического типа (Основы I : 386; Майтинская 1982 : 19). Конструкции с генитивной словоформой проявляются преимущественно при сравнительных послелогах, например, кз. ... *пуж бѳр тшаклѳн моз сьѳдасьѳма вевтыс...* (Юхнин II : 20) '... крыша потемнела, как (шляпка) у гриба после заморозков'; кп. *Коккезныс нылѳн [вашыррезлѳн] утказлѳн кодѳсь, перепонказѳн* (Баталов : 183) 'Ноги у них [у бобров], как у уток, с перепонками'; удм. *Со тийосмуртлѳн пыдыз скаллѳн кад'* 'У того мужчины ноги коровьи (букв. как у коровы)' (ОУР 2 : 230).

При других семантических группах послелогов в генитиве могут быть представлены лишь личные и усилительно-личные местоимения 1-го и 2-го лица ед. и мн. ч., которые выступают как грамматические синонимы послеложным местоименным конструкциям. Преобладание конструкций с генитивным оформлением отмечается в южных коми-зырянских диалектах (лузско-летский, среднесыольский, верхнесыольский): лл. (Сл.) *Нач*

тэнад вѡсна эса лувис 'Это случилось из-за тебя' (Жилина 1975 : 135); вс. (Уж.) *Миѡ ас'ным йылыс* (*асланым йылыс*) *баитам* 'Мы говорим о себе самих' (ВСД : 110); сс. *мейам динѡ* 'ко мне' (ССД : 41). В литературном языке и остальных диалектах генитивно оформленные модели выступают sporadически: *Ѳдюк, тэнад сайын делѡйс* (Юхнин II : 25) 'Авдотья, дело за тобой'; скр. *Тэяд водзвыльын волис* 'Перед тобой приходил' (ПСД : 118).

Тенденция употребления генитивных местоименных форм вместо номинативных в послеложных конструкциях следует объяснить их функциональным сходством при выступлении в качестве притяжательного определения и доминированием в этой роли генитивных форм.

4. Агентивное значение

4.1. Собственно агентивное значение

Содержит указание на лицо, являющееся непосредственным производителем, источником действия. По сравнению с номинативом, в генитивных формах активная роль субъекта ослаблена. Значение реализуется: 1) в деепричастных конструкциях: кз. ... *и звѡз вылын пукалысьяс унапѡв удитисны кывны тайѡ вьльторсѡ детинкалѡн на дѡнѡ вотѡдз* (Юхнин I : 6) '... и сидевшие на помосте (для въезда на сеновал) успели несколько раз услышать эту новость до прихода к ним мальчика'; *Тэ пѡ гѡтырѡй, эн лѡсьѡдчы менам кулѡгѡн гортѡ* (КЛП : 80) 'Ты, говорит, жена, не оставайся дома во время моей смерти'; удм. *Идна жучѡёслэн та шаерѡёсы вуытозязы улэм* (Владыкина : 210) 'Идна дожил до появления русских в крае'. Генитивное оформление субъекта деепричастных конструкций, видимо, объясняется возникновением деепричастий пермских языков из отглагольных имен (Серебренников 1963 : 301-309; Основы III : 190-193; Лыткин 1977 : 76-77). В деепричастных конструкциях может выступать и номинатив, который является более древним, например, скр. (Т.) *Сы локтѡдз ме ѡтнам уджали* 'До его прихода я работал один' (ПСД : 157); удм. *Мынам мусое, та саськаез одно ик мон бертытозь уть* 'Моя милая, этот цветок обязательно сохрани до моего возвращения' (ГСУЯ I : 287). При сопоставлении конструкций с номинативным и генитивным субъектами выявляется, что генитив выступает преимущественно в распространенных деепричастных конструкциях, при одиночных деепричастиях преобладает использование номинатива. Однако, если в качестве субъекта представлены одушевленные существительные и местоимения, то появляется возможность генитивного оформления субъекта, что особенно распространено в диалектах. Ср. кз. *Паракод вотѡдз на ме вои пристань вылѡ* 'Еще до прихода парохода я пришел на пристань'; *Баб гѡстьяс вотѡдз пасьталіс мича аскыѡм дѡраысь вурѡм сарапан* 'Бабушка до прихода гостей надела красивый, сшитый из домотканного сукна сарафан'; *Ваньѡлѡн армияысь вотѡдз Света удитис нин петны верѡс сайѡ* 'До прихода Вани из

армии Света успела уже выйти замуж'. В последнем случае возможна трансформация генитива в номинатив при одиночном деепричастии: *Ваньё вотодз* 'до прихода Вани';

2) в позиции при атрибутивных причастиях: кз. *Оз нин ёна пазодны енмыслён сетом мича да состом вёр-васё* (Торопов I : 26) 'Уже не сильно разоряют данную богом красивую и чистую природу'; удм. *Сузэрмылэн верам кылыз вей кадь, вей кадь мед луоз, Сузэрмылэн ваем вуэз мусур кадь ик мед луоз, Сузэрмылэн пыжем нянез дуно булкаос кадь мед луоз* 'Сказанное сестрою слово пусть будет, словно масло, Принесенная сестрою вода пусть будет слаще медового пива, Выпеченный сестрою хлеб пусть будет дорогими булками' (Владыкина : 136). В качестве субъекта причастных конструкций может выступать также номинативная словоформа: кз. *Ош косявлём кодь паськёмыс* (КПП : 83) 'Его одежда как разорванная медведем'; инструментальная словоформа: кз. *Тэрыб Кок асыбвыд нин ризъяліс-котраліс югыд шондйён сермёдём, войся зэрён состоммёдём вёрын* (Торопов I : 117) 'Тэрыб Кок уже целое утро бегал-резвился в освещенном ярким солнцем и очищенном ночным дождем лесу'; кп. *Мам лыддьотіс вонён гижём письмё* 'Мать прочла написанное братом письмо'; удм. *Вуэн пальккем (кысэм) шыртылэз пелляса уд ни жуаты* 'Залитый водой огонек не раздуешь' (УФ : 147);

3) в коми-зырянских диалектах в конструкциях с глаголами II-го прошедшего времени, когда отмечается реальность совершения действия по результату или со слов не субъекта действия: вым. (В.) *Чэран'лён быдлаё чэран' лэч карёма* 'Паук везде сплел паутину' (ВД : 65); лл. (Пор.) *Порс' Иванлён бос'тёма* 'Иван купил поросенка' (Жилина 1975 : 83); сс. (Пж.) *Сакарсё дзебёма мэнам эн'калён* (ССД : 31) 'Сахар был спрятан моей свекровью'; уд. (Важ.) *Д'эдыдлён ош кыйёма* 'Ваш дед убил медведя' (УД : 35). Особенностью данных конструкций является интерпретация ситуации с точки зрения субъекта, внимание акцентируется не на субъекте действия – исполнителе, а на объекте действия и самом действии, что сближает данные конструкции с русскими страдательными конструкциями (Иевлева 1984 б : 78).

Можно отметить, что деепричастные и причастные конструкции с генитивным субъектом построены по образцу определительных конструкций и ничем принципиально не отличаются от отглагольных словосочетаний с генитивным субъектом. Возможно, что генитив данной разновидности послужил основой его использования для обозначения субъекта с ослабленной активностью при других позиционных реализациях.

4.2. Демиактивное лицо. Содержит указание на лицо, состояние или действие которого представляется как вызванное внешними обстоятельствами и протекает помимо воли субъекта.

4.2.1. Субъект дебитивного действия. Значение ограничено проявляется в коми-зырянском языке при модальных глаголах со значением необходимости. Функциональным соответствием во всех пермских языках выступает датив, который преобладает и в коми-зырянском языке. Например, кз. *Менам* (↔ *меным*) *колö котöртны делянкаясö* (Юхнин II : 87) 'Мне надо бежать на делянки'; *Колöма на сэки мыйкö шуны менам* (↔ *меным*), *мед нин кутшöмкö помö воим* (Юшков I : 8) 'Надо было мне еще тогда что-то сказать, чтоб прийти уже к какому-то концу'.

4.2.2. Субъект непроизвольного состояния, действия. Значение проявляется: 1) во всех пермских языках при пассивных глаголах типа кз. кп. *вунны*, удм. *вуныны* 'забыть, забыться', кз. кп. *бырны*, удм. *бырыны* 'закончиться, иссякнуть', кз. *мынны* 'освободиться, избавиться', кз. *артмыны*, кп. *аркмыны* 'получиться': кз.... *кодыр йöзыслöн турунъясыс бырасны* (Юхнин I : 36) '... когда у людей сено кончится'; кп. *Зонкаыслöн бырис кок садьыс, коккес чукультчисö, и сiя гранатасö киас видзöмön усис му вылас* (Баталов : 126) 'У парнишки ослабли ноги, пошатнулись, и он с гранатой в руках упал на землю'; кп. *сылöн быдöс вунöма нин* 'он уже всё забыл'; удм. *Музьем уг окмы вал вазен калыклэн* (Владыкина : 233) 'Раньше ведь земли людям не хватало'; *солэн дышетскемез уг тырмы* 'ему не хватает образования'; *вонлэн вунйз солэн нимыз* 'брат забыл его имя', а также при устойчивых словосочетаниях типа кз. кп. *серам петö* 'смех разбирает', кз. *ун локтö*, удм. *изем потыны* 'хотеть спать', кз. кп. *вежыс петö* 'зависть берет' и т.п.: кз. *Мзам мыйкö ун оз лок* (Лыткин : 65) 'Мне что-то спать не хочется'; *Батьлöн, дерт, петас вежыс рöднясьнытö* (Юшков I : 7) 'Отец, конечно, будет рад породниться'; кп. *Этасян лöгыс и петö зонкаыслöн* (Федосеев II : 25) 'С этого времени и сердится мальчик'; удм. *Гопысь вуын улйсь ошлэн возжес потыса, мукет азе кöчем* (Владыкина : 192) 'Живущий в озере бык рассердился и переселился в другое место';

2) в коми языках при пассивно-возвратных глаголах с суффиксом -сь, выражающих непроизвольные, неуправляемые действия, совершающиеся вопреки воле субъекта. Например, кз. *Мудзöм бöрад чöскыда и узьсис налöн* (Торопов II : 14) 'После усталости сладко и спалось им'; кп. *Мыйкö колiс керны, или Митрейытлöн былö эд оланыс овсяс и няньыс сёйсяс* (Федосеев II : 102) 'Что-то надо было делать, или у Митрея на самом деле ведь жизнь пройдет'. В позиции при данных глаголах генитив вступает в синонимические отношения с дативом, что проявляется в их взаимной трансформации и совместимости в структуре идентичных конструкций. Ср. кз. *Вералы* (↔ *Вералöн*) *эз терпитсый юавны Илья йылысь* (Юхнин I : 135) 'Вере не терпелось спросить про Илью'; — *Оз узьсы меным... — Менам тай оз жö, — ...* (Куратова : 79) 'Не спится мне... — Мне тоже нет, — ...'. Однако при глаголах с законченным характером действия употребителен только

генитив (Иевлева 1984 а : 7): кз. *Стариклõн сёйсис жё нин* (Торопов II : 84) 'Старик уже тоже поел'; *Вот коркõ сылõн и служитсис* (КМС : 48) 'Вот когда-то у него служба кончилась';

3) при словах категории состояния в некоторых коми-зырянских диалектах: сс. *Менам* (↔ *меным*) *дьи свад'басё вёчны* 'Мне лень устроить свадьбу' (ССД : 41). В подавляющем большинстве случаев в данной позиции реализуется датив.

4.3. *Генезис и типология значений.* В современных пермских языках инвариантным значением генитива является посессивное, которое проявляется в приглагольной и присубстантивной позициях в минимальной зависимости от контекста. Функциональные перекрещивания с другими грамматическими средствами отмечаются в присубстантивной позиции и при выражении субъектной функции.

Семантическая структура падежа позволяет предположить, что он довольно рано начал выражать посессивное значение, которое постепенно стало ведущим и вытеснило первичное локальное значение. Функциональному развитию падежа, видимо, способствовало отсутствие в прапермском языке самостоятельного падежного показателя для выражения посессивных отношений и начало развития послелогов, которые взяли на себя пространственную функцию адессива-генитива. Данное предположение обосновывается тем, что в пермских языках нет других вторичных функций, которые развились бы из пространственного значения. Однако не исключается, что прапермский адессив (генитив) имел тенденцию к расширению своих непосессивных функций, например, временной, ср. удм. *азьлон* 'раньше', *берлон* 'потом'. Для сравнения, адессив прибалтийско-финских языков выражает некоторые вторичные непосессивные функции (Паюсалу 1958 : 18-25; Räsänen 1972 : 265-301), в пермских языках реализующиеся формами инессива или же инструменталю. Отличие семантической структуры предположительно идентичных по исходным значениям падежей, пермского генитива и прибалтийско-финского адессива, объясняется, видимо, тем, что в прибалтийско-финских языках сохранился финно-угорский генитив - **n*, поэтому не было необходимости функционального развития адессива в генитив. Посессивный адессив в присубстантивной позиции представлен и в прибалтийско-финских языках, например, эст. юж. *Mul nānē tul' timä metsast läBi* 'Моя (букв. у меня) жена проходила через его лес' (Паюсалу 1958 : 26). Адессивные конструкции отличаются от генитивных оттенком значения: они выражают "факт, касающийся в первую очередь лица, живого существа, предмета и т.д., выраженных в адессиве" (Паюсалу 1958 : 26), т.е. адессив выступает в функции субъекта "касательства". Такое употребление прибалтийско-финского адессива может быть дополнительным подтверждением возник-

новения присубстантивного генитива в пермских языках через субъект “касательства”. Следует отметить, что в прибалтийско-финских языках становление послелогов происходило уже после образования как внешнеместных, так внутреннеместных падежей (Майтинская 1982 : 60). В современных эстонских диалектах наблюдается грамматическая синонимия послелогов с внешнеместным значением и *l*-овых падежей, причем в южных диалектах проявляется тенденция употребления послеложных конструкций (например, *laua peale* ‘на стол’), в то время как в северных диалектах преобладает суффиксальная форма (например, *lauale* ‘на стол’) (сообщение проф. П.Алвре). Развитие послелогов пермских языков относится к прапермскому периоду (Майтинская 1982 : 69; Rédei 1962 : 201). Поэтому развитие семантической структуры *l*-овых падежей (имеются в виду генитив, датив и аблатив) происходило параллельно со становлением послелогов, которые, выражая более конкретные оттенки внешнеместной локальности, сначала вытеснили *l*-овые падежи на второй план, а позднее полностью заменили их в выражении локальности. Развитие семантической структуры генитива от локальной функции к посессивной происходило через промежуточное звено – пространственно-посессивное значение. Окончательное формирование посессивной функции генитива как в присубстантивной, так и приглагольной позициях произошло уже в прапермский период, о чем свидетельствует современное состояние языков. Р.Бейкер сравнивает развитие функций коми генитива со становлением значений послелога *ордын*, отмечая идентичность их первоначального значения. На основе внешнеместного значения развилась локально ориентированная посессивная функция, ограничивающаяся строго одушевленным употреблением, позднее также – значение собственной принадлежности: *kod ordin den'ga* ‘who has the money’ (Baker 1985 : 151-152). Семантически сближаясь с *habeo*-конструкциями, послеложные конструкции с *ордын* сохраняют оттенок локальности, ср. *менам эм книга* ‘у меня есть книга’ и *ме ордын эм книга* ‘у меня есть → находится книга’. Генитивная словоформа реализует значение обладателя (посессивное значение), а послеложная конструкция – значение наличия предмета у лица (пространственно-посессивное).

Присубстантивный генитив получил более широкое развитие в удмуртском языке, где кроме собственно посессивных значений он выражает и относительные значения. Однако проследить даже примерный процесс развития значений присубстантивного генитива трудно, нельзя с уверенностью сказать, что какая-то одна из семантических функций более древняя. Потому, видимо, следует согласиться с А.Лаанестом, что “большинство весьма разнообразных значений генитивного определения [прибалтийско-финских языков – Н.Г.], несомненно, являются очень древ-

ними, и мы не имеем никакого основания сводить их к одной единственной или двум первоначальным функциям” (Лаанест 1958 : 23). Это положение распространяется и на развитие генитивного атрибута других финно-угорских и самодийских языков. На основе анализа семантики присубстантивного генитива современных пермских языков можно предположить, что прапермский генитив применялся, прежде всего, для выражения обладателя в собственном смысле, т.е. обозначал лицо, которому принадлежал какой-либо предмет (лицо), позднее свойство, признак, действие. Отношения отчуждаемой принадлежности, видимо, выражались номинативом, о чем свидетельствует ограниченность употребления данного типа генитива в современных пермских языках. К более поздним семантическим разновидностям генитива, возможно, следует отнести и его использование для выражения значения составной совокупности, возникшей на основе отношений принадлежности части к целому. Вероятно, последнее обусловило также появление генитива при реализации отношений предметного содержания к предметной форме в удмуртском языке. Если взять словосочетания кз. *вӧрлэдзысьяслӧн бригада* ‘бригада лесозаготовителей’ и удм. *сезьылэн культӧез* ‘сноп овса’ (Вахрушев 1980 : 151), то отношения между их компонентами строятся по такому же принципу, как отношения части к целому. Однако в них характеризуется уже не собственно принадлежность, а указывается отнесенность одного предмета к другому. Данный принцип, предположительно, лежал в основе образования генитива места, который семантически сближается со значением части и целого.

Расширенное употребление генитива отмечается в древнекоми памятниках, где он нередко выступает вместо современного номинатива, функционально сближаясь с удмуртским генитивом: *пио енлонъ* ‘спасить сыне божии спаси’, ср. лит. *ен пио мезды, нимъ восна мезослонъ* ‘о имени господни’, ср. лит. *мезӧс ним вӧсна* (Кузнецова 1967 : 191). Следует согласиться с точкой зрения, что такое употребление генитива является результатом дословного перевода с церковнославянского языка (Лыткин 1952 : 118; Кузнецова 1967 : 191; Baker 1983 : 101). Поэтому не исключено, что позиционная ограниченность генитива была характерна для прапермского языка, что, видимо, объясняется его возникновением из субъекта “касательства”, который выступает в качестве распространителя минимальной конструкции, состоящей из грамматического субъекта в номинативе и предиката. Расширение семантико-дистрибутивных особенностей генитива произошло под влиянием контактирующих языков (русского, в удмуртском языке – татарского). Употребление генитива при послелогах следует отнести ко времени самостоятельного развития языков. Послеложные конструкции с генитивным существительным не

получили достаточно широкого распространения ни в коми, ни в удмуртском языках. Возможно, уже в прапермский период наметилась тенденция спорадического генитивного оформления субъекта причастных и деепричастных конструкций, а также употребление генитивной словоформы в значении демиактивного лица. Однако генитив в значении демиактивного лица не получил достаточного развития в удмуртском языке и, вероятно, довольно рано был оттеснен дативом. В коми языке наблюдается параллельное употребление датива и генитива в одинаковых синтаксических позициях, лишь в некоторых случаях возможен только генитив. Считается, что безличное значение глаголы с суффиксом *-сь* приобрели лишь в пракоми период под некоторым влиянием русского языка (Иевлева 1984 а : 7; 1984 б : 80-81). Русское влияние в образовании конструкции в целом предусматривает и К.Редей (Rédei 1970 : 213). Однако В.И.Лыткин (1971 : 141) ставит под сомнение возможность влияния в случаях, когда субъект оформлен генитивом. Как показывает материал, функциональная сфера генитива при данных глаголах шире датива, поэтому не исключается, что он первичен и развился на основе внутренних потенций коми языка.

Все функции пермского генитива находят типологические соответствия в других финно-угорских языках, в которых основным средством выражения посессивных отношений в приглагольной и присубстантивной позициях является генитив (адессив). В прафинно-угорском языке не было глагола со значением 'иметь'. Поэтому в его значении в большинстве финно-угорских языков используется глагол бытия (Основы I : 391), при котором выступают существительные в форме падежей посессивного характера: в марийском и мордовских языках – генитив, венгерском – датив, прибалтийско-финских языках – адессив: фин. *Tytöillä on mustat silmät* 'У девочки черные глаза', мар. *Пашам ыштышые енын уке жан сöйлаш* 'У трудового человека нет времени' (СМЯ : 63; Феокистов 1963 : 135; Майтинская 1960 : 189; Паюсалу 1958 : 25; ГФЯ : 87). Использование датива и адессива свидетельствует о том, что в образовании habeo-конструкций используются исторически внешнеместные падежи. Для выражения посессивности в присубстантивной позиции в большинстве финно-угорских и самодийских языков наряду с номинативом используется генитив (в венгерском – датив), который в синхронии отличается лишь функциональным развитием. На фоне общей картины функционального развития генитива пермский генитив находится на средней ступени развития, реализуя преимущественно посессивные отношения, постепенно переходя в зону относительных значений, что более характерно для удмуртского языка (табл. 5, данные: Вахрушев 1980; ГСУЯ I : 79-81; СМЯ : 63; Галкин 1964 : 39; Учаев 1982 : 61-62; ГМЯ : 161;

Основные семантические реализации присубстантивного генитива в уральских языках

[illegible]

Окончание таблицы 5

Языки Значения	Пермские		Марий- ский	Мордов- ский	Прибалтийско-финские			Венгер- ский	Самодийские		
	кз.	удм.			эстонский	финский	вепсский		селькупский	ненецкий	нганасанский
Субъект состояния	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
Назначение	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	-
Место	-	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-
Время	-	-	-	+	+	+	+	-	+	-	-
Мера	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
Объект	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-
Содержание	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-
Свойство, признак	-	-	-	+	+	+	+	-	-	+	+
Вид — род	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-
Сравнение	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-

Примечание. (+) — наличие значения, (-) — отсутствие значения.

Кудаев 1985; Зайцева Н. 1981 : 74-75; Зайцева М. 1981 : 179; Лаанест 1959; Майтинская 1955 6 : 130-131; 1960 : 25-27; Терещенко 1956; 1973 : 213-225; Беккер 1978 : 31-34; Räsänen 1972 : 48-78). В финно-угорских, а также в самодийских и тюркских языках значение субъекта в отглагольных конструкциях выражается генитивом (СМЯ : 63-64; Исанбаев 1961 : 76; Учаев 1982 : 63; ГФЯ : 77; Терещенко 1973 : 303-312; Закиев 1970), что свидетельствует о типологическом характере данного явления. Значение демиактивного лица в большинстве финно-угорских языков выражается дативом-аллативом, что характерно и для пермских языков. Однако отмечается использование функционально соответствующих пермскому генитиву в языках южной группы прибалтийско-финских языков адессива, например, эст. юж. *sinul vajà ènu veDäDe* 'тебе надо возить сено' (Паюсалу 1958 : 27), в финском и водском языках – дативного генитива (см. ГФЯ : 77; Ariste 1948 : 23; Adler 1980 : 162; Räsänen 1972 : 71-74). На основе некоторых приведенных выше соответствий пермскому генитиву можно констатировать, что реализуемые им значения являются характерными как для генитива, так и отчасти для внешнеместных падежей, что подтверждает взаимосвязь средств выражения посессивности и внешнеместной локальности, а также образование пермского генитива на основе адессива.

3. Семантическая структура аблатива

3.1. *Из истории изучения семантики падежа.* При описании семантики коми аблатива исследователи отмечают его употребление при определенной группе глаголов типа *юавны* 'спросить', *корны* 'просить' (Савваитов 1849 : 103; Gabelentz 1841 : 56), а также в качестве формы определения при прямом объекте (Попов 1842-1844 : 70; СКЯ I : 141; КПЯ : 185; Wiedemann 1884 : 119-120). Рассматривая функциональный диапазон удмуртского аблатива, Ф.Видеман (Wiedemann 1884 : 119-120) указывает на значения отделения, разделения, материала, партитивное (имеется в виду отделение части от целого), сравнения, а также значение субъекта, побуждающего страдания или состояния. Пять значений удмуртского аблатива выделяется в работе А.И.Емельянова (1927 : 142-143), где впервые отмечено значение причины, а значение отделения от предмета рассматривается как место, от которого начинается движение. В рукописи Е.С.Гуляева, где аблатив впервые был предметом специального исследования, устанавливается его общепермское значение – принадлежность, отчуждение, восприятие, узнавание, указываются самостоятельные употребления удмуртского аблатива: отделительное значение, аблатив в усиленных, сравнительных, транслативных конструкциях, аблатив материала, отношения, при глагольной форме *дугдытэк* 'не прекращая' (Гу-

ляев 1961 : 212-221). Указанные функции удмуртского аблатива, кроме двух последних, отмечаются и в работах более позднего периода (ГСУЯ I : 95-98; ГСУЯ II : 173-174; Перевошиков 1980 : 42-44).

3.2. Семантическая структура

1. Пространственное значение

1.1. Указание на исходный пункт движения как внешней границы предмета, от которой направлено движение. Данное значение аблатива в современных пермских языках не прослеживается. Единичные примеры представлены в древнекоми письменных памятниках, например, кз. *сэс' мунадныд ту туйö, кодудлыс' кэ (ε) жидныд ас взр ордö* 'и посем минете на путь свой, с него же свратитесь семо к рабу своему' (Надпись на иконе "Троицы", 14-15 вв.), *сэс' кэ(ε) жтöмас' вз(ε) ллис'* *буакылы кучöмкö ноллöм с' ыл полтöс* 'и бысть внезапну с небесе шум яко носиму дыханию бурну' (Надпись на иконе "Сошествия св. духа", 15 в.) (Лыткин 1952 : 39, 40, 42, 43). В Лепехинско-Евгеньевских текстах отмечается синонимичное употребление аблатива и элатива: *ач'ис мзэöс йэнлөн чöктöмөн и с'ур гумён, борда идöглөн гораён лэ(ε) тч'ас вз(ε) ллыс'* 'сам господь по велению бога и рожка, по голосу крылатого ангела спустится с небес' (ЛЕ : 25-29), *ми виžан пыд(й)э лэ(ε) тч'ом вз(ε) лтыдаланиныс'* (ЛЕ : 119-121) (Лыткин 1952 : 65-66; 67).

В современных пермских языках данное значение может выражаться эггессивом, элативом или же послелогами со значением "с, от", ср. кз. *туй вылысь кежны* 'свернуть с дороги', *лэччыны энэжсянь, энэжысь* 'спуститься с неба', удм. *Умой ке ужад, инмысь но нянь усёз* 'Хорошо поработаешь, так и с неба хлеб свалится' (УФ : 28).

1.2. Указание на предмет, пункт, по отношению к которому определяются нахождение, положение другого предмета, измеряется расстояние. Значение проявляется в удмуртском языке в позиции при наречиях места, например, удм. сред. *Вал воз'ылон мэстамы гуртлэс' кыд'окын гинэ вал, пичи с'ик с'эрын* 'Место, где пасли лошадей, находилось довольно далеко от деревни, за перелеском' (ОУР : 159); удм. *Вало шурлэсь сизьым иськемтэсь кыдёкке соос кошкемын öвöl* 'От реки Валы более чем на семь верст они не расселялись' (Владыкина : 225). Материал письменных памятников свидетельствует о наличии данного значения аблатива в древнекоми языке, например, *матыд сылыс'* 'недалеко от него' (надпись на иконе "Троицы") (Лыткин 1952 : 118). Функциональным соответствием в современных коми языках выступают эггессив, например, кз. *Карсяньыд лёка ылын татчöдз* (Торопов II : 95) 'От города довольно далеко до этих мест'; *Дыр собалöм бöрын кыдзкö тай петсьöма жö сэсся менам видзьяс вылö, верст куим-ö-нэль гортсянь* (Торопов II : 150) 'После долгих скитаний как-то ведь мне удалось выйти на луга, примерно три-четыре километра от города';

кп. *Городсянь вит километра мымда менё чапкис машина – шофёрыс тōдса лōсялс* (А.Ермаков) (Парма шы : 400) ‘Примерно пять километров от города меня подвезла машина – знакомый шофер оказался’; во всех пермских языках – послеложные конструкции: кп. *Давидыс неылын керку дынянь пукалō мыр вылын и панталō ыркыт асывсō* (Федосеев I : 70) ‘Давид сидит недалеко от дома на пне и встречает прохладное утро’; кп. *Куим километр ылынаын посёлок дынянь ния* [челядь] *сибōтчисō вылын пожарной вышка динō* (Баталов : 135) ‘В трех километрах от поселка они [дети] приблизились к высокой пожарной вышке’; удм. сред. *со [артана] гэрэй с’урэс дорыс’ кыд’окын өвөл* ‘Она [поленница] была недалеко от гереевской дороги’ (ОУР 2 : 216); удм. *Гурезь выжыын но, пе, со ватосьёс вань, карлы матысь шур кожын но выйтуса кельтэмын* (Владыкина : 221) ‘И у подножья горы, говорят, клады есть, и в омуте недалеко от городища утоплены’.

Вторичные значения

1. Значение отделения от объекта, указывающее на предмет (лицо), от которого устраняется, отчуждается другой предмет (лицо), последовательно реализуется в удмуртском языке при глаголах отделения (*пегъыны* ‘убегать; скрываться, спрятаться’, *висъяны* ‘перегородить; отделить’, *куштйськыны* ‘отказаться, отступиться’, *люкиськыны* ‘делиться, отделиться’, *мозмыны* ‘освободиться, избавиться’): удм. *Адъонлэсь уд пегъы* ‘От судьбы не убежишь’ (УФ : 42); *Куректон эшлэсь но люке* ‘Горе и от друга отлучит’ (УФ : 46); *Кулонлэсь нокин мозмымтэ* ‘От смерти никто не избавился’ (УФ : 52); *Улонлэсь бере кыльыса но улэн ик улоно* ‘Даже отстав от жизни, живому надо жить’ (УФ : 55). Аблатив в данной позиции зафиксирован в древнекоми письменных памятниках, например, *чōчкō вуъас куламлыс’ олōм пычкō* ‘но перейдет от смерти в жизнь (к жизни)’ (ЛЕ : 49-50), *чōчкō мынты мийанды варкōслыс’* ‘но избавь нас от лукавого’ (ЛЕ : 191) (Лыткин 1952 : 66, 69), также в нижевычегодском и вымском диалектах коми-зырянского языка, по данным словаря Д.Фокоша-Фукса, например, *ni-nemēn mi siliš (V : siliš) og-miŋe VU V* ‘wir werden ihn auf keine Weise (eig. mit nicht)’ (Fokos-Fuchs : 653). В коми языках значение отчуждения выражается элативом, например, кз. *Лукавдйысь молитвадн мынан, омоль мортысь некыдз он мын* (КМС : 234) ‘От лукавого молитвой избавишься, а от плохого человека никак’; кп. *Мунасō [кōчпияннэз] юасьны, паньиталасō кōдзылōс* : – *Кōдзыв-кōдзылнйōй, мезды миянōс бедаисъ* (Оласō : 32) ‘Пошли [зайчата] спрашивать, встретили муравья : – Муравей-муравьишечка, избавь нас от беды’; послеложными конструкциями с общеотдалительным значением: вс. Крв. *Удъ динс’ыс ман’итин мэнō* ‘Ты оторвал меня от работы’ (ВСД : 141); кп. *“Но тэнō!..” – зонкаыс өвтъиштит нывкасō, топ мездōтчис таракан бердсй и өтөрō* (Федосеев I : 19) ‘Ну

тебя!..” – мальчик оттолкнул девочку, как бы избавился от таракана и на улицу; в коми-пермяцком языке также – эгрессивом: кп. *Быдкодъ бедасянь мездывлѡма отирсѡ Пера-богатырь* (Оласѡ : 265) ‘От всякой беды Пера-богатырь избавлял народ’; – Тэ мездін менѡ лёк *волшебниксянь*, но эта эшѡ не быдѡс (Оласѡ : 79) ‘Ты избавил меня от злого волшебника, но это еще не все’.

2. Значение основания действия, состояния проявляется в удмуртском языке при глаголах чувства, психических состояний (страха и стыда) (*мѡзмыны* ‘скупать, тосковать, соскучиться’, *кышканы* ‘испугаться, бояться, трусить’, *возьдаськыны* ‘стыдиться, стесняться’): удм. *Сьѡд пилемлэсь кышкаса, зорлэсь азьло ик эн пегзъ* ‘Испугавшись черной тучи, раньше грозы не убегай’ (УФ : 40), удм. сев. *Умой ѡз пот ни эийосылэс’ но, мыни с’ик пала* ‘Неудобно стало от друзей, и я пошел в сторону леса’ (ОУР : 160); *Няньлэсь нокин възьдаськымтэ* ‘Хлеба никто не стесняется’ (УФ : 124); *Музьемлэсь эн юрды, со вылын нянь будэ* ‘Не брезгуй землей, на ней хлеб растет’ (УФ : 23). В коми языках при глаголах данной семантики используется преимущественно элатив: кз. *Сѣйѡмысь эн яндысь, уджысь эн дѡзмы* (КМС : 220) ‘Не стыдись еды, не злись из-за работы’; *Любѡ вѡлі аслыс и ѡттиѡтти* яндзимкодъ *таттиѡм сѣрнисыыс* (Безносиков 1 : 106) ‘Приятно было самому и одновременно немного стыдно от такого разговора’; гаин. *Дед-бабсис и, меным шуѡ, отирысис стыдно* ‘Он говорит, что стыдно ему перед дедом и бабушкой и перед людьми’ (КПД : 151). При некоторых глаголах проявляется параллельное функционирование других грамматических средств. При глаголе *повны* ‘бояться, испугаться’ в коми-пермяцких диалектах могут употребляться элатив и аблатив, что нашло отражение в произведениях писателей, носителей южных коми-пермяцких диалектов. Функционирование падежей имеет некоторые дистрибутивные ограничения: с одушевленными существительными и местоимениями лица встречается только аблатив: кп. – *А мийѡ огѡ полѡ Михайло Ивановичыслісь, – ошисяѡмѡн шуис Афоня* (В.Баталов) (Парма шы : 154) ‘– А мы не боимся Михайло Ивановича, – хвастаясь сказал Афоня’; *Ярашко полис кодъ Микешыслісь и кывзіс сійѡ* (В.Климов) (Парма шы : 201) ‘Ярашко побаивался Микеша и послушался его’; с неодушевленными существительными – аблатив и элатив: – *Сьѡкытысь огѡ повзѡ, – шуис Таня* (В.Баталов) (Парма шы : 128) ‘– Не испугаемся трудностей, – сказала Таня’; *Шоныта насытасьѡм пуокыс тѡвбыт эз пов кодзыт ой тѡввезісь да тшын морозззісь* (Баталов : 135) ‘Тепло одетое дерево всю зиму не боялось холодных северных ветров и сильных морозов’; ви. *Сувтчъниті и тожно вежѡрті – аслам вуджѡрлісь повзи* (А.Ермаков) (Парма шы : 400) ‘Приостановился и понял – испугался своей тени’. В произведениях писателей, выходцев из северных диалектов, последовательно выступает элатив со словами всех

лексико-грамматических групп: кп. *Томыслон киэс уджись оз полö* (Федосеев II : 40) 'Руки молодого человека не боятся работы'; *Давидлö ёртысь дыр мыйысь горöтчис*: – *Весь тэ бригадирсинит повзин* (Федосеев I : 33) 'Через некоторое время товарищ крикнул Давиду: – Зря ты испугался бригадира'. В коми-зырянских диалектах при данном глаголе последовательно представлен элатив: кз. *Ошкысь повзём мортыд и мырйысь повзяс* (КМС : 231) 'Испугавшись медведя, человек и пня испугается'; лл. (Пр.) *Понс'ыныд пола* 'Боюсь вашей собаки' (ЛЛД : 43), только в ижемском диалекте спорадически – аблатив: *ся никодлысь из поо* 'он никого не боялся' (Гуляев 1961 : 244); в коми-язьвинском наречии и удорском диалекте возможны послеложные конструкции: уд. (Венд.) *Ош вöдзись сi повзёма и мырйыс вöдзись полан* 'Напуганный медведем и пня боится' (ОКЗР : 265); кя. *Сиа й'эзсян' бөдөн з'вирийөз пондис в'урөн пуллө кан'шогис'* (КЯД : 212) 'С этих пор все звери в лесу стали бояться кошки'. Употребление послелога *вöдзись* при глаголе *повны* В.А.Сорвачева объясняет следующим образом: в древности объект мог восприниматься как предмет, находящийся в пространстве, и то, что ныне носит черты отвлеченности, раньше могло мыслиться конкретно: "было оберегать не себя, а свое окружение, бояться не его, а передней его части, радоваться не ему, а его поверхности" (Сорвачева 1950 : 145). По мнению Е.С.Гуляева, здесь имеет место частный случай отделения одного предмета от другого (Гуляев 1961 : 54). В коми-пермяцком языке и лузско-летском диалекте коми-зырянского языка послелоги могут выступать и при других глаголах данной семантической группы: кп. *Ния, тыдалö, ой кежас пырöмась шоньтас, дзевсисьöмась хищниккез шогъя* (Баталов : 181) 'Они, видимо, на ночь зашли в тепло, спрятались от хищников'; лл. (Ч.) *Мам-бат' шогс'ыс гажтöмчöнö* 'Скучают по родителям' (ЛЛД : 104).

3. Значение причины действия, состояния, признака реализуется в диалектах удмуртского языка, например, бес. *š'enlis' so nomre no ez ažž'ö* 'из-за дыма он ничего не видел' (Тепляшина 1970 : 171; Кельмаков 1998 : 123); удм. *Трос пол бөрсьысь бөрсьы чук пужмерьёс усьылйзы, со пужмерлэсь кызылуос чужектйзы, нош тпуос гордэктйзы* 'По утрам неоднократно падал иней, от этого инея березы пожелтели, а осины покраснели'; *Шуньтлэсь лымы шуна но вулы нөрме* 'От тепла снег тает и превращается в воду' (ГСUY I : 97).

Соответствием в коми-зырянском языке, а также в окраинных северных коми-пермяцких говорах выступает элатив: кз. вым. (Онеж.) *А коймöд капкан динад сы л'убб'ыс' из и вэты* 'А к третьему капкану с той радости он и не ходит' (ВД : 67); вым. (К.) *Грамэтаас дышис'ым из вэлöччыл* 'Грамоте из-за лени не училась' (ВД : 67); кп. гаин. *Сиа аймамсис понас горзыны* 'он из-за родителей будет плакать'; ис. *Мед оз и бызгы картолси* 'и пусть не

ворчит из-за картошки'; мыс. *Полѹмись кѹипись пола* 'из-за страха (боязни) боюсь волков'; в.-л. *полѹмись эг мун* 'из-за боязни я не ушел'; вк. *Ме думайта сыысь оз веськал* 'Я думаю из-за этого не поправляется' (КПД : 151-152); в литературном коми-пермяцком языке и южных коми-зырянских диалектах – эгрессив, например, лл. *Кырымйас д'эгдѹны вас'ан'ыс* (ЛЛД : 47) 'От воды руки мерзнут'; сс. *Кранс'ан'ыс сійѹ куллѹм* 'Он умер от крана (при несчастном случае)' (ССД : 31); вс. *Стоканыс пѹс' вас'ен'ыс пазэс'с'ас* 'Стакан от горячей воды лопнет' (ВСД : 71); кп. *Ярашко бура мыдзис лунся котрасьѹмсянь да кузь думасянь...* (В.Климов) (Парма шы : 203) 'Ярашко довольно устал от дневной беготни и долгих размышлений...'; *Вѹлі сэк няньтѹм год – тиыгсяняс отирыс куліс, питу качсянь и туруниэзсянь дундіс да пыктіс* (В.Климов) (Парма шы : 199) 'Тогда был неурожайный год – народ умирал от голода, от травы вздувался и опухал'; в говорах коми-зырянского языка также – послелог: лл. (Ч.) *Ут'уг динс'ыс кол'ма* 'От утюга угораю' (ЛЛД : 98), лл. (Ч.) *Бѹрдѹм понс'ыс и мэйам с'инйасыс н'ин порт'итчис* 'От слез у меня уже глаза испортились' (ЛЛД : 101). Элатив в значении причины в удмуртском языке встречается только с отглагольными формами на -(э)м: удм. *Пиез висемысь со туж сюлмаськем, туж бѹрдѹм* 'Из-за болезни сына она очень беспокоилась и сильно плакала' (Шутов 1978 : 154); *Михаил Захарович нылпиоссэ вазь сайкатэмысь, Елизавета Александровна соосты жалаыны кутскиз* 'Оттого что Михаил Захарович рано разбудил детей, Елизавета Александровна стала их жалеть' (Шутов 2001 : 294).

4. Значение материала, источника изготовления предмета проявляется только в удмуртском языке при глаголах конкретного действия: удм. *Пызльсь кеньыр уд кары ни* 'Из муки крупу уже не сделаешь' (УФ : 39); *Пуны быжлэсь пуж уд лэсьты* 'Из хвоста собаки решета не сделаешь' (УФ : 161); *Дышетскем излэсь жиры лэсьтоз, куролэсь дэрем вуроз* 'Грамотный из камня петли для дверей делает, из соломы рубаху сошьет' (УФ : 135). Соответствием в обоих коми языках выступает элатив: кз. *Сир пиньысь зорѹд пинь он вѹч* (КМС : 231) 'Из щучьего зуба столяр не сделаешь'; кп. *Горыс тэчѹма иззэзісь и вачкисьѹ паськыт пеласян ѹр вылѹ* (В.Климов) (Парма шы : 198) 'Печь сложена из камней и похожа на широкое корыто'. Элатив наряду с аблативом встречается и в удмуртском языке: удм. ...*паёклы сѹтэм жег пызьысь нэнімы ужс кушманэн кутэм нянь пыжылійз, нуналлы быдэ картошкалэсь пунем лэсьтылііз* (Яшина : 75) '... из очередного пайка муки мать напекла пирожков с капустой, почти ежедневно ели картофельное пюре (букв. пюре из картофеля)'; *Верамзыя, одйг калмезлэн сиктанысьтыз одйг амежь лэсьтыны луысал* (Владыкина : 222) 'По рассказам, из коточика одного кальмеза можно было сделать один напальник'. Распространение элатива характерно больше для северных говоров,

например, удм. сев. *А гондыр куыс' дак шуба вурил'л'ам зы* 'А из медвежьей шкуры сшили шубу' (ОУР : 61); *нош тус'ты-пун'юссы ва н'мыз зарн'иыс'* 'А посуда вся из золота' (ОУР : 141). В красноуфимском говоре наряду с аблативом в данном значении может употребляться пролатив, например, *klonoklэс* "куьло тўрлїї ситса" 'из хлопка ткнут различные ткани' ~ *пиз'ти н'ан'пъжим* 'из муки испекли мы хлеб' (Насибуллин 1978 : 96; Кельмаков 1998 : 124).

5. Значение источника возникновения предмета реализуется в удмуртском языке при глаголах с общей семой превращения, например, *кылдыны* 'возникнуть, появиться, образоваться', *пӧрмыны* 'превратиться, стать', *пӧрмытыны* 'превратить, преобразовать, создать': удм. *мынам малпамэйа, мултан гурт кылдэм мулта-нка шурлэс* 'По-моему, [название] деревни Мултан произошло от [названия] реки Мултанки' (ОУР 2 : 218); удм. *Пичи тысылэсь сьӧд нюлэс но будэ* 'И лес из маленького семени вырастет' (УФ : 160); *Пичи шурлэсь зарезь кылдэ* 'Из речушки образуется море' (УФ : 160); *бордыс' со (тукл'а н'им) бордыс' ик гуртмылэн н'имыз но кылдэмын, дыр... нош уз'ей кылыз, мон малпас'ко, шур бордыс' кылдэмын* (ОУР 2 : 221) 'От его имени ('него') образовалось, наверное, и название нашей деревни... слово Узей, по моему мнению, возникло от [названия] реки'.

Соответствием в коми языках выступает элатив: кз. *Посни шоръясысь ыджыд юяс артмӧны* (КМС : 228) 'Из маленьких ручьев большие реки образуются'; кп. *Сергейсыс петасӧ кык Давид, а техруккес Сергейсис петасӧ куима* (Федосеев I : 93) 'Из Сергея получится два Давида, а техноруков из Сергея получится три'. Элатив спорадически выступает и в удмуртском языке: удм. *Одйгысь куинь гурт кылдэм* (Владыкина : 235) 'Из одной три деревни возникло'.

6. Значение предметов, составляющих совокупности, реализуется в удмуртском языке в позиции при глаголах типа *пӧрмыны* 'состоять, образоваться', а также при существительных, обозначающих определенный коллектив, совокупность однородных предметов. Например, удм. *куинь адямилэсь комиссия* 'комиссия из трех человек', удм. сев. срчеп. *Тин'и оз' пукс'эм кӱин' коркалэс' гурт* 'Вот так образовалась деревня из трех домов' (Кельмаков 1998 : 177); удм. бес. *срэ суслон дас къл'толэс' пуктьли-зъ* 'затем ставили суслоны из десяти снопов' (Кельмаков 1998 : 307).

В коми-зырянском языке в данной позиции может выступать элатив: кз. *куим мортъсь комиссия* 'комиссия из трех человек'. Функциональной доминантой считаются сочетания с относительными прилагательными: *квайт морта бригада* 'бригада, состоящая из шести человек' (Гуляев 1961 : 70).

7. Значение объекта сопоставления, указывающее на предмет (лицо), который выступает в качестве меры сравнения при определении подобных

ему свойств, качеств другого предмета, реализуется в удмуртском языке в сравнительных оборотах в позиции при прилагательных и наречиях. Например, удм. *Куректон но бõрдон пуртлэсь но лэчыт* 'Горе и печаль острее ножа' (УФ : 45); *Кызыпу лулпулэсь вазь пушйиз – гужем пось луоз* (Владыкина : 294) 'Береза распустила листья раньше ольхи – к жаркому лету'; *Кызыпу куар петаклэсь паськыт ке, ю кизыыны бер луэши* (Владыкина : 303) 'Березовые листья больше пятака – сеять поздно'. Функциональным соответствием в большинстве коми-зырянских диалектов выступает элатив: кз. *Лунын мортись ыджыд, а войын байдõгысь дзоля* (мегыр) (Загадка) (КМС : 247) 'Днем выше человека, а ночью меньше куропатки'; уд. (Венд.) *Ин серав, пиньсид еджыд он ло, тырпсид мыча он ло* 'Не смейся, белее зубов не будешь, краснее губ не станешь' (ОКЗР : 265); в коми-пермяцких и южных коми-зырянских диалектах – компаратив: кп. *А тõвнас ваыс шоньтжык руысса* (Баталов : 180) 'А зимой вода теплее пара'; *Гõрд карандашыс небытжык лõзысса* 'Красный карандаш мягче синего'; в верхнекамском наречии – эгрессив: вк. *Месянь не шаньжыка* 'не лучше меня'. В мысовском диалекте коми-пермяцкого языка проявляется синонимичное употребление элатива и компаратива: мыс. *пõрисьжык тэись* (тэся) 'старше тебя', *вынажык кõинись* (кõинся) 'сильнее волка' (КПД : 153).

На общепермском фоне значение сопоставления выражается в большинстве коми-зырянских и некоторых северных коми-пермяцких диалектах элативом, в южных коми-зырянских и в большинстве коми-пермяцких диалектов – компаративом, в верхнекамском наречии – эгрессивом, в удмуртском – аблативом. Значение возникло путем метафоризации значения отделения как отличия, исходный предмет получил интерпретацию меры сравнения.

8. Значение усиления качества определяет наивысшую степень качества предмета. Проявляется в удмуртском языке в усилительных конструкциях, например, удм. *тõдбылэсь но тõдды* (кышет) 'белее белого (платок)', *ческытлэсь но ческыт* (чечы) 'слаще сладкого (мед)'. Аблатив в данном значении представлен также в древнекоми текстах, например, *йугыдлыс* 'йугыд' 'светлее светлого' (Лепехинский текст) (Лыткин 1952 : 118). Функциональным соответствием в коми языках выступают элатив и компаратив: кп. *Дзар керис* [Асывко] – *лэбзьõ ыджытисья-ыджыт кай* (Оласõ : 63) 'Посмотрел [Асывко] – летит большая-пребольшая птица'; *Гõгõр лõньысса лõнь...* (М.Лихачев) (Парма асыв : 32) 'Кругом очень тихо (букв. тише тишего)'.

9. Источник восприятия сведений, получения предмета, или обладатель отчуждаемого предмета. Содержит указание на лицо, являющееся источником получения предмета, информации, восприятия. Данная функция реализуется в конструкциях, компонентами которых могут выступать

преимущественно активный субъект отчуждения, объект отчуждения и источник отчуждения. Значение источника при активном субъекте во всех пермских языках реализует аблатив. Оно проявляется в конструкциях с глаголами:

1) отчуждения, изъятия, например, кз. кп. *босьтны*, удм. *басьтыны* ‘взять, брать, купить’, кз. *ньобны*, кп. *небны* ‘купить’, кз. кп. *мырддьыны*, удм. *таланы* ‘отобрать, отнять, захватить’, кз. кп. *гусявны*, удм. *вораны*, *лушканы* ‘украсть, похитить’: кз. *Дерт, эськё первой чай юны бурджык, да самоварыс абу, а йдзьлысь талун он босьт, аслыныс колё* (Юхнин I : 63) ‘Конечно, вначале лучше бы чай попить, но самовара нет, а у людей сегодня не возьмешь, самим надо’; кп. *Степаныс туй мортлысь небис тальянка, учёт, но гора гармошка* (Федосеев II : 56) ‘Степан купил у прохожего тальянку, маленькую, но звонкую гармошку’; *Мырддис зверьыс челядьыслысь йёв, семьялысь юрвердисьсё* (Федосеев II : 63) ‘Зверь отобрал у детей молоко, у семьи главную кормилицу’; удм. *Озъы дондыос вормызы но иднаослэсь басьтэм музъемзэс Утэм шуыса нимазы* (Владыкина : 212) ‘Так дондинские выиграли спор и отобранные у иднакарских землю назвали Утэм’;

2) просьбы, вопроса, например, кз. кп. *корны*, удм. *курыны* ‘просить’, кз. кп. *юавны*, удм. *юаны* ‘спросить’: кз. *Вёлмкё, сійё Ёньё Васёлысь, милиционерлысь, нарошнё корлёма [нагансё] лун кежлё* (Юшков I : 14) ‘Оказывается, он у Василия Андреевича, у милиционера, нарочно попросил [наган] на один день’; *Федя нёшта ёти лун кежлё вёзйысис колхозса бригадирлысь* (Торопов II : 15) ‘Федя еще на один день отпросился у колхозного бригадира’; кп. – *Тэ и дудісё адззылін?* – *юалис зонкаокыслысь мастер* (Баталов : 177) ‘– Ты и голубей видел? – спросил у мальчишки мастер’; – *А т-тэ аслат-т пияннэзлысь к-кор сёйныт-тё, – паныт висьталіс Уркай да тожё лэбзис одзлань* (Баталов : 203) ‘А ты проси еду у своих детей, – ответил Клест и тоже полетел вперед’; удм. *Эн кур узырлэсь, кур куанерлэсь* ‘Не выпрашивай у богатого, проси у бедного’ (УФ : 186); удм. юж. *Ин’марлэс’ йу-н’ан’, зор, тазалък куро вал* ‘Просили у Инмара хлеба, дождя, здоровья’ (Кельмаков 1998 : 225);

3) восприятия и отношения, например, кз. кп. *кывзыны*, удм. *кылзыны* ‘слушать’, кз. кп. *кывны*, удм. *кылыны* ‘слышать’: кз. *Кывзы бур йёзыслысь* (Юхнин II : 64) ‘Слушай [у (от)] хороших людей’; *Уджалё Митя и ачыс асьсё ышодё сьылёмён, кодёс велалис ыджыд вокыслысь* (Торопов II : 11) ‘Работает Митя и сам себя вдохновляет песней, которой научился у старшего брата’; кп. *Оз кывзё кёдзывалысь, мунёны одзлань [көчтияннэз]* (Оласё : 32) ‘Не слушают муравья, дальше идут [зайчата]’; удм. *Удмуртёс нош пересёёлэсь кылйллям вылэм: Кылдысин музъем вылын улыку, пе, ю-нянь но удалтэгес* (Владыкина : 190) ‘Удмурты слышали от стариков, что

когда Кылдысин жил на земле, тогда урожаи были богаче...'; *Мон со сярисен одйг нинокинлэсь верамзэ уг тоськы* (Владыкина : 232) 'Я об этом ни от одного человека что-то не слышал'.

В некоторых случаях возможна реализация и при непереходных глаголах типа кз. кп. *кывзысьны*, удм. *кылзйськыны* 'слушаться', кз. *вёзйысьны*, кп. *вёзйисьны* 'проситься': кз. *И тэныд, Сергей, кыдзи цехкомса председательлы, ниномла кывзысьны быд пъянниклысь да восьса вома бызгуныслысь. Удж дисциплина дзугысьлысь* (И.Торопов) (ВК 1983, 7 : 25) 'И тебе, Сергей, как председателю цехкома, нечего слушаться всякого пьяницы и болтуна. Разложителей трудовой дисциплины'; удм. *Шырлэсь писэй уг кылзйськы* 'Кошка мышки не слушается' (УФ : 169).

В коми языках в значении источника восприятия сведений, получения используется также эггессив: кз. *Сидз лун бёрся лун, тольсь бёрся тольсь челядьяныыс письмё виччысьёмён и оліс* (Б.Шахов) (ВК 1988, 1 : 4) 'Так изо дня в день, из месяца в месяц жил он в надежде получить письмо от детей'; кп. *Этё нывкаыс кыліс отирсянь, а ачыс нырсё поліс мыччавны ётёрын: ветлас уджавны и гортас* (Федосеев II : 22) 'Об этом девочка слышала от людей, а сама боялась показываться на улице: сходит на работу и домой', в лузско-летском диалекте коми-зырянского языка – послеложные конструкции: лл. (Об.) *Йёз вылттыис кывли*; (З.) *Йёз вылс'ыс кылли* 'Я от людей слышала' (ЛЛД : 99). Реализация эггессива и послеложных конструкций ограничивается синтаксическими конструкциями с глаголами восприятия и отношения, где субъект пассивный, получение объекта, иногда даже необходимого, не зависит от него. В удмуртском языке дистрибуция аблатива шире: он употребляется вне зависимости от пассивности / активности субъекта: удм. *Овёллэсь уг витё, ваньлэсь ик возмало* 'От нужды не ждут, от достатка ждут' (УФ : 184); *Та сюрмумылэсь куанер ныл туж уно кур адзем* (Владыкина : 189) 'Много горя претерпела от своей мачехи бедная девушка'.

10. Обладатель собственной принадлежности. Содержит указание на лицо (реже предмет), которому принадлежат предмет, свойство, действие и т.п. В данном значении аблатив выступает в функции дополнительной дистрибуции к присубстантивному генитиву, реализуясь при переходных глаголах. Б.А.Серебренников источником этой функции считает конструкции типа кз. *bos'ta mortlis' purt* 'возьму от человека нож' (Серебренников 1963 : 51), т.е. значение отчуждаемой принадлежности. Постановка аблатива в присубстантивную позицию привела к постепенной затуханию оттенка источника посессивности, в результате чего произошли нейтрализация семы динамичности и проявление значения собственной посессивности. Процесс возникновения нового значения обусловил позиционную реализацию. Выражая значение собственной посессивности

вначале только в позиции при переходных глаголах определенной семантической группы (отчуждения, взятия, восприятия), эта функция закрепляется и постепенно распространяется на другие семантические группы глаголов данного грамматического типа.

В памятниках коми письменности XVII-XVIII вв. нередко встречается смешение функций генитива и аблатива (Лыткин 1952 : 118; Кузнецова 1967 : 147). В письменных текстах XVII в. наблюдается употребление генитива вместо аблатива, например, *кыласныс горасё йэн пилэн* (совр. *пилысь*) ‘услышат глас сына божьего’, *ог кори’ ас гажёс, чёчкё айлён гажёсё мэнё ытысь лён* (совр. *айлысь, ытысьлысь*) ‘не ищу воли моя, но воли пославшего мя отца’ (Лыткин 1952 : 118). В текстах XVIII в. позиции употребления этих падежей в основном уже определились, хотя аблатив в некоторых случаях все еще представлен вместо генитива, например, *бур воляыс Иисус Христослысь* (совр. *Иисус Христослён*) ‘благодать Иисуса Христа’, *государыня миянысь императрица вёсна* (совр. *миян*) ‘о государыне нашей императрице’, или же наоборот, генитив вместо аблатива: *готырсо сылонъ медь казътас* (совр. *сылысь*) ‘супругу его да промянет’. Проявление такого употребления падежей объясняется результатом дословного перевода церковнославянского текста (Кузнецова 1967 : 147). Спорадическое смешение позиций функционирования аблатива и генитива наблюдается в современном коми-пермяцком языке. Аблатив иногда употребляется не только при прямом объекте, но и при других словоформах: кп. *И эшö öтик öшын торъя жырысь, кöдö Агриппина Прокопьевна шуö Кузьмичлысь служебной кабинетön, петö посёлокканыö* (В.Баталов) (Парма шы : 133) ‘И еще одно окно отдельной комнаты, которую Агриппина Прокопьевна называет служебным кабинетом Кузьмича, смотрит в сторону поселка’, *Марина казялыс врачлысь коккезсис гождя туплиэз* (Баталов : 133) ‘Марина заметила летние туфли на ногах врача’, в то время как при прямом объекте возможен генитив: “*Восточной финно-угорской литературалён хрестоматияö*” *пыртöмаöсь В.Баталовлён* кум *миниатюра* (В.Пахорукова) (Баталов : 206) ‘В “Хрестоматию по восточной финно-угорской литературе” вошли три миниатюры В.Баталова’. Позиционная нейтрализация грамматических форм не является наследием пермского, а появилась под влиянием русского языка.

Употребляясь в функции собственной принадлежности, аблатив может реализовать все те семантические разновидности, которые присущи присубстантивному генитиву:

1) принадлежность предмета как владельца к обладаемому: кз. ... *тадзи позис шуны Василий Сирвойтовлысь овмөссö...* (Юхнин I : 25) ‘... так можно было назвать хозяйство Василия Сирвойтова...’; кп. *Казялыс [көк] ну вылысь, тшöк уввез коласись Уркайлысь керкуок* (Баталов : 202) ‘На дереве,

среди густых ветвей, заметила [кукушка] домик Клеста'; *Ошыс джагәтис Степаннэзлсь мөснысө* (Федосеев I : 63) 'Медведь задушил корову Степана'; удм. *Степанлэсь корказь* 'дом Степана' (Вахрушев 1980 : 143);

2) принадлежность по выражению общественных отношений:

– родственные отношения: кз. *мыйла быд восö колö бөрйыны Игорлысь мамсö родительской комитетас* (Куратова : 79) '... почему каждый год надо выбирать мать Игоря в родительский комитет'; кп. *Васис царьыс пондöма корасьны аслас зон сайö вöрись царьлысь ныв-красавицасö* (В.Баталов) (Парма шы : 135) 'Водяной царь стал сватать за своего сына дочь-красавицу лесного царя'; удм. *мельниклэсь пизэ* 'сына мельника';

– дружеские отношения: кз. *Илья эз тöд, кутшöм ногөн урядник допрашивайтис сылысь ёртъяссö* (Юхнин I : 87) 'Илья не знал, каким образом урядник допрашивал его друзей';

– отношения по подчинению: кз. *Салдат ошкис бура уджалöмысь Никодимлысь плöтникъяссö* (КМС : 61) 'Солдат хвалил плотников Никодима за хорошую работу';

– отношения лицо-коллектив: кз. *Миронлысь компаниясö, дерт, медся водз [корлис урядник]* (Юхнин I : 87) 'Компанию Мирона, конечно, раньше всех [вызывал урядник]';

3) принадлежность части к целому:

– неотчуждаемая принадлежность: кз. *Ош гыжнас вирöдз парсьшитис понлысь нырсö...* (Юхнин I : 106) 'Медведь когтем до крови царапнул нос собаки'; кп. *Митрок сувтис пидзöс вылас, лэбтис мортлысь шапкатöм юрсö* (В.Климов) (Парма шы : 165) 'Митрок встал на колени, приподнял голову человека, который был без шапки'; удм. *Мушлэсь сизэ аджиз – чечы сиёнлы пумит луиз* 'Увидел у пчелы жало – восстал против меда' (УФ : 30);

– отчуждаемая принадлежность: вс. (Крв.) *Садыслыс' улийассö пэрвой ва пытшыкын ловз' öдöныс* 'Ветки цветка сначала держат в воде, чтобы они пустили корни' (ВСД : 67); удм. юж. *мун'чойэзлэс' öссэ ус'тэм гынэ но, отис' мачы бычча ик комак азээм* 'Только открыла она дверь бани, там увидела крысу величиной прямо с кошку' (Кельмаков 1998 : 226); *картэт тыбырын мэдас көла шуса, н'ан'лэс' көмзэ эн с'гы* (ОУР 2 : 127) 'Чтобы муж не спал спиной к тебе, не ешь хлебную корку';

4) предмет составной совокупности: кз. *Синбөжъяснас Илья кытшиов-тö печкысяслысь радъяссö и аддзö ассьыс киподтуйсö* (Юхнин I : 16) 'Искоса Илья обводит глазами ряды прядильщиц и видит свою работу';

5) субъект действия: кз. *Ланьтышлöй төкөтö!* — *Мишкалысь пырöмсö казялөм бöрын кисö лэптышитис* Ладимер (Юхнин I : 72) 'Замолчите немного! — заметив приход Мишки, Владимир приподнял руку'; кп. *Кин и оз вежöрт төвлсь да пузэлысь шуижöмсö, а пöрись мортлö сйа вежöртана* (В.Климов) (Парма шы : 161) 'Может быть кто-то и не поймет шептание

ветра и деревьев, а старому человеку оно понятно'; удм. *у ёылъсь чирдэмзэ* 'трель соловья' (Вахрушев 1980 : 144);

6) носитель состояния: кз. *Лыско аддзис кӧзяевалъсь шемӧсмӧмсӧ...* (Юхнин I : 83) 'Лыско увидел удивление хозяев...';

7) принадлежность свойства, признака: кз. *Асныровлъсь мудерлунсӧ Борис эз жӧ гӧгӧрво* (Юхнин II : 62) 'Хитрость Аснырова Борис тоже не понял'; удм. *адямилъсь чеберзэ* 'красоту человека' (Вахрушев 1980 : 144); *Кин ачиз уг ужа, уксьӧлъсь дунзэ уг тод* 'Кто сам не зарабатывает, тот цены деньгам не знает' (УФ : 20); *Сюреслъсь кузьзэ тодӧмед ке потэ, ветлыса утча* 'Если хочешь знать длину дороги, попробуй пройти (по ней)' (УФ : 40).

Следует отметить, что аблатив, подобно генитиву, проявляет ограниченное употребление с неодушевленными существительными, а также имеет относительно свободный порядок расположения по отношению к определяемому слову: кп. *Кык месяц мужикыс гортын уджсӧ керис ассис и иньыслъсь* (Федосеев II : 217) 'Два месяца муж выполнял домашнюю работу, свою и жены'; *Вӧралісьлісь кытӧнкӧ Уролка йывезын туйсӧ поперегаліс ош* (С.Федосеев) (Парма шы : 270) 'Дорогу охотника где-то в верховьях Уролки перешел медведь'. В удмуртском языке наблюдается расширение употребления аблатива: удм. *Огнол "Комсомольская правда" газетъсь лыдӟи Литваысь калык артисткалъсь Фролакаслъсь статьязэ* (Яшина : 86) 'Однажды в "Комсомольской правде" прочла статью народной артистки Литовской ССР Фролокас', ср. кз. *лыддъыны профессор В.И.Лыткинлысь уджсӧ* 'читать работу профессора В.И.Лыткина'; *Огезлъсь пиелъсь гожтэт вуэм* (Яшина : 79) 'от одного сына письмо пришло', ср. кз. *Ӧти писяныыс сераку воӧма* 'письмо от одного сына пришло'.

3.3. Генезис и типология значений. Значительные отличия в семантической структуре коми и удмуртского аблатива свидетельствуют об окончательном формировании падежа самостоятельно в каждом из пермских языков. Е.С.Гуляев (1961 : 242) предполагает два вероятных пути развития падежа: 1) в прапермский период аблатив мог иметь широкий семантический диапазон, но в последующие эпохи в коми языке он, видимо, утратил какие-то значения, а в удмуртском языке сохранил свою многозначность; 2) в прапермский период аблатив мог иметь очень узкий семантический диапазон, но в удмуртском языке мог расширить объем значений, а в коми сохранить прежнюю однозначную семантику. Исходя из того, что "принадлежностные падежи (родительный и дательный) в современных пермских языках выступают как падежи с одним грамматическим значением: имя в родительном обозначает предмет, которому что-либо принадлежит, имя в дательном падеже обозначает предмет, которому

что-либо дается, в интересах которого что-либо делается”, Е.С. Гуляев допускает, что “и третий член системы принадлежностных падежей – принадлежностный падеж – в общепермскую эпоху был также однозначен и возник непосредственно для того, чтобы обозначать предмет, у которого что-либо берется, отчуждается” (Гуляев 1961: 242-243). Древнекоми аблатив в непритяжательных значениях им рассматривается как проявление тенденции к расширению значений аблатива в коми языке. Однако генитив, особенно датив, нельзя рассматривать в качестве падежей с однозначной семантикой, даже в период прапермского языка, что показывает анализ их семантической структуры. Поэтому невозможно полностью согласиться с предложенным Е.С.Гуляевым объяснением. Первичным значением *I*-овых падежей, в том числе и аблатива, было выражение локальных отношений. Аблатив возник в прапермский период на основе элатива, унаследовав сему обратной динамической направленности. Однако, если образование самого элатива также происходило в общепермский период, то аблатив мог появиться, по меньшей мере, не раньше начала, видимо, даже середины прапермского периода. Надо полагать, что ко времени выделения аблатива в самостоятельный падеж элатив последовательно реализовал ряд семантико-синтаксических функций, причем его прапермская локальная функция, согласно Е.С.Гуляеву (1961 : 161), отличалась универсальностью выражения элативно-аблативных отношений. Кроме того, образование аблатива происходило в период, когда в прапермском языке параллельно употреблялись уже два элативных суффикса *-s'* и *-s't*, что нашло отражение в лично-притяжательной парадигме удмуртского языка. Отнесение к прапермскому периоду возникновения послелогов, а также эгрессива позволяет полагать, что развитие аблатива происходило параллельно с формированием и функциональным развитием послелогов, эгрессива и элатива, что нельзя представить иначе, как сложный процесс распределения функций, связанный с изменением семантической структуры грамматических единиц, имеющих генетико-функциональную связь. Представляется, что появление аблатива и послелогов предшествовало образованию эгрессива, ибо к его возникновению произошло исчезновение элатива на *-s't*, и вариант *-s'* был господствующим показателем исходно-отдалительного значения (Гуляев 1961 : 141). В отличие от генитива, аблатив спорадически сохраняет свое пространственное значение в период самостоятельного развития языков, что нашло отражение в древнекоми текстах, хотя в основной массе он был уже вытеснен послеложными конструкциями, а также другими *s'*-овыми падежами. Функциональное переименование аблатива, эгрессива и послеложных конструкций в пространственном значении обнаруживается в современных пермских языках при выражении значения “поло-

жение предмета по отношению к другому предмету". Семантические отличия коми и удмуртского аблатива на синхронном уровне охватывают и сферу вторичных значений. Общепермскими в синхронии являются значения источника получения и поссесивное, которые реализовал уже прапермский аблатив. Однако не исключается период элативного оформления существительного при выражении данных отношений, видимо, еще до возникновения аблатива. Б.А.Серебренников предполагает, что конструкциям типа *босьта мортлысь пурт* 'возьму у человека нож' предшествовала более древняя конструкция типа *босьта мортлысь пурт* (Серебренников 1958б : 193-196). Такое употребление, по мнению Е.С.Гуляева (1961 : 239), оставило следы в сфере личных и усилительно-личных местоимений 1-го и 2-го л., форма аблатива которых содержит только суффикс *-сь*. К прапермскому периоду, возможно, восходят также значения: 1) отделения от предмета, хотя в современных пермских языках данное значение выражается разными грамматическими единицами: в удмуртском – аблативом, в коми-пермяцком – послеложной конструкцией, в коми-зырянском – элативом, в древнекоми текстах представлены все три типа; 2) основания действия, которое представлено во всех пермских языках, но в коми языках дистрибутивно и ареально ограничено; 3) сопоставления, реликты которого обнаруживаются в древнекоми памятниках. Значения источника во всех его разновидностях, причины в настоящее время проявляет только аблатив удмуртского языка, они не зафиксированы в древнекоми письменных памятниках и не встречаются в современных коми языках. Поэтому эти значения возникли или самостоятельно в удмуртском языке, или в удмуртских диалектах прапермского языка как ареальное явление, что более вероятно.

Необходимо отметить, что в пермских языках оба компонента транслативных конструкций оформлены разными падежными формами. Значения материала и причины в прапермском языке первоначально выражались элативом, о чем свидетельствуют данные не только коми языков, но и удмуртского, особенно северных диалектов. Вторичные значения аблатива указывают на неравномерное развитие семантики падежа уже в диалектах прапермского языка. Следует предположить, что в прапермский период аблатив мог иметь широкий семантический диапазон, но в дальнейшем в коми языке он утратил часть значений, а в удмуртском сохранил свою многозначность. Кроме того, если принять гипотезу Е.С.Гуляева (1961 : 161), что прапермская локальная функция элатива отличалась универсальностью выражения элативно-аблативных отношений, то не исключается, что при образовании аблатив мог перенять весь комплекс вторичных семантико-синтаксических функций элатива. Утрата части вторичных значений падежа в коми языке была связана

отчасти с развитием других грамматических средств аблативно-элативного характера, а также с проявлением фактора одушевленности в парадигме склонения в пракоми период (см. Baker 1985 : 148). Коми аблатив сохранил значения, реализующиеся преимущественно с одушевленными существительными. Анализ семантической структуры аблатива и других s'-овых падежей позволяет выделить несколько типов функциональных корреляций на общепермском фоне: аблатив – элатив; аблатив – эгрессив – послеложная конструкция; аблатив – элатив – эгрессив; аблатив – элатив – эгрессив – компаратив. В функциональную корреляцию включены все s'-овые падежи, а также некоторые послелоги с аблативной семантикой. При выражении определенных значений наблюдается разный ареал использования грамматических средств, в основном это: аблатив – удмуртский язык; элатив – аблатив – северные диалекты удмуртского языка; элатив – аблатив – эгрессив – компаратив – диалекты коми-пермяцкого и южные диалекты коми-зырянского языков; аблатив – элатив – коми-зырянский язык. Анализ типов корреляций позволяет говорить о диалектном переименовании функциональных сфер аблатива, элатива, эгрессива и послеложных конструкций с аблативной семантикой уже в прапермском языке. На общепермском фоне коми-пермяцкий язык представляет собой некий диффузный ареал, в котором сохранились некоторые диалектные особенности прапермского языка.

Для определения типологического характера функций, выражаемых пермским аблативом, следует обратиться к материалу других финно-угорских, а также самодийских языков, в которых проявляется дифференцированное (прибалтийско-финские, марийский, мордовские языки) и недифференцированное (мансийский) выражение аблативного и элативного значений, при этом учитываются падежные и послеложные формы. Общая картина функциональных соответствий пермскому аблативу представлена в табл. 6 (данные: ГСУЯ I : 95-98; ГСУЯ II : 173-174; Гуляев 1961 : 210-222; КПЯ : 185, 190; Коведяева 1978 : 132, 147-148; Учаев 1982 : 72; Иванов, Тужаров 1970 : 190-192; ГМЯ : 164-166, 170, 390; Хакулинен 1953 : 86; Паюсалу 1958 : 32, 35-37; ГФЯ : 79, 82-84, 88-90; Зайцева М. 1981 : 180-184; Зайцева Н. 1981 : 99-100, 117; Майтинская 1955б : 138, 141; 1960 : 180, 192, 193; Терещенко 1973 : 33, 257-260, 275; Беккер 1978 : 121, 124-126; Alvre 1969 : 196-197; Räsänen 1972 : 154, 227-230, 233-236, 239, 322-323; Larsson 1983 : 107; Palmeos 1983 : 71).

Исходя из функционального сопоставления, можно сделать следующие выводы:

1. Функции, составляющие семантическую структуру пермского аблатива, выражаются в уральских языках преимущественно грамматическими единицами аблативно-элативного характера, к которым относятся

аблатив, элатив, партитив (восходящий к праязыковому аблативу) и послеложные конструкции с аблативной семантикой, объединяющиеся на основе семы обратной динамической направленности, отложительности.

2. В пределах родственной группы языков, более того, отдельных диалектов нередко проявляется использование разных грамматических средств для выражения отношений, характерных для аблатива. При этом допустимо полное и частичное функциональное совпадение грамматических единиц. Так, в диалектах марийского языка полное функциональное соответствие проявляют отложительный падеж с суффиксом *-leč* и послеложные конструкции с *гыч*, в диалектах прибалтийско-финских языков частичное соответствие – аблатив и элатив. Отсюда не исключается возможность функциональной корреляции грамматических элементов, имеющих общий компонент в семантической структуре, что особенно характерно при выражении вторичных значений. Поэтому вполне вероятно, что в прапермском языке вторичные *s'*-овые падежные формы (аблатив, эгрессив) переняли большинство вторичных функций элатива, образуя тем самым синонимичные грамматические конструкции.

3. Во всех языках, в которых представлен аблатив, он сохраняет свое пространственное значение. Утрата пространственного значения отмечается в пермских языках, что объясняется образованием эгрессива и послелогов с аблативной семантикой.

4. В большинстве языков значение обладателя отчуждаемой принадлежности реализуется аблативом или же послелогом с аблативной семантикой, что свидетельствует не только о взаимосвязи средств выражения внешнеместных и посессивных отношений, но и первичном локальном значении пермского аблатива.

5. Вторичные значения удмуртского аблатива находят почти полное функциональное соответствие в марийском языке, за исключением значения собственной принадлежности. Аблатив мордовских языков занимает как бы промежуточное положение между марийским и прибалтийско-финским аблативом. Учитывая функциональные соответствия аблатива и элатива, можно констатировать, что коми язык функционально сближается с прибалтийско-финскими языками. Отсюда предполагается, что в определенный период прапермского языка элатив и аблатив выступали в качестве синонимичной пары, их функциональное распределение и утверждение статуса грамматической формы произошли в период самостоятельного развития языков. Полисемантичность удмуртского аблатива можно объяснить как результат более позднего конвергентного развития марийского и удмуртского языков. В то время как закреплению элатива в коми языках способствовали, с одной стороны, ареальное развитие коми и прибалтийско-финских языков, с другой – проявление фактора одушев-

Функциональные соответствия пермскому аблативу

Языки Значения	Пермские			Марийский		Морд.	Прибалтийско-финские			Мс.	Сам. (сельк.)
	кз.	кп.	удм.	вост.	сев.- зап.		вепс.	фин.	эст.		
Отделение от предмета	El	El Egr Pos	Abl	Abl	Pos	El Abl	El	El	El	El	El-Abl
Основание действия	El	El Abl	Abl	Abl	Pos	Abl	-	Par	Par	-	El-Abl Lat
Причина действия	El Egr	El Egr	Abl El	Adv	Pos	Abl	El Abl	El Abl Par	Abl	-	El-Abl
Материал	El	El	Abl El Pl	Abl	Pos	El Abl	El	El	El	El	El-Abl
Источник возникнове- ния предмета	El	El	Abl El	Abl	Pos	El	El	El	El	El	El-Abl
Предмет совокупности	El	El	Abl	Abl	Pos	El	El	El	El	-	El-Abl
Объект сопоставления	El Kom	Kom El Egr	Abl	Abl	Pos	Abl	Par	Par El	Par El	El	El-Abl
Усиление качества	El Kom	Kom El Egr	Abl	Abl	Pos	Abl	Par	Par	Par	El	-
Обладатель отчуждаемого предмета	Abl Egr	Abl Egr	Abl	Abl	Pos	Pos	Abl	Abl	Abl	El	El-Abl
Обладатель предмета	Abl	Abl	Abl	Gen	Gen	Gen	Gen	Gen	Gen	Nom	Gen

Примечание. Abl – аблатив, Adv – адвербиаль, Gen – генитив, Dat – датив, Egr – эгрессив, El – элатив, Kom – компаратив, Lat – латив, Nom – номинатив, Par – паритив, Pos – послелог, Pl – пролатив, (-) – соответствие не установлено.

ленности в парадигме склонения пракоми периода, в результате чего за аблативом сохранилось лишь выражение принадлежностных отношений, другие значения прапермского аблатива постепенно утратились. Они полностью перешли в семантическое поле элатива.

6. Характерной чертой только пермских языков является использование аблатива для выражения отношений собственной принадлежности в позиции при прямом объекте. Данное значение следует рассматривать как индивидуальную особенность пермских языков, хотя потенциальная возможность его проявления в других языках не исключается.

4. Семантическая структура датива

4.1. *Из истории изучения семантики падежа.* При описании датива указывалось прежде всего значение адресата, предмета направленного действия, на основе наличия которого отмечалось его семантическое сходство с русским дательным падежом (Попов 1842-1844 : 68; Савваитов 1849 : 104). Ф.Видеман (Wiedemann 1884 : 118-119) приводит группу глаголов, требующих датива, выделяет также значения пространственное, назначения, цели. Пять функций удмуртского датива отмечены в работе А.И.Емельянова (1927 : 139-140). Относительно полно удмуртский датив описан в нормативной грамматике удмуртского языка (ГСУЯ I : 98-100), однако выделены далеко не все его значения. Следует отметить рассмотрение семантики коми-зырянского датива в рукописи А.С.Сидорова (1950 : 283-299), где выделены следующие значения: 1) дательный направительный; 2) дательный принадлежностный; 3) дательный назначения; 4) дательный отношения; 5) дательный отдалительный; 6) дательный объекта понудительности; 7) дательный субъектный. В отличие от предыдущих описаний, данное имеет больший охват материала, более подробный анализ с указанием некоторых позиционных реализаций, но не представляет собой полной систематизации.

4.2. Семантическая структура

1. Пространственные значения.

1.1. Указание на предмет (поверхность предмета), являющийся пунктом направленности для другого предмета. Значение реализуется при глаголах направленного движения, действия, предполагающих соприкосновение предмета с поверхностью другого предмета. Датив с данной функцией зафиксирован в удмуртском языке. Например, *lēs-vu uz üšē, pužmer uz üš bayētānēz turnam turēmle* 'Ни роса, ни иней не упадут на скошенную вовремя траву', *töd'i kis-puŋci pus poni* 'Тамгу я положил на белую березу' (Емельянов 1927 : 139). В коми языках, а также в современном удмуртском данная разновидность пространственного значения выражается послелогом кз. кп. *вылӧ*, удм. *вылэ* 'на' и иллативом:

кз. *усис пызан выльö*, но *джоджö* ‘упал на стол, но на пол’; удм. *жöк выльэ поныны* ‘положить на стол’.

1.2. Указание на предмет, являющийся ориентиром при уточнении расстояния расположения одного предмета в направлении к другому. Значение проявляется только в удмуртском языке в позиции при количественном наречии, например, удм. *Та тылы кыдёкын ик öвöл Муса нюлэс вань* (Владыкина : 193) ‘Недалеко от озера (букв. недалеко к озеру) есть лес Муса’; *Котькудйз ас понназ кыче ке вырйылын, шурлы матысь интыын, кылдытйз выль кар* (Владыкина : 211) ‘Каждый для себя на какой-либо возвышенности, поближе к реке, создал свое городище’; *Пазяллэн выль улон интыезлы Айпак ты матын выльэм* (Владыкина : 231) ‘Недалеко от нового места (букв. близко к месту) жилья Пазяла было озеро Айпак’. Соответствием в коми языках является аппроксиматив.

1.3. Пространственно-посессивное значение. В некоторых окраинных коми-зырянских диалектах датив выступает в качестве внутреннеместного падежа, проявляя при этом ограниченность дистрибуции. В сферу его сочетаемости входят одушевленные существительные и личные местоимения, что позволяет говорить о соотносительности места с лицом. Пространство воспринимается как место жительства, сфера деятельности лица. В зависимости от контекста выделяются две разновидности значения:

1.3.1. Значение направленности предмета в место жительства, сферу деятельности лица проявляется при динамических глаголах движения. Например, вым. *sĭj vetla s. ‘ich gehe (zu) ihm hin’, aikalj oz mun Vm ‘... zum Schwiegervater geht er nicht’,* лл. *sĭġ med mort laktis Le ‘zu ihm kam ein anderer Mann’* (Fokos-Fuchs : 549, 893), лл. (Пр.) *Мортлö* (скр. *морт ордö*) *он пусмö киён мун* ‘К человеку с пустыми руками не пойдешь’ (ЛЛД : 45). В удмуртском языке данное значение проявляется только со словом *куно* ‘гость’ в некоторых удмуртских диалектах: бес. *kənoləpʹrim tiññad* вм. *куное пырим дорады* ‘Мы зашли в гости к вам’ (Тепляшина 1970 : 171); *Урам кузя ветлон сямен Кунолы пырим: вождэс эн вае* (Владыкина : 319) ‘По улице мы ходили Да в гости зашли: не сердитесь на нас’; ср. удм. сред. *окпол со кунойö öтэм соосты* (ОУР 2 : 56) ‘Однажды она позвала их в гости’.

Функциональным соответствием в остальных коми-зырянских диалектах и коми-пермяцком языке являются иллатив и послеложные конструкции с кз. кп. *ордö* ‘к’: уд. (Косл.) *Лэнаö вэтлины тöрым* ‘Вчера ходили к Лене’; уд. (Пучк.) *Райаö пырالي* ‘Заходил к Рае’ (УД : 34-35); печ. (Тр.-П.) – *Сене-Кане, кытсьö жö ветлін?* – *Енмö кайли* (ОКЗР : 296) ‘– Сенья-Каня, куда же ты ходил? – К богу ходил’; кп. кос. кам. (Чаз.) *бабэö вэтлам* (к.-иньв. *бабэз динэ*) ‘сходим к бабушке’ (Дмитриева 1998 : 85); кз. *Тюп-тяп нюрöд Тури мунö Рака ордö корасыны...* (Куратов : 170) ‘Шлепая по болоту, Цапля идет свататься к Вороне...’; кп. *И вот зонка мунö купец*

ордö, нöбöтö пиас письмо (Оласö : 51) ‘И вот мальчик идет к купцу, неся с собой письмо’; в удмуртском языке – послеложные конструкции с *доры* ‘к’: удм. *Ми тй доры лыктйм, ин гудыри сямен* ‘Мы прибыли к вам, словно небесный гром’ (Владыкина : 139). Иллативные формы часто функционируют с показателем множественности: кп. *Эта лунсянь татчö кызд колис сьёлöмсö, кызд рыт, сідз и шыбыльтö Гавриллзö* (Федосеев II : 216) ‘С того дня, как оставил здесь он свое сердце, как вечер, так и тянет его в дом Гавриила (букв. Гавриилам)’.

1.3.2. Значение локализации предмета как пребывания в месте жительства, сферы деятельности лица. Реализуется при глаголах нахождения, размещения в лузско-летском диалекте коми-зырянского языка: лл. (Гур.) *Мамыслö из и уз’лы, пöчыс динын уз’лö* ‘У матери даже не ночует, у бабушки ночует’; лл. (Лет.) *Соччасыслö гöст’итис* ‘Она гостила у сестер’ (ЛЛД : 45). Функциональным соответствием в других коми-зырянских диалектах и родственных языках могут выступать инессив или послеложные конструкции с кз. кп. *ордын, ордö* ‘у’, удм. *дорын, дйньын, дйне*: сс. (Ч.) *Мамысын олöны* ‘Живут у матери’; уд. (Косл.) *Попын вартин’ол’ рыньши* ‘У попа обмолотили четыре овина’ (Сорвачева : 238); лл. (Гур.) *Сочымын ола* ‘Живу у своей сестры’ (ЛЛД : 43); кп. *Сідз гöститис Митиперыс Гаврил дялдезын, топ роднöйöс панталісö и кольлалісö* (Федосеев II : 216) ‘Так гостил Митипер у дяди Гавриила, как родного встретили и проводили’; кз. *Макар пöль ордын вöлі войпук; керка тырыс пукалісны нывъяс* (Юхнин I : 130) ‘У деда Макара были посиделки; целый дом девушек’; кп. *И олöны гöститöны сойыс ордын орёл да чериалісь – лун, мöдік да и куимöт* (Оласö : 101) ‘И гостят у сестры орел и рыбак – день, другой да и третий’; удм. *Узыр дорын – гордэкто, куанер дорын – көсэкто* (УФ : 185) ‘У богатого – наливаются, у бедного – чахнут’; удм. сев. *л’укас’кис’ком вал одик пэрэс’ кышномурт дин’э* ‘Собираемся, бывало, у одной старушки’ (ОУР : 152). Употребление лативных конструкций, в данном случае датива, исторически аллатива, в значении “место, где” объясняется синтаксическими особенностями лативных падежей финно-угорского праязыка (Основы I : 390). Использование датива в значении объекта, во внутрь которого направлено движение предмета, объясняется метонимическим переносом обозначения обладателя на обозначение объекта обладания. Таким образом, общеместное значение является вторичным по отношению к внешнеместному, подтверждением чему служит и система вторичных значений датива, базирующаяся на внешнеместных отношениях.

2. Вторичные значения

2.1. Время действия. На синхронном уровне данное значение проявляется исключительно в удмуртском языке. В коми-зырянском оно сохранилось только в послелого *кежлö* ‘к, на’, в структуре которого суффикс

-*лэ* Т.Уотила и К.Редеи генетически связывают с *l*-овыми падежными суффиксами (Uotila 1936 : 470; Rédei 1962 : 161).

Датив реализует несколько разновидностей темпорального значения:

2.1.1. Указание на границу периода времени, предшествующую осуществлению действия: удм. *Толлы гужем дасясько* 'К зиме летом готовятся' (УФ : 163); *Толалтэ нуал гужемлы дасяське, нош гужем – толалтэлы* 'Зимний день к лету готовится, а летний – к зиме' (УФ : 175); кз. *Вой кежлӧ лӧсьӧдчӧ му* (Торопов I : 65) 'К ночи готовится земля'.

2.1.2. Указание на промежуток времени как определенного срока действия:

а) срок расчета в протекании действия: удм. сред. ...*быдэс арлы с'амэн соос л'укало со ыл' нуэз. вуоно арлы со дас'ало ини* 'почти на целый год заготавливают они те сырые дрова. На будущий год то припасают уже' (Кельмаков 1998 : 204); удм. *Одӱг нуналлы сюрес вылэ потыкуд, куинь нуналлы нянь кут* 'Собираясь в дорогу на один день, хлеб возьми на три дня' (УФ : 125); *Ужез уд быдты, кулэм берад но куиньмойлы (кылӧз) тырмоз на* 'Работу не кончишь, и после смерти на три дня останется' (УФ : 27); ср. кз. *Миян рабочейяс окотитисны кык-куим лун кежлӧ лӧччывны гортӧ* (Юхнин II : 66) 'Наши рабочие изъявили желание на дня два-три сходить домой'. В приведенных примерах в значении срока содержится оттенок, указывающий, что действие рассчитано или пришло в исполнение на определенный срок;

б) срок исполнения действия без оттенка расчета к протеканию действия на разные сроки: удм. *Арлы огпол лыктэ Быдӱым нуал праздник, Вай сиёме-юме* (Владыкина : 91) 'Раз в год приходит к нам праздник Великий день, Давайте есть-пить'; *Арлы гинэ одӱг пол Акашка лыктылэ, Вань калыкез кырӱатэ, ой, бӧрӱитэ* (Владыкина : 92) 'Раз в год приходит к нам Аркашка, Всех людей петь, ой, плакать заставляет'; удм. сред. *арн'ялы окпол огырчийэ вэтком вал н'ан'лы* 'Раз в неделю ходили в Аргыз за хлебом' (ОУР 2 : 172).

В коми языках данное значение выражается послелогом *вылӧ*: кз. *Сэсса некмын лун мысти таво вылӧ первойсысь пӧльытитис лун тӧв* (Раевский : 40) 'Потом через несколько дней первый раз в этом году подул южный ветер'.

2.2. Объект соприкосновения. Содержит указание на лицо, к поверхности которого присоединяется, соприкасается другой предмет. Реализуется при глаголах типа кз. *сибдыны* 'прилипнуть', *кӧласьны* 'пристать', кз. *лемасьны, ляскысьны* 'приклеиться'; удм. *лякиськыны*: кз. *Сибдас кӧ мортыдлы мӧд нимыд, пудпасӧн ӧшгяс, он нин вушты* (Ю.Васютов) (ВК 1988, 5 : 27) 'Если пристанет другое имя к человеку, то как родинка прилипнет, уже не избавишься'; ... *кыдз-мый пӧ тэныд тайӧ висьӧмыс*

кӧласис? (КМС : 55) ‘... как и что, мол, тебе эта болезнь пристала’; кп. [Дима] *мӧдіс эшӧ ӧтпырись лыныны ошыслӧ, но полис инмыны айыслӧ* (В.Баталов) (Парма шы : 157) ‘[Дима] хотел еще раз выстрелить в медведя, но боялся попасть в отца’; удм. *ним солы* *лякиськиз* ‘имя ему пристало’.

С неодушевленными существительными при данных глаголах выступает иллатив: кз. *инмис муӧ* ‘коснулся земли’; кз. *сибдіс ӧшиньӧ* ‘прилип к окну’; удм. *Зор бере, дыр, ни, алангасарлэн пыдаз горд сюй лякиськем* ‘После дождя уж, наверное, к ногам алангасара прилипла земля’ (Владыкина : 179) или же послелог: кп. *Быдӧнныс кутчисисӧ – кин куканыыс голя бердӧ, кин пеллес бердӧ, а кин и ӧженытик бӧжок бердас* (В.Баталов) (Парма шы : 131) ‘Все взялись – кто за шею теленка, кто за уши, а кто и за хвост’; удм. *лякиськыны борддор борды* ‘прильнуть к стене’. Значение возникло на основе признака поверхностного соприкосновения, реализуемого пространственным значением первой разновидности.

2.3. Значение объекта сопоставления, указывающее на лицо (предмет), по отношению к которому констатируются соответствие, сходство, согласованность / несоответствие, несходство другого предмета, признака, действия. Данная функция вытекает из значения пространственного сближения, приближения. Она реализуется: 1) при глаголах типа кз. кп. *лӧсявны* ‘идти, подходить к лицу’, кз. кп. *туйны* ‘(при-) годиться’, *муины* ‘соответствовать, идти, подходить к лицу’; удм. *укишаны* ‘походить, иметь сходство’: кз. *Быдӧнлӧн эм аслас места, сӧмын сылы лӧсялана удж* (Куратова : 75) ‘У каждого есть свое место, только ему подходящая работа’; удм. *Дӧдӧы сюльӧс куасьӧслы тупало вылэм* (Владыкина : 222) ‘Полозья саней были похожи на лыжи’ (УФ : 46); *Дӧдӧы сюльӧс куасьӧслы тупало вылэм* (Владыкина : 222) ‘Полозья саней были похожи на лыжи’; *Ассӧ гинӧ тодӧсь адыми огназ сылӧсь майыглы укиа* ‘Думающий только о себе схож с одиноким колом’ (УФ : 81); 2) при лексемах (существительных, прилагательных, наречиях) со значением адекватности / неадекватности, сходства, соположения в пространстве, выступающих в роли определения и / или же предикатива: кз. *Думышт ачӧд: кодныс матынӧжык колхозникыды?* (Юхнин II : 70) ‘Подумай сам: который ближе к колхознику?’; удм. *сюлэмлы матын* ‘близкий сердцу’; *ог-огзылы матын луись малпанӧс* ‘близкие взгляды’; кз. *Куимовлы ӧні тайӧ вӧлі кивыв...* (Юхнин I : 8) ‘Куимову теперь это было на руку...’; удм. *солы со умой* ‘это ему на руку’; 3) в удмуртских диалектах с послелогами кукм. *kõre*, ср.-вост. *кере* ‘по, смотря, сообразно’, *karata* ‘по, согласно, смотря’, являющимися по происхождению татарскими заимствованиями (Кельмаков 1969 : 466; Бушмакин 1971 : 159; Тараканов 1975 : 182).

2.4. Объект направленного действия, адресат “давания”. Содержит указание на адресат предоставления предмета, передачи качеств, свойств,

сообщения в ситуациях “давания”, которые предполагают активный субъект “давания”, объект предоставления (или передачи) и адресат. Считается, что в основе значения адресата лежит определенное пространственное представление о движении объектов по отношению друг к другу. Значение реализуется при переходных глаголах в двойном сильном управлении, при непереходных глаголах объект включен в значение глагола. Объектом передачи могут быть как конкретные, так и отвлеченные предметы, в функции адресата выступают одушевленные и неодушевленные существительные. Указанная функция проявляется в позиции при глаголах со значением передачи конкретных и отвлеченных предметов, передачи словесного сообщения, мимических и других знаков типа кз. кп. *сетны*, удм. *сётыны* ‘дать’, кз. кп. *висьтавыны*, удм. *вераны* ‘сказать’, кз. *довкнитны*, удм. *шонтыны* ‘кивнуть’, кз. *нюмъявны* кп. *шыннявны*, удм. *пальпотыны* ‘улыбаться’ и т.п.: кз. *А дзоридзьяссё кодлы сета? Учительницалы*, да? (Куратова : 73) ‘А цветы кому отдам? Учительнице, да?’; кп. *Челядь пондiсё думайтны, кытийом ним сетны корабльлö* (В.Баталов) (Парма шы : 128) ‘Дети начали думать, какое название дать кораблю’; удм. сев. *соин ик гуртмылы но киз’на ним с’отил’л’ам* ‘Поэтому нашей деревне дали название Кизьна’ (ОУР : 136); Бикметов *сылы муртса довокнитiс юрнас...* (Юхнин I : 12) ‘Бикметов чуть-чуть кивнул ему головой’; кп. *Сэтчин быдöс висьтасим аймамöлö да дядьöлö* (Баталов : 185) ‘Там мы обо всем рассказали своим родителям и дяде’; удм. *Адыми вань кужымзэ ужлы сётэ ке, трос уродзэ вунэтэ* ‘Если человек все свои силы отдает работе, он забывает плохое’ (УФ : 16).

Присубстантивная позиция характеризуется отглагольными существительными, например, кз. *Сылы висьталöмыд – мёслы синмас бус шердйом кодь* ‘Ему говорить – все равно, что корове пылью глаза поросить’ (Плесовский : 192).

2.5. Адресат каузируемого действия. Содержит указание на лицо, являющееся непосредственным исполнителем действия, направленного, назначенного каузатором. Реализуется при глаголах волеизъявления типа кз. кп. *тиöктыны*, удм. *косыны* ‘велеть, приказать, заставлять’, кз. кп. *прикажитны* ‘приказать’: кз. *Борис... тиöктiс налы мыссьыны* (Юхнин II : 24) ‘Борис... велел им умыться’; *Локтiскежлö ме тиöктi гортсяслы ломтыны пывсян* (Раевский : 6) ‘К моему приходу я велел своим домашним затопить баню’; кп. *Тиöктас чёрт аслас увтырлö петкöтны пизь* (Оласö : 57) ‘Прикажет черт своим подчиненным муку вынести’; удм. *Бератаз будзiн эксей удмуртлы косйз вöсяськыны* (Владыкина : 202) ‘Напоследок великий царь заставил молиться удмуртов’, а также при двуобъектных понудительных глаголах в коми-зырянском языке: скр. (3.) *Пал’тоöс вурöди öн’ö Тамаралы* ‘Пальто я пошила у Тамары Андреевны’

(ПСД : 64); сс. (В.) *Ме пуртсõ дорõда кузнечлы* ‘Нож сковать дам кузнецу’ (ССД : 34). Употребление датива при глаголах волеизъявления может быть объяснено близостью их семантики к глаголам речи (приказать кому-то – сказать кому-то что-то сделать).

В коми-пермяцких диалектах, особенно в южных, а также в удмуртском языке объект каузации может оформляться аккузативом: кп. *Пõрись-мас купецыс, дугдас тõргуйтны ачыс, тийõктõ зоннзõ велõтчыны* (Оласõ : 42) ‘Постарел купец, перестал сам торговать, заставляет детей учиться’; Михей *тийõктис пырны челядзõ столовойõ, ачыс кытчõкõ мунис* (В.Климов) (Парма асыв : 271) ‘Михей отправил детей в столовую, сам куда-то ушел’; удм. *Дышетись дышетскисьёсты сочинение гожтытйз* ‘Учитель заставил учеников написать сочинение’ (ГСУЯ I : 228). В отдельных коми-зырянских диалектах в понудительных конструкциях выступают инструменталь и комитатив, употребление которых имеет свои семантические основы. В первом случае исполнитель действия как бы приравнивается к средству исполнения, во втором – результат действия, с точки зрения субъекта, представляется как соединение действия и реального исполнителя. Например, лл. (Ч.) *Пис’мõсõ йõзõн* (лит. *йõзлы*) *гижõди* ‘Письмо написала с помощью людей’ (Жилина 1975 : 84); скр. (В.) *Тайõ джоджõрасõ Карпõ Аннакõд* (лит. *Анналы*) *кыõдли*. ‘Этот половик соткала Анна Карповна’ (ПСД : 66).

2.6. Значение адресата зрительного показа предмета реализуется при глаголах кз. *петкõдлыны*, кп. *петкõтлыны*, удм. *возьматыны* ‘показать’, кз. *мыччõдны*, кп. *мыччавны* ‘показать’ и т.п.: кз. ... *челядь моз быдтор вылõиндис, петкõдлис Митрейлы Прокопей*, (Юхнин II : 119) ‘... как ребенку (детям) на все указывал, показывал Митрею Прокопей...’; кп. *Налиммез гожсумнас олõны норазын, полõны мыччасьны шондйислõ* (Баталов : 182) ‘Налим летом живет в норах, боится показаться солнцу’; удм. *Пересь йичы тинал пунылы быжзэ возматэм* ‘Старая лиса молодому псу хвост показала’ (УФ : 50); *Вакчи дырлы но, пе, уг быгатйськы адямиослы возматйськыны* (Владыкина : 190) ‘И ненадолго не может появиться перед людьми’.

2.7. Объект назначения действия, предмета.

2.7.1. Содержит указание на лицо, которому предназначается предмет. Обнаруживает связь со значением адресата непосредственного “давания”, имея оттенок будущего использования или обладания предметом, свойством, без непосредственного “получения”. Реализуется при: а) переходных глаголах конкретного действия типа кз. *ньõбны*, кп. *небны*, удм. *басьтыны* ‘купить’, кз. кп. *вурны*, удм. *вурыны* ‘шить’, кз. кп. *сины*, удм. *сйзыны* ‘посвятить’ и т.п.: кз. *Велиума знькалы и айкалы, деверьяслы и невесткаслы вайис шõвк паськõм-пõдарки* (КМС : 133) ‘Велиума привез в

качестве подарков шелковые одежды свекрови и свекру, деверям и невесткам'; кп. *Фёдор Кузьмич пишалсьё небис зоныслё нимлун кежё* (В.Баталов) (Парма шы : 124) 'Ружье Федор Кузьмич купил сыну на день рождения'; удм. сев. *Сойз (пуҫ) гуэ лэз'из (кэч) кийонлы* (ОУР : 66) 'Ее (жердь) опустила (коза) для волка в яму'; бес. *Gordlis' no gord so k^ošno jezle d'erem bas'tem* (Шам.) 'Он купил жене ярко-красное платье' (Тепляшина 1970 : 271); б) непереходных глаголах со значением конкретного действия: кз. *Важён вёлі озырылды төвбыд казачитан да корысылы местаё вит шайт сетас* 'Раньше, бывало, богатому-то всю зиму проработаешь, а он, как нищему, бросит тебе пятерку' (Тарабукин : 59); в) именных предикативах, в роли которых обычно выступает предмет предназначения: кз. *Вот тиянылы гөснечьяс: мамылы чыпьян, а батмылы, босьтас кө, кузь пеля көр ку шапка* (Юхнин II : 82) 'Вот вам подарки: матери платок, а отцу, если возьмет, оленья шапка с длинными ушами'. Присубстантивная позиция характеризуется как отглагольными: кз. *...мый сійё тадзи сёрнитё пианыслы бур вёчём ради* (Юхнин I : 57) '...что он так разговаривает, чтоб сделать для своих сыновей хорошее', так и неотглагольными существительными: кз. *Нюжсалё шылыыд-шылыыд ва веркёса, весалём берегъяса Вөрью – керъяслы туй* (Юхнин II : 36) 'Тянется с очень гладкой поверхностью, с очищенными берегами (река) Вөрью – путь для бревен'.

В коми языке при дативной словоформе может употребляться послелог *вылӧ* 'на': *Тэныд вылӧ ньӧби* 'Я купил (что-то) для тебя'. Сочетание двух способов выражения отношений предназначенности служит для усиления, особого подчеркивания данного значения, а в некоторых конструкциях для разграничения генетически связанных значений адресованности и предназначенности. Например, в предложении кз. *Коді пӧ Ляпинас ветлас, аслыс вылӧ* (а) *сылы* (б) *няньсӧ вичмӧдыштам жӧ..* (Юшков II : 98) 'Кто, мол, съездит в Ляпино, то ему выделим хлеб и для себя...' первая дативная словоформа (а) употреблена в значении предназначенности, вторая (б) – в значении адресата, но если бы не было послелога, то обе словоформы реализовали бы адресатное значение: *аслыссылы* 'ему самому'. В грамматической системе коми языка послелог *вылӧ* 'для' и датив находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Основная сфера употребления послелога – неодушевленные существительные, преимущественно отглагольные. Например, кз. *Садьюрӧн ньӧблӧ тэныд сетӧм вылӧ* (Юхнин I : 42) 'Трезвым покупал для того, чтобы отдать тебе'. В диалектах коми-зырянского языка отмечаются случаи использования послелога с инфинитивом: скр. (Шош.) *Куканьсӧ начкисны сёйны вылӧ* 'Теленка забили для потребления, т.е. букв. для того, чтобы есть' (Прокушева 1981 : 16). Избирательность послелога объясняется тем, что

отглагольные существительные и инфинитивы могут иметь при себе зависимое слово в форме датива. Поэтому есть необходимость использования синонимичного грамматического средства для конкретизации смысла. С одушевленными существительными послелог выступает только вместе с дативом.

В коми-пермяцком языке в значении предназначения часто употребляется также послелог *понда*: [Наталь] – *Кöзичкаын мыйкö тэ понда пыртис тön зшö [воныт]* (И.Шадрин) (Парма асыв : 52) ‘В корзинке [брат твой] что-то для тебя принес еще вчера’.

2.7.2. Содержит указание на предмет, предназначающийся другому предмету. Значение проявляется только в удмуртском языке: удм. *паль-толы материал*, кз. *пальто вылö материал* ‘материал на пальто’, удм. *материаллэн вань кылемез костюмлы мынйз (быриз)*, кз. *материаллөн став колясыс мунис костюм вылö* ‘весь остаток материи ушел на костюм’; удм. сев. *Кыйон така ваиз, гондыр ош гог’н’эчлы* ‘Волк принес барана в качестве гостинца, медведь – быка’ (ОУР : 56); *Со сылал эмъямлы умой луэ, пе* (Владыкина : 246) ‘Эта соль потом используется вместо лекарства’, удм. сред. *кэн палас’йос ёушонйос кэл’то подароклы* (ОУР 2 : 39) [Поезжане] со стороны невесты (“снохи”) оставляют в качестве подарков полотенца’; удм. сред. *тин’и со нылэс турнас’йос пöлыс’ кнлы лушкаса нуил’л’ам* ‘вот ту девушку [некто] из косарей умыкнул себе в жены’ (ОУР 2 : 222). Данное значение в коми языках выражают послелоги *вылö* ‘на’ и *пыдди* ‘в качестве, вместо’: кз. *Вадорö тай мөдöдчи ... шедтöм черисö кыйны. Сынысь вылас некодöс нудöлыны* (Юшков II : 254) ‘К реке отправился ... словить непойманную рыбу. В качестве гребца некого взять’.

В структуре предложения удмуртского языка могут быть представлены две дативные словоформы, реализующие обе разновидности значения предназначенности: *Гондыр писэйлы кузьымлы ошез ваиз* ‘Медведь принес коту быка в качестве подарка’.

2.8. Адресат содействия / противодействия. Содержит указание на лицо, в интересах которого, в пользу / во вред которому совершается действие. Данная функция составляет вариант адресата предназначенности, реализуется при глаголах типа кз. кп. *отсавны*, удм. *юрттыны* ‘помогать’, кз. кп. *торкны* ‘испортить, расстроить’, кз. кп. *мешайтны*, удм. *люкетыны* ‘мешать’ и т.п.: кз. *Сандрö Петыр отсалис Мишкалы ёшиньяс тупкавны* (Пыстин : 15) ‘Петр Александрович помог Мишке закрывать окна’; кп. *Июль медбöрья луннэзö быд гожум ме ветлыгва городсянь деревняö отсавны аймамёл керны турун* (А.Ермаков) (Парма шы : 400) ‘В последние дни июля я каждое лето езжу из города в деревню, чтобы помочь родителям в заготовке сена’; кп. *Батраккезöс сия эз видз, йöзсö оз уджöт, но ачыс би – паздö-уджалö и челядьыслö узыны оз сет*

(Федосеев II : 36) ‘Он не держал батраков, людей не нанимал, но сам, как огонь, работает и детям спать не дает’; удм. *Килы йыр мед юр்த்தоз – уж капчигес мыноз* ‘Когда голова рукам подмога – и дело спорится’ (УФ : 138); *Куректонлы синкыли юрттэ* ‘Слезы горю не помогут’ (УФ : 45).

2.9. Значение заинтересованного лица представляет собой датив с ослабленным значением адресата предназначения. Дативная словоформа используется для подчеркивания личной заинтересованности в осуществлении действия, реализуется на уровне предложения, функционально сближаясь к вводным словам. Например, кз. *Вот тэныд и Воркута, вот тэныд и көрт туй сэтчö!* (Юшков II : 74) ‘Вот тебе и Воркута, вот тебе и железная дорога туда!’; кп. *Вот и нимлун тэныд... Эк-кө-көй, – шыловзисис ачыс* [Вадимер Петрович] (В.Климов) (Парма асыв : 294) ‘Вот тебе и именины... Эх-эх-эх, – вздохнул сам [Владимир Петрович]’; удм. *Кыће мыным шулдыръяскон* ‘Какой мне праздник’. При элиминации дативной словоформы не нарушаются ни структура, ни смысл конструкции, происходит лишь снятие аффективной окраски высказывания. Ср., *Кутшöм мем узьöм, кокъяс, юкалöны* (Юхнин II : 68) ‘Какой мне сон, ноги ноют’ → *Кутшöм узьöм...* ‘Какой сон...’. Первое предложение характеризуется большей смысловой подчеркнутостью, эмоциональной окрашенностью, в отличие от второго.

2.10. Значение объекта смежной принадлежности реализуется на уровне предложения, где датив является обязательным компонентом трехчленной конструкции. В зависимости от грамматических и лексических особенностей компонентов выделяются две разновидности значения: а) обладатель по смежной принадлежности части целому; б) обладатель по смежности, близости личных отношений и участия.

В первом случае обязательными членами выступают глагол, дативная и иллативная, или терминативная, словоформы, при этом дативная словоформа обычно показывает лицо, которое или что-то принадлежащее ему затрагивается действием. В иллативе и терминативе употребляются существительные, обозначающие часть тела человека или же предмет, нечто неодушевленное, принадлежащее дативной словоформе: кз. *Асныров вöлисти сэки видзöдлiс сылы чужöмас* (Юхнин II : 10) ‘Асныров только потом посмотрел ему в лицо’; *чипанлы бöжöдз, порсьлы лекйöдз* ‘курочке до хвоста, свинье до лодыжки’ (Тарабукин : 134); кп. “*Мый керны?*” – *сэтшöм вопросöн Дима дзарнитiс Танялö паськыт синнэзас* (В.Баталов) (Парма шы : 148) ‘Что делать?’ – с таким вопросом Дима взглянул Тане в широкие глаза’; кп. *Орёл пуксьывлiс челядблö пельпоннэз вылö, кишсь корис сёян* (Баталов : 136) ‘Орел садился детям на плечи, и просил с руки еду’; удм. сред. *салдатшлы çуҷкон поно вал чыртыйаз* ‘Новобранцу на шею вешали полотенце’ (ОУР 2 : 174); удм. сев. *тэччис со с’ил’о вылэ и кйонлэн*

ымныраз жабырскиз ‘прыгнул он на хворост и вцепился в морду волка’ (ОУР : 57). Датив данной позиции функционально соответствует посессивному генитиву, что было отмечено еще А.С.Сидоровым (1950 : 386). Ср. уд. *Цар босьтис ки пӧлӧдыс, пыртис аслыс кӧмнатаас* ‘Царь взял за руки, завел себе в комнату’ (Сорвачева : 184) и *Глаша чеччис жӧ и регыд мунис аслас квартираӧ* (Юхнин II : 165) ‘Глаша тоже встала и скоро пошла в свою квартиру’. Однако в конструкциях с дативом проявляется семантическое различие, заключающееся в подчеркивании той или иной предназначенности, направленности действия. Особенно ярко данный оттенок значения виден при дистанционном расположении членов конструкции. Например, кз. *Тэрыб Коклы ӧти Кузь Гӧна чеччыштліс нин голяас...* (Торопов II : 23) ‘Тэрыб Коку [олепенку] один Кузь Гӧна [волк] прыгал уже на горло...’; кп. *Сія [Давидыс] тӧдіс, кыт Лёнялӧ пырӧ карманас деньгаыс и кыт петӧ* (Федосеев I : 25) ‘Он [Давид] знал, откуда у Лени (букв. Лене) деньги в кармане появляются и как тратятся’.

Во втором случае датив обозначает лицо, которому кто-то кем-то приходится, проявляется при выражении родственных, приятельских, социальных отношений. Значение реализуется на уровне предложения, где в качестве предиката выступают номинатив или инструменталь с глаголами бытия. Например, кз. *...ме тэныд верной слуга лоа* (КМС : 42) ‘...я тебе верным слугой буду’; *Ӧд сійӧ Борислы абу друг, абу и фельдшер* (Юхнин II : 62) ‘Ведь он Борису не друг, и не фельдшер’; кп. *Не вон эд Алексейыс Давидыслӧ, абу рӧдня* (Федосеев I : 108) ‘Ведь Алексей Давиду не брат, не родня’; удм. *Азътэмлы эи – гур вылысь коӧйи* ‘Подырю товарищ – кот на печке’ (УФ : 33); *Музьем ужасьлы ӗч судья – сӱзьыл* ‘Земледельцу хороший судья – осень’ (УФ : 23). В данных конструкциях возможна трансформация датива в генитив, что обусловлено их функциональным соответствием. Однако, как и в первом случае, датив имеет оттенок предназначенности, назначения. Ср. кз. *Люба лоис Прокопейлӧн гӧтырӧн* (Юхнин II : 131) ‘Люба стала женой Прокопея’ и *Абу ӧмӧй ме тэныд бать?* (Юхнин II : 52) ‘Разве я тебе не отец?’, кп. – *Озло сідз! – лӧгасьӧ купец. – Менам ныв оз вермы лоны бедной мортлӧ невестаӧн!* (Оласӧ : 51) ‘–Так не будет! – рассердился купец. – Моя дочь не может быть бедному человеку невестой’ и *...нылочкаыс лоас бедной зоночкалӧн невестаӧн!* (Оласӧ : 50) ‘...девушка будет невестой бедного человека’. Генитив проявляет отношения собственной принадлежности, тогда как датив реализует принадлежность в синкретизме со значением предназначения.

2.11. Обладатель собственной принадлежности содержит указание на лицо, являющееся обладателем предмета в широком смысле. В данной позиции датив функционально соответствует присубстантивному генитиву, только сфера его сочетаемости ограничивается личными и усили-

тельно-личными местоимениями. Значение отмечено в лузско-летском и удорском диалектах коми-зырянского языка.: лл. (Ч.) *Мэ Л'уба ђс л'убита, аслым мон' ђс* 'Я люблю Любу, свою невестку'; *Пи соб олѡ, аслыс керкаын* 'Сын живет отдельно, в своем доме' (ЛЛД : 70); уд. *te olan asljđ kerka•jn* 'du wohnst in deinem eigenem (besonderen) Zimmer' (Fokos-Fuchs : 43). Датив в значении собственной принадлежности можно выделить и в первых компонентах сложных слов типа *аслыснога* 'своеобразный', *аслыспѡлѡс* 'своеобразный', *аслысруа* 'своенравный, с норовом' (ССКЗД : 14). Значение датива в структуре этих слов А.С.Сидоров (1950 : 398) рассматривает как субъект внутреннего состояния, однако в данном случае, скорее всего, представлен датив в значении обладателя признака, свойства, качества. Большая часть сложных слов имеет варианты, в качестве первого компонента которых выступает местоимение *ас*: кз. *асныра* 'своенравный, с норовом', кз. *асруа* 'своенравный', кз. *ассяма* 'тж'. Аналогичные образования отмечены в коми-пермяцком и удмуртском языках: кп. *асныра*, удм. *асныро*, *аснырьем* 'своенравный, упрямый, своевольный', кп. *ассяма*, удм. *ас сямо*, 'своеобразный', кп. *аскоддя* 'своенравный, упрямый' (КПРС : 20-21; УРС : 33-34). В верхнесыольском, ижемском диалектах коми-зырянского языка в качестве первого компонента параллельно может выступать усилительно-личное местоимение в номинативе: иж. *ачыспѡлѡс*, вс. *ачыскодьныра*, *ачыссикас* 'своеобразный', иж. *ачысныра*, вс. *ачыскодьныра* 'своенравный' (ССКЗД : 14). В структуре вариативных слов первый компонент *ас* – *аслыс* – *ачыс* выступает в качестве синонима, реализуя принадлежностное значение. Возможность употребления датива в значении собственной принадлежности, видимо, вытекает из предыдущего значения, в отличие от которого в данном случае отсутствует оттенок направленности, адресованности.

2.12. Обладатель отчуждаемой принадлежности содержит указание на лицо, от которого отчуждается, отнимается предмет в широком смысле. Датив данного типа функционально соответствует аблативу. Отдельные примеры зафиксированы в памятниках письменности XVIII в.: *лосялмолю и любовсо быдѣ мирлы мезослы корамъ* 'мир и любовь всем мирам (людям) у господина просим', *ми бостимъ... Христослы гусаяко* 'мы взяли... у Христа тайну' (Кузнецова 1967 : 76, 85). З.И.Кузнецова, ориентируясь на другие списки и смысл конструкции, восстанавливает в данных случаях аблатив (*мезѡслысь, Христослысь*) (Кузнецова 1967 : 107, 115, 130, 133). Однако на основе употребления датива при глаголах отнимания в старославянском, древнерусском, а также в некоторых современных славянских языках, например, укр. *одним людям щасте береги, а другим даруеш* (см. Правдин 1956 : 52), датив в аблативной функции в памятниках письменности XVIII в., видимо, следует все же объяснить дословным

переводом со старославянского языка. На синхронном уровне использование датива со значением отчуждаемой принадлежности отмечается в читаевском говоре лузско-летского диалекта коми-зырянского языка в сфере усилительно-личных местоимений, которые функционируют параллельно с аблативными формами: кз. лл. *Менсьым быттор корё, а аслыс небось оз сет* 'У меня все просит, а своего небось не отдает'; *Босьтёмны, аслым эз и юавны* 'Взяли (что-то), меня самого и не спросили' (Жилина 1975 : 139).

Проявление датива при глаголах отнимания в древнерусском языке А.Б.Правдин (1956 : 52) связывает с дательным адресата предоставления, но не раскрывает процесс становления и семантические точки их соприкосновения. В действительности языковые элементы, вследствие асимметрии плана выражения и плана содержания, могут приобретать новые, вторичные функции, в том числе имеют место нейтрализация форм и использование языкового элемента в значении своего противочлена по парадигме (явление транспозиции) (Гак 1985 : 13-14). Однако вряд ли можно вывести значение отчуждения непосредственно из значения адресата. Представляется более реальным его образование на основе посессивного значения, которое могла реализовать дативная словоформа при прямом объекте в позиции с глаголами отчуждения. Показателен в этом отношении пример, рассматриваемый в работе А.С.Сидорова (1950 : 390): *Ставсётёдны вёлі колё: кёді бур да коді лёк, коді дядьлы юрсё вундіс, кодлы синсё перйис вок* 'Все нужно было знать: кто хорош и кто плох, кто у дяди (дяде) голову снял, у кого (кому) его брат выколол глаз'. В данном предложении словоформы *дядьлы, кодлы* могут иметь двоякую интерпретацию: как лицо, от которого отчуждается предмет и которому принадлежал отчуждаемый предмет. При этом вторая интерпретация легко выводится из значения адресата предназначенности. Поэтому процесс становления значения отчуждения можно представить как постепенное развитие значений: значение адресата предназначенности (А) → значение смежной принадлежности (→ собственной принадлежности) (Б) → значение отчуждаемой принадлежности (В). Отсюда употреблению языкового элемента в функции противочлена, видимо, предшествует семантическая нейтрализация: если А характеризуется знаком (+), В – (–), то признаком Б выступают (+–). Таким образом, значения Б и В, реализуемые в определенных позициях дативными формами усилительно-личных местоимений в лузско-летском диалекте коми языка, можно объяснить как следствие отдельных этапов проявления функциональной транспозиции.

2.13. Объект цели действия. Содержит указание на предмет или лицо, являющиеся объектом устремления, цели, достижения чего-либо. Значение проявляется в удмуртском языке, а также в большинстве южных говоров

коми-пермяцкого языка: удм. *Нюрмульылы* – нюрез колано, *мульылы* – киез *нярзытоно* ‘Клюкву собирать – по болоту бродить, орехи собирать – руки мозолить’ (УФ : 15); *Вазь ёукна ик мушьёс чечылы мыно* – нунал умой луоз (Владыкина : 295) ‘Пчелы с раннего утра улетают за взяткой – день хороший будет’; в.-и. *коросьвё кыкись ветви* ‘за веником два раза ходил’ (Баталова 1975 : 149). Функциональным соответствием в коми-зырянском и северных диалектах коми-пермяцкого языков является консекутив финальности. Возникновение значения цели связывается непосредственно с исходным значением.

2.14. Объект причины действия. Содержит указание на предмет, признак, действие, являющиеся причиной, основанием какого-то действия, состояния, признака. Значение реализуется в удмуртском языке и некоторых говорах коми-пермяцкого: удм. *Юамлы ымад уз шукке* ‘За вопрос по губам не ударят’; *Шонер верамлы кымысад уз шукке* ‘За правду по лбу не ударят’ (УФ : 93); *Таулэ, таулэ сюдэмлы-сектамлы* (Владыкина : 103) ‘Спасибо, спасибо за угощение’; кп. пукс. *сиа жарыслё гагыс сёйё* ‘из-за жары червь съедает’, в.-л. *не ётик пиян тишыглё* эз кул ‘ни один ребенок от голода не умер’ (Баталова 1975 : 147); кос.-кам. (Пор.) *дышыслё н’экыччё эз мун талун* ‘из-за лени никуда сегодня не прошел’ (Дмитриева 1998 : 84). В современном удмуртском языке датив причины выделяют также в сочетании с деепричастием *чидатэк* ‘не выдержав, не вытерпев’: *Лёк тёллы чидатэк, писнуос зол куашето, куд-огез соос музьемез зуркатыса пограло* ‘От сильного ветра (букв. ‘не выдержав сильному ветру’) шумят деревья, отдельные из них падают, потрясая землю’ (ГСУЯ I : 99). В удмуртских диалектах имеет место комплексное выражение причинности, которое заключается в осложнении дативной словоформы каузальным послелогом: кукм. *lusa* ‘из-за, ради’ (Кельмаков 1969 : 466), ср.-вост. *luisa* ‘из-за’ (Бушмакин 1971 : 159): *tened lusa* ‘из-за тебя’, *zorle lusa* ‘из-за дождя’ (Кельмаков 1969 : 473); удм. сред. *Амасэт чортоз йус’инэды понна, мил’ам чэбэрмы бордоз шулдырэзлы понна* (ОУР 2 : 27) ‘Петух запоем Ради печали-кручины, Наша красавица заплачет Ради [нашего] веселья’; *Амасэд чортоз шулдырлы понна. Вильмурт бордоз юсылы понна* (Владыкина : 165) ‘Петух запоем от радости. Молодушка плачет от горьких дум’. В коми-зырянском языке причинное значение датива законсервировалось в наречии *тишыглы* ‘с голоду, от голода’: кз. *А тэ нё кувны воин? А бурджык нин пулясыс, тишыглы дорыс* (Юшков I : 114) ‘А ты что умирать приехал? А лучше от пуль, чем от голода’.

2.15. Объект превращения. Содержит указание на предмет, во что превращается другой предмет. Значение проявляется только в удмуртском языке при глаголах со значением превращения, преобразования (*пёртмыны* ‘превратиться, образоваться’): удм. *Пеле шыпытэм но гырлы*

жуземлы пөрме ‘Сказанное шепотом иногда превращается в звон колокола’ (УФ : 142); *Вуз усем но – чабак чорыглы* пөрмем (Владыкина : 190) ‘И упал он [Кылдысин] в воду – превратился в рыбу-чебак’. В данной позиции в качестве синонимичной формы может употребляться также аккумулятив: удм. сев. *Ад’ами* пөрмиз *гондырмы* ‘В человека превратился наш медведь’ (ОУР : 90); *с’от пуны* луэм и *уйэ уг, уйэ ук со куё* пуныйэз ‘Превратился в черного пса и погнался ведь, погнался за той пестрой собакой’ (ОУР : 95); *Со урдлы шоры пельтэм но – лыэз кышиномурт* пөрмем (Владыкина : 197) ‘Он (Бог) дунул на это ребро, и оно в женщину превратилось [букв. ‘кость превратилась в женщину’]’. При глаголе *берктыны* употребляется иллатив: *паре берктыны* ‘превратить в пар’.

Соответствием в обоих коми языках выступает иллатив: кз. *Войясын пö пöртсьывлöма руд каньö да шор динö бесъяс ордö пир-бал вылö ветльывлöма...* (Рочев : 144) ‘По ночам, говорят, превращалась в серую кошку и к ручью на пир-бал к бесам ходила...’; кп. *Золотой борд берездасис юр вевдөрöттяс – нывкай пöртчис* (Оласö : 75) ‘Орел Золотое Крыло кувыркнулся через голову – в девушку превратился’.

Транслативное значение датива, видимо, возникло непосредственно из аллативного на основе семы прямой динамической направленности. Пункт направленности начинает выступать как результирующий предмет качественного изменения в процессе активно направленного действия.

2.16. Объект способа деления. Значение содержит указание на предмет, являющийся мерой, способом и целью деления, дробления, реализуется в удмуртском языке при глаголах с общей семой деления (*люкыны* ‘делить, разделить’, *пильыны* ‘колоть; пилить’ и т.п.): удм. сев. *гурт кык л’укэтыл л’укэмын вылэм...* ‘Деревня была разделена на две части...’ (ОУР : 158); *Соку ик соос векчи гуртъяслы люкиськиллям: Уё, Яголуд* (Владыкина : 235) ‘Тогда же они на более мелкие деревни разделились: Уё, Яголуд’; удм. сред. *кыкэти интызэс воштыку, ва’йкалаос л’укис’кил’л’ам кык гуртлы...* ‘Когда переселялись со второго места [жительства], предки разделились на две деревни...’ (ОУР 2 : 229).

В коми языках данному типу датива соответствует послеложная конструкция с *вылö* ‘на’ или *пельö* ‘на’: кз. *Челядь быдлаын ворслывлöны войнаысь. Юксьöны кык команда вылö: öттяс – гöрдъяс, а мöдъясыс рöмсö асьныс бöрйöны* (А.Некрасов) (МГЧ : 32) ‘Дети везде играют в войну. Делятся на две команды: одни – красные, а другие сами выбирают себе цвет’; кп. *бригада юксис кык группа вылö* ‘бригада разделилась на две группы’.

Представляется возможным связать образование указанной разновидности датива с предыдущим: деление предмета на части можно представить как его новое качество. Не исключаются и другие пути возникновения.

2.17. Объект меры стоимости. Содержит указание на предмет, являющийся мерой, количеством, определяющим границы другого предмета. Реализуется в удмуртском языке при глаголах, выражающих обменные отношения (*басьтыны* 'взять, купить'): удм. *Витьтон манет йырдуи ук ми тырим кенмылы* (Владыкина : 142) 'Пятьдесят рублей калыма мы за невесту уплатили'; *дас манетлы басьтыны* 'купить на десять рублей'. Соответствием в коми языках выступает послеложная конструкция с *вылӧ* 'на': кз. *шудтӧ сьӧм вылӧ он ньӧб* 'Счастье за деньги не купишь'; кп. *ви босьтны денга вылӧ* 'купить масло на деньги'.

2.18. Объект количественной разницы. Содержит указание на предмет, выражающий количественную разницу, степень превосходства или недостатка. Реализуется в удмуртском языке при глаголах, обозначающих повышение, ограничение, недостижение какой-нибудь нормы: удм. *Ньылдӧнэ потэм бере, вамыш одйг чиньылы вакчи луэ* 'После сорока (лет) шаг на один палец короче становится' (УФ : 53); *Табере етйи кык поллы будоно ке...* 'Если лен теперь увеличится в два раза...' (ГСUY I : 99), а также в конструкциях типа удм. *Ошйбказ вить копейкалы* 'Ошибка в пяти копейках', ср. кз. *вит шайт вылӧ сорсьыны* 'ошибиться на пять рублей'. Во всех пермских языках значение может выражаться и послеложными конструкциями: удм. *парк кык пол паськытаз* 'территория парка увеличилась вдвое'; кз. *кык пӧв унджык* 'в два раза больше, вдвое больше'.

2.19. Объект достижения. Содержит указание на предмет, на овладение которым активно направлено действие. Значение реализуется в удмуртском языке и образовано на основе семы динамической направленности: удм. *Марлы тиналысь дышид, соин ик нянь сйӧд* 'Чему в детстве научился, тем и хлеб будешь зарабатывать' (УФ : 22); *Дышетскытэк номырлы но уд дышы* 'Без учения ничему не научишься' (УФ : 136); *Шуг-секытэз ад зӧйтэк, визьлы уд дышы* 'Не познав трудностей, не образумишься (букв. уму не научишься)' (УФ : 144). Датив в указанном значении зафиксирован в древнекоми письменных памятниках: ...*лунтыр велӧтчйны веськыдлы тэнад* '... целый день учиться правде твоей', что З.И.Кузнецова объясняет дословным переводом с церковнославянского языка, ибо в современном коми языке глагол *велӧдчыны* 'учиться, научиться' управляет иллативом: *велӧдчыны грамотаӧ* 'научиться грамоте' (Кузнецова 1967 : 115, 133). Однако удмуртский материал, а также возможность употребления послелога *вылӧ* 'на' в значении объекта достижения: *бур вылӧ велӧдны* 'учить добру, учить уму-разуму', не исключают наличия данного типа датива в прапермском языке.

2.20. Значение ограничения качества, указывающее на сферу или область, по отношению к которым проявляется какой-либо признак. Значение проявляется при прилагательных на уровне предложения в удмуртском

ском языке: удм. *ко-т'марлы маст'ор вал* 'На все руки был мастер' (ОУР 2 : 258); л'укозы табэрэ, ой, ас'мэмыз *кыллы но устойэс* 'Разлучат теперь, ой, нас языкастые [острые на язык] люди' (ОУР 2 : 289); *Гольык но, кыллы лэчыт* 'Беден, да на язык остер' (УФ : 183). В коми языках данные отношения выражаются послелогом *вылӧ* 'на': кз. *Кыв вылас востер* 'Острый на язык'.

2.21. Объект отношения указывает на лицо (предмет), на которое направлена психологическая реакция субъекта, отражающая его отношение к предмету. Данное значение, являющееся модификацией значения адресата, проявляется: 1) при непереходных глаголах типа кз. *радлыны*, кп. *радмыны*, удм. *шумпотыны* 'радоваться', кз. *шензыны*, удм. *паймыны* 'удивиться', кз. кп. *эскыны*, удм. *оскыны* 'верить': кз. *Биторлы радлыштӧ туйвывса мудзӧм морт...* (Юхнин I : 145) 'Огоньку радуется уставший путник...'; кп. *Зонка эз верит аслас пеллезлӧ* (В.Климов) (Парма шы : 166) 'Мальчик не верил своим ушам'; *Завидуйті ме ӧні тиминсалӧ, топ ны весътын некӧр эз ӧшалӧ гым кымӧррез* (Федосеев II : 105) 'Теперь я завидовал тиминским, как будто над ними никогда не висели грозовые тучи'; удм. *Сютэм кион лылы но шумпотэ* 'Голодный волк и кости рад' (УФ : 40); *Пельыдлы эн оскы, оскы синмыдлы* 'Не верь ушам, верь глазам' (УФ : 142); 2) в конструкциях с безлично-предикативными словами типа кз. кп. *рад* 'рад', *нерад* 'не рад': кз. *Миянлы радӧсь лоаннӧд* (Юхнин I : 78) 'Нам рады будете'; *Шуи тадзтӧ и нерад лои шуӧмыслы* (Торопов II : 28) 'Сказал так и не рад стал сказанному'; кп. *Асылӧ быдыс рад* (А.Ермаков) (Парма шы : 400) 'Каждый рад утру'. В коми языках датив в данном значении проявляет синонимичные отношения с послелогом *вылӧ*: кп. [Катя] – *Кин, поди, и рад ӧння кадын тэнад места вылӧ?* (Федосеев I : 257) '– Кто-то, пожалуй, рад в наше время твоему месту (букв. на твое место)'; кз. *Йӧз муын рад и ас рака вылӧ* 'На чужбине рад и своей вороне'.

2.22. Субъект восприятия. Содержит указание на лицо, воспринимающее умственные или чувственные воображения, представления. Значение обнаруживает связь со значением адресата зрительного показа предмета, реализуется при глаголах с общей семой восприятия: кз. кп. *тыдавын*, удм. *ад-жиськыны* 'виднеться', кз. кп. *кывны*, удм. *кылӧськыны* 'слышаться, послышаться', а также при устойчивых словосочетаниях: кз. кп. *тӧд вылас усьны*, удм. *тодэ (тодаз) уськытыны* 'вспомниться, прийти на память', кз. кп. *вӧтӧ усьны* 'присниться', кз. *син улӧ усьны*, кп. *син вылӧ усьны*, удм. *син азе усьыны*, *син шоры йӧтыны* 'броситься в глаза': кз. ...*Питирымлы ӧні сьлӧн пыр сӧдзӧн овлысь чужӧмыс кажитчис жар лунӧ нетишпитӧм, лёсмунӧм дзоридз кодӧдн* (Торопов I : 59) 'Питириму теперь ее всегда чистое лицо казалось увядшим цветком, выдернутым в жаркий день'; *Кыкнаныслы тӧд вылас усьны праздник лунъяс* (Юхнин I : 86) 'Обоим

вспомнились праздничные дни'; кп. *Митиперыслö талун сизимись ни төд вылас усылсö войнабöрся годдэс* (Федосеев I : 196) 'Митиперу сегодня уже семь раз вспомнились послевоенные годы'; *Дималö төд вылас усис дядя Кузьмичлөн öтiк рассказ* (В.Баталов) (Парма шы : 147) 'Дима вспомнил один рассказ дяди Кузьмича'; удм. *йыгаськем куара кылйськиз кадь мыным* 'мне послышался стук'.

2.23. Субъект отношения. Содержит указание на лицо, получающее или имеющее те или иные впечатления, мнение, оценку, состояние от восприятия предмета, соприкосновения с ним. Значение проявляется: 1) при глаголах отношения во всех пермских языках (кз. кп. *гленитчыны*, 'нравиться, понравиться', кз. *мусмыны* 'понравиться, полюбовиться', кз. кп. *туйны* 'годиться, подойти', удм. *яраны* 'понравиться; пригодиться'; удм. *кельшыны* 'нравиться; подходить'): кз. *Некодлы вöрпункткодяс абу мусмöма сйö [лучкöвöй пила]* (Юшков III : 152) 'Во всем лесопункте никому она [лучковая пила] не понравилась'; кп. *Пициальыс Степаныслö бытьтö гленитчис* (Федосеев II : 59) 'Ружье Степану как будто понравилось'; удм. сев. срчеп. *кышнойэзль но, рoди'аосэзль но инты йарам* 'И его жене, и родственникам это место понравилось' (Кельмаков 1998 : 177); удм. сред. *котыр инты со ад'амиослы укыр кэл'шэм* 'Окрестности очень понравились тем людям' (ОУР 2 : 179); 2) при прилагательных и причастиях, выступающих в роли определения или же предикатива: кз. *Мортлы и зверь-пöткалы ёна муса сйö...* (Торопов II : 98) 'Человеку и лесным зверям, птицам он очень мил...'; ...*кодi налы, бать-мамлы вöли шогмана* (Юхнин II : 32) '...кто им, родителям, был пригоден'; удм. *Асьме туган асьмелы мусо, ятьёслы мусо уз лу* 'Наши родственники нам, а не чужим милы' (УФ : 110).

2.24. Значение демиактивного лица, указывающее на лицо, состояние или действие которого представляются как вызванные внешними обстоятельствами, влиянием извне. Значение связано со значением адресата в широком смысле слова. Выделяется несколько разновидностей:

2.24.1. Субъект дебитивного действия обозначает лицо, которое должно / не должно совершить действие или же нуждается / не нуждается в каком-то предмете, действии. Значение реализуется: 1) при модальных глаголах и словах со значением долженствования, необходимости: кз. кп. *ковны* 'требоваться, понадобится, быть нужным', кз. кп. *лоны* 'придется', удм. *кулэ* 'надо, необходимо, нужно': кз. *Мый ещö зонмыдлы колö?* (Куратова : 82) 'Что еще парню надо?'; кз. *Мир туйлөн тайö юкөн вöсна Тималы лои ёна жуглыны юрсö* (Пгор : 160) 'За этот участок дороги Тиме пришлось немало поломать голову'; кп. *А Митиперыслö отирыскöт колö пантасьны быд лун* (Федосеев I : 207) 'А Миките с народом надо встречаться каждый день'; Но *Таусьялö медодз колis адззыны мамсö да кöть öтпырысь дзар*

керьшитны аслас ыб вылө (Фадеев : 19); удм. *Тэк лукисьлы юрттэт кулэ зу луы* 'Сидящему без дела помощь не нужна' (УФ : 36); *Малы адямилы вань ултояз кур адзыны но пумаз кулыны кулэ – пересыёс тазыы дышетто* (Владыкина : 191) 'Отчего человеку всю жизнь страдать и умереть суждено – старики об этом так рассказывают'; *эмъяськыны кулэ* 'ему надо лечиться'. В печорском, верхневычегодском, верхнесольском диалектах коми-зырянского языка датив встречается также при модальных словах *должен, обязан*: печ. *Бригадирлы должен тодны уджсё* 'Бригадир должен знать свою работу' (ПД : 25); иж. *Иван царевичлы волины од'д'эн'н' ин мэ ордам должен* 'Иван царевич вскоре должен побывать у меня' (ИД : 47); 2) в инфинитивных предложениях со значением долженствования, необходимости: кз. *Тэныд, пöжалуй, нинöмла тöдны асьыд вынтö* (Юхнин I : 21) 'Тебе, пожалуй, незачем знать свою силу'; удм. *окопö тати орчыны кылдэм арлыдо пиосмуртлы* 'Однажды довелось проходить здесь пожилому мужчине' (ОУР 2 : 139); 3) при словах временной характеристики типа кз. кп. *кад*, удм. *дыр* 'время', выступающих в сочетании с инфинитивом или без него в роли предикатива: кз. ...*кад нин поводдялы вежсьыны. Кад нин усьны лымлы* (Юхнин I : 120) '... уже пора погоде перемениться. Пора уже выпасть снегу'; Но, – *шуас*, – *любезной көзяин, пöра нин тэныд гортö* (КМС : 84) 'Ну, говорит, любезный хозяин, пора уже тебе домой'; кп. *Öмельö банясь локтан кад ни сибалö* (Оласö : 145) 'Пора Емеле уже с бани возвращаться'; удм. *мил'эмлы кошкын врэ'ма вуиз – родной мамилэс' ук чы'скы* 'Нам пора настала отправляться [в путь] – С родимой матушкой не могу расстаться' (ОУР 2 : 276); 4) в конструкциях с глаголом повелительного наклонения 2 л. ед.ч., выступающих с оттенком необходимости в коми языках: кз. *А ай сюзлы öнi кыкöс нин верд, и джэньыд югыд войыс сöмын сылön* (Юшков II : 7) 'А сове (самцу) теперь уже двоих корми, и короткая, светлая ночь теперь только его'. Ср., удм. *Ыгы табере кыксэ сюд* 'Сове (букв. сова) теперь двоих корми'; 5) в конструкциях с безличными глаголами в форме на -но, выражающими необходимость действия, в удмуртском языке: *дышетсконо* 'необходимо учиться', *ужано* 'надо работать': удм. *Куддыр душеслы но курег сюры вылэ пуксёно луэ* 'Иногда и ястребу на куриный насест сесть приходится' (УФ : 38); *Танялы ваньмаз вутсконо, ваньзэ лыдэ басьтоно* 'Тане надо всюду поспеть, все учесть' (ГСУЯ I : 99).

2.24.2. Субъект потенциального действия. Содержит указание на лицо, которое является носителем, исполнителем потенциального действия, обусловленного объективными внешними условиями. Значение реализуется: 1) в конструкциях с модальным глаголом кз. кп. *позьны* 'можно, быть возможным': кз. *Миянлы танi дыр овны оз позь* (Юхнин I : 169) 'Нам здесь долго жить нельзя'. В сочетании с инфинитивом указанную модаль-

ность могут реализовать также глаголы кз. кп. *шогмыны* ‘годиться, можно’, кз. кп. *лõсявны* ‘годиться, подходить’, удм. *тупаны* ‘подходить, случаться’, кз. кп. *удайтчыны*, удм. *удалтыны* ‘удаваться, быть удачным’: кз. *Но доктор надейтчис век жõ, мый сылы удайтчас спаситны сойсõ* (Юхнин I : 153) ‘Но доктор все же надеялся, что ему удастся спасти его руку’; удм. *кызьы удалтйз тййледлы сое озьы лэсьтыны?* ‘как вам удалось это сделать?’; *мыным сое аджыны õз тупа* ‘мне не случилось его видеть’;

2) в инфинитивных конструкциях с потенциальной модальностью: кз. *Он-õ вермõ висътавны, кыдзи меным колхозõ пырны* (Юхнин II : 124) ‘Не сможете ли вы сказать, как мне (можно) вступить колхоз’; *Кõма йõзлы не пырны. Сõмын кõмтõм кокаяслы* (Юхнин I : 8) ‘Обутым нельзя войти. Только (можно) босоногим’; кп. *Не овны бы бандитыслõ пыр вõрас, но вõлисõ отир, кõдна пыициалисьõ жалейтисõ* (Федосеев II : 73) ‘Не жить бы бандиту в лесу, но были люди, которые жалели беглеца’; удм. *Кызьы мынам пиелы университетъ дышетскыны пырыны?* ‘Как моему сыну поступить в университет?’;

3) в инфинитивных конструкциях, в структуру которых входят адвербиальные местоимения (кз. кп. *некытõн*, удм. *нокытын* ‘негде’, кз. кп. *некытчõ*, удм. *нокытчы* ‘некуда’, кз. *некытысь*, кп. *некытись*, удм. *нокытысь* ‘неоткуда’, кз. *некор*, кп. *некõр*, удм. *поку* ‘некогда’ и др.), отрицающие возможность осуществления действия из-за отсутствия места, времени, цели, причины или объекта действия: кз. *Вералы вошитысьны некытчõ* (Юхнин I : 56) ‘Вере деться некуда’; *Сар нывлы вõчны нинõм* (КМС : 50) ‘Царской дочери делать нечего’; кп. *Дзодзоглõ вошитысьны вõли некытчõ* (Баталов : 198) ‘Гусю деваться было некуда’; *Бригадирыслõ эстõн нем лоис керны* (Федосеев II : 204) ‘Бригадиру здесь нечего стало делать’; удм. *солы нокытчы кариськыны, пырыны* ‘ему некуда деться’;

4) при деепричастиях меры и степени действия, образованных с помощью суффикса кз. *-мõн*, удм. *-мон*: кз. ... *ковмис босьтны чер да увтйыс керавны пыжлы тõрмõн розь* (Торопов II : 90) ‘...пришлось взять топор и подрубить снизу дыру, чтоб смогла пройти лодка’, ... *а вежõрыс сõмын курõглы кокыштимõн* (Юхнин I : 36) ‘... а ума-то столько, сколько может курица клонуть’; удм. *корка калыклы улымон* ‘дом, в котором можно жить людям’.

2.24.3. Субъект произвольного состояния, действия. Значение реализуются: 1) при возвратных глаголах с суффиксами кз. кп. *-сь*, удм. *-ськ*, выражающими произвольные, неуправляемые действия, совершающиеся вопреки воле и желанию субъекта: кз. *Ок и уджавсьõ том мортыдлы татийõм лунад!* (И.Торопов) (ВК 1983, 8 : 21) ‘Ох и работается молодому человеку в такой день!’; *А Ильялы прõста эз эскысьы, мый докторла мунис буретии Вера* (Юхнин I : 150) ‘А Илье просто не верилось, что за доктором

поехала именно Вера'; кп. *Дималё думайтсис*, что быд тылён пидёссэс пыр овлёны небытось, зыбунаёсь (В.Баталов) (Парма шы : 150) 'Диме думалось, что дно всех озер всегда мягкое, зыбкое'; удм. *Жытазе солы жеч ужаське* 'По вечерам ему хорошо работается';

2) при глаголах пассивного состояния (кз. кп. *сюрны*, удм. *сюрныны* 'попасться, попасть, найтись, отыскаться', кз. кп. *шедны*, удм. *шедьныны* 'попасть, попасться, найтись', кз. *паныдасьны*, кп. *пантасьны*, удм. *пумиськыны* 'встретиться, повстречаться', удм. *йётныны* 'попасть, достаться', кз. кп. *дёнзыныны* 'доставаться, достаться'): кз. *Сэся энькайд меным шань веськаліс* (Юшков I : 13) 'Потом свекровь мне добрая досталась'; *Сэк не сёмын няньыс, но и став вёлыс мияны сюрё* (Пыстин : 19) 'Тогда не только хлеб, но и все кони нам достанутся'; кп. *Делянкаё мунтён, тракторлё пантасисё уджаліссес* (Федосеев I : 83) 'Едя на делянку, трактору навстречу попались рабочие'; удм. *Синтэм атаслы көжы сюрем* 'Слепому петуху горошина попалась' (УФ : 40); *Вож пиналлы сюресвожсьёс трос пумиськозы ай* 'Новорожденному впереди еще много перекрестков встретятся' (УФ : 43);

3) при безлично-предикативных словах, обозначающих внутреннее и внешнее состояния (кз. кп. *гажтём* 'скучно, тоскливо', кз. *кокни*, кп. *кокнит*, удм. *капчи* 'легко', кз. кп. *яндзим*, удм. *возьыт* 'стыдно', кз. *көдзыд*, кп. *көдзыт*, удм. *кезьыт* 'холодно', кз. *сёкыд*, кп. *сёкыт*, удм. *секыт* 'тяжело' и т.п.): кз. *Сёкыд и гажтём Мишкалы...* (Юхнин I : 126) 'Тяжело и грустно Мишке...'; *Галина Сергеевналы быттьё көдзыд лолі* (Куратова : 72) 'Галине Сергеевне как будто холодно стало'; кп. – *Одз эшё сылё кисьынытё*, – *бригадирыслё лоис недолыт* (Федосеев II : 198) '– Рано еще ему наливать-то, – бригадиру стало невесело'; *Эшё гажтёмжык лоис Ярашколё* (В.Климов) (Парма шы : 204) 'Еще скучнее стало Ярашке'; удм. *сред. Солы вёс'луэм ...* 'Ему стало больно...' (ОУР 2 : 141); удм. *...осютэм пинальёслы секытгес луис тупалась бадъым салазкиен пу нуллыны* (Яшина : 84) '...голодным детям было нелегко тянуть большие салазки с дровами'; *Пересь муртлы гур вылын шулдыр* 'Старому человеку на печи хорошо' (УФ : 50); *Чорыглы вуын капчи, тёллы* – *кырын* 'Рыбе легко в воде, ветру – в поле' (УФ : 68);

4) при безлично-предикативных словах с инфинитивом: кз. *Уджавны сылы дыли* (Пыстин : 16) 'Работать ему лень'; *Ильялы вёлі вывті сёкыд терпитны* (Юхнин I : 153) 'Илье было очень тяжело терпеть'; кп. *Одзза сьёрті сёкыт лоис бригадирыслё уджавны* (Федосеев II : 196) 'Бригадиру стало работать труднее, чем прежде'; *Челядёлё оддьён охота вёлі адззыны Афанасий дедлісь избушка* (В.Баталов) (Парма шы : 151) 'Детям очень хотелось увидеть избушку деда Афанасия'; удм. *тубат кузя тубаны солы секыт* 'ему тяжело подниматься по лестнице';

5) при количественных словах для выражения возраста субъекта: кз. *Иванлы лон дас көкъямыс ар, Аннaлы – дас квайт* (КМС : 108) 'Ивану исполнилось восемнадцать лет, Анне – шестнадцать'; *Верaлы сэки вöли куим арöс* (Юхнин I : 19) 'Вере тогда было три года'; кп. *Тошкялём тшöкaыс да кузь юрсиыс пöрисьтисö сйö: тöдтöм морт пуктис бы сылö сорокся не етиажсык, көр мужикытлö вöлись тридцать* (В.Климов) (Парма шы : 185) 'Небритое лицо и длинные волосы старили его: незнакомый человек дал бы ему не меньше сорока, когда мужику-то всего тридцать'; удм. *Самой покчи сузэрмылы куинь арес гинэ вал* (Яшина : 75) 'Самой маленькой нашей сестре было три года';

6) при безличных глаголах со значением внутреннего состояния (кз. *дышöдны*, удм. *акыльтыны* 'надоесть', кз. *кокньöдны*, кп. *кокньöтны*, удм. *капчиятыны* 'облегчать'): кз. *Сылы неуна кокньöдис* 'Ему немного стало легче', нв. *Меным дышöдис нин* 'Мне уже надоело'; удм. *солы ваньмыз акыльтиз ини* 'ему все уже надоело'. Во всех пермских языках при безличных глаголах, обозначающих различные процессы и ощущения в организме, употребляется аккузатив: кз. кп. *менö кынтö*; удм. *монэ куалекъятэ* 'меня знобит'; кз. *менö дышöдис*; кп. *менö дыли босьтис* 'мне надоело';

7) при деепричастиях на *-тöг*, указывающих на отсутствие дополнительного действия: кз. *Тöдöмысь, ловъя мортлөн öшыбкаяс лоны вермасны, да весиг мортислы тöдтöг* (Юхнин II : 164) 'По-видимому, у живого человека ошибки могут быть и даже тогда, когда человек сам этого не знает'; *А, нолтö, Денис пи, ачыд сэтчö пыравлы көмтöгыс, – шыасис сйö ставлы виччысьтöг* (Юхнин I : 8) 'А ну-ка, сын Дениса, сам туда зайди без обуви, – заговорил он всем неожиданно'.

4.3. *Генезис и типология значений.* Рассмотрение семантико-синтаксических функций датива показало, что в отличие от других *I*-овых падежей он реализует широкий спектр значений во всех пермских языках. Однако, как и в случае аблатива, отмечается различие в семантическом объеме: коми датив по количеству выражаемых значений значительно уступает удмуртскому. Ряд функций удмуртского датива в коми языках выражается послеложными конструкциями (значения времени, цели, способа деления, меры стоимости, количественной разницы, ограничения качества, предназначения предмета), иллативом (объект превращения, достижения) или же консекутивом (объект цели, причины действия). В зависимости от этого на общепермском фоне выделяется несколько типов функциональных корреляций: датив – иллатив; датив – иллатив – послеложная конструкция; датив – консекутив. Синонимичные отношения проявляют лативные (в синхронии и диахронии) падежи и послелогические с лативной семантикой. В отличие от аблатива, ареал использования грамматических средств ограничивается отдельными языками: датив – удмуртский язык; иллатив

и послеложная конструкция – коми языки. В коми языках при выражении ряда функций отмечается параллельное использование нескольких грамматических средств (объект соприкосновения, предназначения). Выбор средства зависит от лексико-грамматической характеристики референта: при одушевленном референте – датив, неодушевленном – послелог, иллатив. Подобное ограничение дистрибуции датива в удмуртском языке отсутствует.

Отличия в семантической структуре и дистрибуции коми и удмуртского дативов свидетельствуют об окончательном формировании падежа самостоятельно в каждом из языков и предполагают два альтернативных объяснения: 1) прапермский датив мог иметь семантическую структуру, подобно удмуртскому; некоторые из значений утратились в коми языке, а в удмуртском сохранились; 2) прапермский датив мог иметь более узкий семантический диапазон, в удмуртском языке он расширил объем значений. Датив напоминает развитие аблатива в пределах группы, обнаруживая распределение функций, в зависимости от характера (одушевленный / неодушевленный) референта. Семантическое отличие датива коми языков от удмуртского составляют именно те значения, которые проявляются в контаминации с неодушевленными существительными. Если датив коми языков реализует свои значения преимущественно при контаминации с одушевленными существительными или же при персонификации, то удмуртский датив не проявляет дистрибутивных ограничений. Общепермскими функциями в синхронии являются значения объекта сопоставления, соприкосновения, адресата в широком смысле, предназначения, отношения, заинтересованного лица, смежной принадлежности, а также различные субъектные значения. На основе сохранения отдельных функций в сфере наречий, послелогов, в текстах древнекоми письменности, диалектах коми-пермяцкого языка с определенной долей уверенности можно констатировать наличие в праязыке значений времени, причины, цели, объекта овладения. Прапермский датив еще не отличался дистрибутивной избирательностью, о чем свидетельствует его современное состояние в удмуртском языке. Поэтому не исключается также реализация им значения предмета, которому предназначается другой предмет, подобно удм. *пальтолы материал* 'материал для пальто'. Некоторые из этих функций (значения цели, причины, мотива действия, значение времени действия), проявляющиеся в синхронии только в удмуртском языке, И.В.Тараканов объясняет влиянием татарского языка (Тараканов 1990 : 180). Однако представляется, что благодаря татарскому языку удмуртский датив сохранил эти прапермские функции. Большинство значений, составляющие семантическое отличие коми и удмуртского датива, в коми языке выражаются послелогом *вылӧ* 'на', только значение

объекта превращения – иллативом. Последнее значение в удмуртском языке могут реализовать также аккузатив и иллатив. Общепермским и первичным средством выражения данных отношений является иллатив, удмуртский датив в данной позиции вторичен. Возникновение послелогов относится к прапермскому периоду, поэтому в случае функционального соответствия датив – послелог *вылӧ* можно предположить первичность датива. В прапермский период датив реализовал относительно широкий круг вторичных функций, о чем свидетельствует общность большинства его значений в современных пермских языках. Подобно аблативу, он проявлял функциональную синонимию с другими грамматическими средствами, имеющими примерно идентичное содержание. Позднее, вследствие неравномерности развития и в силу определенных внутриязыковых закономерностей, датив в выражении отдельных отношений утверждается только в одном из родственных языков.

Чтобы лучше понять процесс развития семантики пермского датива, рассмотрим его функциональные соответствия в дальнеродственных и неродственных языках. Дативная функция в большинстве падежных языков реализуется в категориальной форме падежа, исторически относящейся к группе лативных падежей, независимо от источника формального показателя. Первичное локальное значение хорошо сохранилось в прибалтийско-финских языках, где проявляется в различных модификациях (Паюсалу 1958 : 8-13). В других финно-угорских языках отмечается его значительное сокращение до факультативного и диалектного употребления, вплоть до полного исчезновения, в результате чего происходят смена общей функционально-семантической характеристики данного падежа и его переход в другую семантическую группу. В этом плане показательно образование не только пермского датива, но и идентичного падежа в марийском, мордовских, венгерском языках (Коведяева 1978 : 139; Цыганкин 1977 : 132; Ермушкин 1978 : 186; Майтинская 1955б : 132). С аллативом прибалтийско-финских языков функционально сближается аллатив–датив самодийских и тюркских языков. Дательный направительный самодийских языков может выступать в иллативном, аллативном, терминативном и директивном значениях (Беккер 1978 : 71-75). В тюркских языках отмечается наличие направительного дательного, а также параллельное употребление дательного и исходного или местного падежей (Решетова 1982 : 91-92). Пространственное значение русского датива в настоящее время проявляется только в предложном употреблении (Шелякин 1983 : 44-48), тогда как древнерусскому и старославянскому языкам был еще известен беспредложный направительный дательный (Ломтев 1956 : 233-236).

Таким образом, характер пространственного значения датива–аллатива во всех рассмотренных языках более или менее идентичен, модификации объясняются контекстными условиями, семантикой позиционного глагола и самой словоформы. Поэтому можно допустить, что исторически первичным пространственным значением во всех случаях выступало значение направленного действия, которое теоретически должно было выработать относительно идентичный тип отношений, систему семантических признаков и предопределить, соответственно, развитие определенных вторичных значений. Этим объясняется типологический характер некоторых из вторичных значений (см. табл. 7 : ГСУЯ I : 98-100; Перевошиков 1980 : 44-48; СМЯ : 64-66; Галкин 1964 : 41-43; Коведяева 1978 : 142-147; Учаев 1982 : 64-68; ГМЯ : 163-164; Цыганкин 1977 : 132-133; Паюсалу 1958 : 12-18; Зайцева Н. 1981 : 184-185; Майтинская 1955б : 130-132; 1960 : 81, 186-191; Беккер 1978 : 76-86; Терещенко 1973 : 253; Правдин 1956; Дмитриев 1948 : 239-241; Решетова 1982 : 91-102; Räsänen 1972 : 327-344). В синхронии общими для всех рассмотренных языков являются значения адресата передачи, зрительного показа, предназначения, отношения, в диахронии – значение времени, которое в синхронии проявляется в пермских, мордовских, марийском, самодийских, тюркских языках. На основе наличия данного значения в вепсском языке (вепс. *miniñ tarbiž ehttää radole ühesale časule* ‘Мне надо успеть на работу к девяти часам’ (Зайцева Н. 1981 : 122) и в диалектах финского языка фин. диал. *iltanen siihen yheksännelle tunni-lle^m meni* (Räsänen 1972 : 343) ‘ужин продлился потом до девяти часов’) не исключается его реализация в прибалтийско-финском праязыке. Большинство функций датива-аллатива характеризуется неполной универсалией в пределах дальне- и близкородственных языков, что, видимо, зависит от наличия других грамматических средств, вступающих в конкуренцию с дативом-аллативом. Функциональным соответствием пермскому дативу выступают исторически лативные и нелативные падежи. Лативными падежами выражаются значения цели и причины действия, объекта превращения (в прибалтийско-финских, мордовских, венгерском, мансийском языках – транслатив), цели, способа деления (в прибалтийско-финских языках – транслатив, мордовских – иллатив), частично объекта достижения (в мордовских – иллатив, венгерском – сублатив). Представляется, что эти значения развились на основе семантической структуры лативных падежей и в некотором отношении являются типологическими для них, вне зависимости от характера ориентирующей семы основного значения падежа. Среди нелативных падежей функциональным соответствием дативу могут выступать адессив (значение демиактивного лица, меры стоимости в

Функциональные соответствия пермскому дагиву

Значения	Языки	Пермские		Марийский	Мордовский	Прибалтийско-финские			Венг.	Сам. Сельк.	Рус.	Тюрк.
		кз.	удм.			эст.	фин.	вепс.				
Граница времени		Post	Dat	Dat	Dat	Trans	—	All	—	Lat	Pr	Lat
Промежуток времени		Post	Dat	Dat	—	Trans	All	All	—	—	Pr	—
Объект сопоставления		Dat	Dat	—	—	—	—	—	—	Lat	Dat	Lat
Объект соприкосновения		Dat	Dat	—	—	—	All	All	—	—	Pr	—
Адресат передачи		Dat	Dat	Dat	Dat	All	All	All	Dat	Lat	Dat	Lat
Адресат зрительного показа		Dat	Dat	Dat	Dat	All	All	All	Dat	Lat	Dat	—
Адресат казулируемого действия		Dat	Dat	Dat	Dat	Par	Par	All	—	Lat	Dat	Lat
Адресат со-пронводения		Dat	Dat	Dat	Dat	Par	Par	All	—	—	Dat	—
Объект предназначения		Dat Post	Dat	Dat Lat	Dat Trans	All Trans	All	All Trans	—	Lat	Dat	Lat
Зантересованное лицо		Dat	Dat	Dat	—	—	—	—	—	—	Dat	—
Смежная принадлежность		Dat	Dat	Dat	—	All	All	All	—	—	Dat	—
Собственная принадлежность		Gen Dat	Gen	Gen	Gen	Gen	Gen	Gen	Dat	—	Gen	—
Отчуждаемая принадлежность		Abl Dat	Abl	Abl Post	Post	Abl	Abl	All	—	—	Pr	—
Цель действия		Kons	Dat	Dat	III Kaus	III	III	III	—	Lat	Pr	Lat
Причина		Kons El	Dat	Dat	Kaus	—	III	III	—	Lat	Pr	Lat

Значения	Языки	Пермские		Марийский	Мордовский	Прибалтийско-финские			Сам. Сельк.	Рус.	Тюрк.
		кз.	удм.			эст.	фин.	вепс.			
Объект превращения		III	Dat	Lat	Trans	III	Trans	Trans	—	Pr	—
Цель, способ деления		Post	Dat	Dat	—	—	III Trans	—	Lat	Pr	—
Мера стоймости		Post	Dat	Dat Adv	—	—	Trans	All	Lat	Pr	Lat
Количественная разниця		Post	Dat	Dat	—	Post	—	—	—	Pr	—
Ограничение качества		Post	Dat	Dat	Prl	All	Par	All	—	Pr	—
Объект достижения		III	Dat	Dat	III	—	Par	—	—	Dat	—
Объект отношения		Dat	Dat	Dat	Dat	All Par	III Ell	All	—	Dat	—
Субъект восприятия		Dat	Dat	Dat	Dat	All	Par	All	—	Dat	—
Субъект отношения		Dat	Dat	Dat	Dat	All	Par All	All	—	Dat	—
Субъект дебитивного действия		Dat	Dat	Dat	Dat	Ad	Gen	All	—	Dat	Lat
Субъект потенциального действия		Dat	Dat	Dat	Dat	Ad	Gen	All	—	Dat	Lat
Субъект непроизвольного состояния		Dat	Dat	Dat	Dat	Ad	Ad Par	All	—	Dat	Lat

Примечание. Abl – аблатив, Ad – адессив, Adv – адвербиаль, Akk – аккузатив, All – аллатив, Gen – генитив, Dat – датив, El – элатив, III – иллатив, Kaus – каузатив, Kons – консекүтив, Lat – латив, Par – паритив, Post – послелог, Pr – предложная конструкция, Prl – пролатив, Trans – транслатив, (–) – соответствие не установлено.

прибалтийско-финских языках), партитив (исторически аблатив) (значения адресата каузируемого действия, адресата содействия / противодействия, объект достижения в прибалтийско-финских языках), аккумулятив (адресата содействия / противодействия в самодийских языках), дативный генитив. Некоторые значения датива, имеющие в родственных языках функциональные соответствия нелативного характера, исследователи объясняют влиянием индоевропейских языков (Паюсалу 1958 : 18; Зайцева Н. 1981 : 121; Коведяева 1978 : 146; Алвре 1986 : 156). Характерным для финно-угорских языков и первичным средством выражения значения демиактивного лица считается адессив. Однако Г.Стипа отмечает самобытность субъектного датива в финно-угорских языках при инфинитивах (Stipa 1960 : 162-166). Подобного мнения придерживается также Э.Адлер (Adler 1980 : 165), хотя в конструкциях типа вод. *millô piäb mennä* 'ich muss gehen' она предусматривает русское влияние. Выражение значения демиактивного лица дативом тюркских языков (Дмитриев 1948 : 240), а также дативным генитивом в финском и водском языках (ГФЯ : 77; Ariste 1948 : 23; Adler 1980) может послужить некоторым подтверждением самостоятельного развития значения демиактивного лица дативом финно-угорских языков. Характерным для финно-угорских языков средством выражения значений адресата каузируемого действия, адресата содействия / противодействия считается аккумулятив, более того, П. Алвре допускает возможность рассматривать его как особенность, восходящую к уральскому праязыку (Алвре 1986 : 156). Если принять во внимание близость значений глаголов речи и волеизъявления, передачи и со- / противодействия, то вполне вероятно, что возникновение всех этих значений датива связано с внутренними языковыми закономерностями, обусловлено системой определенного языка. Русский язык выступает в ряде случаев, скорее всего, стимулятором проявления внутренних семантических потенций датива финно-угорских языков. Употребление разных падежей для выражения идентичных отношений может объясняться также различным подходом осмысления их содержания носителями языка (например, выражение значения адресата каузируемого действия в диалектах коми-зырянского языка – дативом – комитативом – инструменталем). Возможно, что это имеет место при выражении значений меры стоимости, объекта достижения и других значений датива, встречающихся лишь в некоторых финно-угорских языках. В отдельных случаях вторичные значения датива не обнаруживают непосредственной связи с исходным значением, например, значения собственной и отчуждаемой принадлежности, что является следствием последовательных функциональных транспозиций.

На фоне общей картины функциональных сопоставлений (табл. 7) удмуртский датив обнаруживает большее сходство с дативом марийского языка, как и в случае аблатива, что может быть результатом более позднего параллельного (конвергентного) развития данных языков. Семантическая структура датива коми языков ближе к дативу мордовских и аллативу прибалтийско-финских языков, а также к дативу русского языка. В каждом из указанных языков функции, составляющие семантическое отличие коми и удмуртского датива, выражаются другими грамматическими средствами: в мордовских и прибалтийско-финских языках – в основном иллативом, русском языке – предлогом *на*, функционально соответствующим коми послелогу *вылӧ*.

5. Семантическая структура аппроксиматива

5.1. *Из истории изучения семантики падежа*. При описании семантики аппроксиматива обычно указываются только его локальное направительное (Савванитов 1849 : 107; СКЯ I : 145; Gabelentz 1848 : 120), реже также временное (ГСУЯ I : 111; Бубрих 1949 : 51) и сравнительное (КПЯ : 191-192) значения. Относительно полно раскрыл семантическую структуру аппроксиматива А.С.Сидоров (1950 : 502-506), который выявил большинство функций аппроксиматива и, несмотря на смешение принципов классификации, определил взаимосвязь отдельных значений, что показывает их дескрипция со слова “направительный”.

5.2. *Семантическая структура падежа*. В пермских языках аппроксиматив функционирует как пространственный падеж, сохраняя свое первичное значение.

1. Пространственные значения. Исходным значением аппроксиматива следует считать значение объекта направленного действия, движения, которое в различных модификациях реализуется в настоящее время во всех пермских языках и по частотности употребления превалирует над значениями вторичного происхождения. Значение аппроксиматива не предусматривает достижения границ предмета, тем более вхождения во внутренние пределы. В значении ориентира, необязательной цели движения проявляется сема неконтактности, несопространственности, что отличает аппроксиматив от исходного пространственного значения датива и послеложных конструкций с кз. кп. *дорӧ*, кз. *dinӧ*, кп. *дынӧ*, удм. *дуре* ‘к’. Сема несопространственности во вторичных значениях проявляется как приблизительность.

Пространственное значение аппроксиматива содержит следующие разновидности:

1.1. Указание на предмет, в сторону которого направлены движение, действие. Реализуется преимущественно в позиции при глаголах движе-

ния, в том числе уточняющих темп, способ, направление движения, изменения положения в пространстве, а также при глаголах жеста, речи, зрительного и слухового восприятия: кз. *Виктор ӧвтыиштіс Митинлань* *киӧн: ланьт нин пӧ* (Рочев : 59) 'Виктор махнул в сторону Митина рукой: мол, замолчи уже'; Сэсся чеччыиштіс вӧв выӧ и гӧнтіс *пӧжарлань* (Юхнин II : 137) 'Потом он вскочил на коня и поскакал в сторону пожара'; кп. *Женяыс лӧдзчис сеялка выӧсь да иньдӧтчис межалань* (Федосеев II : 261) 'Женя спустился с сеялки и направился к меже'; *Митрейӧн кias литовка и везйӧ-мунӧ кузь шагӧн гортланьяс* (Федосеев II : 75) 'Митрей с литовкой в руках большими шагами идет в сторону дома'; удм. *Корка ведун мурт пыриз ке, пурт эз йырыныз коркалань понйськод ке, ведун мурт потыны уг быгаты* (Владыкина : 241) 'Если в дом заходит колдун, нужно нож повернуть кончиком [от двери] по направлению к комнате, тогда колдун не сможет выйти'; ср.-чеп. (Шоб.) *Munčije pirem bere, ven'kses munčijaz zirtili-zj, kudlan', pe, nįdįz us'oz: čerklan' – ad'ami kuloz, sadlan' – uloz* 'После того, как заходили в баню, веник кидали в бане, [чтобы узнать] по направлению к чему его ручка упадет: по направлению к церкви – человек умрет, [значит], по направлению к саду – [человек] будет жить' (Карпова 1997 : 89).

Присубстантивная позиция характеризуется в основном: 1) отглагольными существительными: кз. *Сикт кузя гортлань* *веськӧдчӧм бӧрын нин кодкӧ горӧдіс мыш вывсянь* (Изыуров : 32) 'Уже после того, как направился по селу в сторону дома, кто-то крикнул из-за спины'; 2) существительными, обозначающими различные виды транспорта, определенный путь движения: кз. *Сыктывкарлань* *автобус лӧб сӧмын вит час рытын* 'Автобус в сторону Сыктывкара будет только в пять часов вечера'; кз. ... *Хрустальной Замоклань туйсӧ налысь бара потишис неважӧн на пӧрӧм коз* (Торопов II : 90) '... дорогу (ведущую) в сторону Хрустального Замка опять преградила им еще недавно свалившаяся ель'.

1.2. Указание на предмет пространственной направленности с относительным достижением его границ. Значение проявляется при однонаправленных глаголах движения результативного, кратковременного характера, а также начинательного способа движения, в некотором отношении предполагающих предельность движения, преимущественно в условиях среднего (предложения) и максимального (текста) контекстов. Например, кз. *И кутіс кывтны гортӧ. И воис гортлань, берегӧ sibӧдчис* (КМС : 62) 'И начал плыть домой. И прибыл к дому (букв. в сторону дома), к берегу подъехал'; ... *сылы эськӧ любӧ вӧлі тиӧтши нуӧдлыны тайӧ нывъясьӧ гортланьыс* (Торопов I : 21) '... ему было бы приятно свозить этих девушек к себе домой (букв. в сторону дома)'. В подобных конструкциях аппроксиматив функционально сближается с терминативом, выражая значение

преодоления пространства до пределов предмета-ориентира и достижения его границ. Падежи не выступают в качестве синонимов: движение не ограничивается определенным пределом предмета, а более или менее неопределенным окружением, что является своеобразной интерпретацией семы неконтактности, несоприкосновенности.

1.3. Указание на предмет пространственного соприкосновения с другим предметом. Значение реализуется в нижневыходском и удорском диалектах коми-зырянского языка при глаголах, потенциально предполагающих поверхностную контактность предмета с другим предметом (нв. *лукӧдны* ‘стукнуть’, *вартны*, уд. *шучкыны* ‘ударить, стукнуть’, *усьны* ‘упасть’), в других коми-зырянских диалектах в указанной позиции выступают иллатив или послеложные конструкции с *бердӧ*: нв. (Шеж.) *С’т’ен-лан’ис колӧ тӕнӧ лукӧдны* ‘Надо стукнуть тебя лбом об стену’ (НВД : 40); ср. скр. *кодӧскӧ стенӧ локӧдны* ‘стукнуть кого-то лбом об стену’; уд. (Разг.) *Москилан’ыс ус’ас* ‘Упадет на тротуар’ (УД : 38), ср. скр. *усьны джоджӧ* ‘упасть на пол’; лл. (Пор.) *Бӕд’д’ӧн колӧдӧ с’т’эн бӕрдад* ‘Стучит палкой по стене’ (ЛЛД : 98). Соответствием в коми-пермяцком языке являются послеложные конструкции с *бердӧ*: кп. *Уполномоченнойыс кыдз кытӧськӧ мезмис, кыдз кулакнас посӧдзысь забор бердӧ гымгис и кыдз ыкӧстӧс* (Федосеев II : 199) ‘Уполномоченный как бы откуда-то вырвался, как стукнул кулаком по перегородке в сенях и как крикнул’, в удмуртском языке – послеложные конструкции с *шоры* ‘на; о, об’ и *борды* ‘за; к; о, об’: *борддор борды шуккыны* ‘стукнуть об стену’; *юбо шоры дыгиськыны* ‘налететь на столб’.

1.4. Указание на предмет, по направлению к которому расположен другой предмет. Значение проявляется в различных модификациях:

1.4.1. Указание на предмет, в сторону которого обращена, направлена одна из сторон, частей другого предмета. Данный оттенок значения реализуется при инструментальной словоформе, которая обычно занимает в конструкции место второго компонента, находясь в постпозиции по отношению к аппроксимативу. Оба члена могут осложняться определениями. Например, кз. ...*Микулайлань* *веськыда нырӧн ысьшитӧс гоз-мӧдысь сынӧдсӧ* (Юшков I : 82) ‘Носом, направленным прямо в сторону Николая, несколько раз он понюхал воздух’; кп. *Сӧя [мамыс] пукалӧс аслас койка вылын, пырисыслань мышкнас* (Фадеев : 32) ‘Она [мать] сидела на своей кровати, спиной к входящему’. Соответствием в удмуртском языке выступают послеложные конструкции с *пала*: *Мыным возыт потӧз – ымнырын борддор пала кариськи но кӧлэм улӧ аналски* (Яшина : 89) ‘Мне было почему-то стыдно, я лежала лицом к стене и притворялась спящей’.

К данной разновидности значения относится также употребление аппроксиматива в приаждективной позиции, когда он выступает в каче-

стве уточнителя признака по отношению его расположения в определенном направлении. Позицию образуют относительные прилагательные с суффиксом *-а*, обозначающие признак по наличию чего-либо или обладанию чем-либо, что выражается производящей основой, например, кз. *Панев, мелань чужома нин, посныдыка сыркъяліс жё* (Юшков I : 118) 'Панев, уже лицом ко мне (в сторону меня), тоже немного дрожал'.

1.4.2. Указание на предмет, являющийся ориентиром при уточнении расстояния расположения одного предмета в направлении другого. Значение проявляется в позиции при количественном показателе, выраженном количественно-именным словосочетанием или же наречным образованием. Например, кз. *Борис – латшкыд тушаа крепыд том морт, вёлдстьлань нелямын километр выяын, Вөрью йывланьын, починокын олысь Хуторков Прокопейлөн ти* (Юхнин II : 13) 'Борис – невысокого роста крепкий молодой человек, сын Прокопея Хуторкова, живущего в починке, примерно в сорока километрах в сторону волости, вблизи верховья Вөрью'.

Соответствием в удмуртском языке является датив.

1.5. Указание на предмет, недалеко, около, вблизи которого локализуется, осуществляет действие другой предмет, или проявляется признак предмета. Реализуется преимущественно при глаголах местонахождения, пребывания, размещения, конкретного действия. Например, кз. *Шорланьыс домавла* (Безносиков I : 70) 'Привяжу (коня) недалеко от ручья'; ... *меддозля воксё, Ионасё, тайё племяыс кутёмаось да и виёмаось. Больничя горулас, Эжваланыс* (КЛП : 71) '...а самого младшего брата, Иону, это племя поймало и убило. Внизу от больницы, около Эжвы'; вв. *Берба ке вужланыс гырысь, сёръя кӧдза бур лове* 'На иве сережки крупнее к корням – поздний посев будет хорошим' (ОКЗР : 81); кп. *Избушкаыслань сӧсся некин эз тыдав и нем эз кыв* (Федосеев II : 113) 'В стороне избушки потом никого не было видно и ничего не слышно'; *Графскӧй граньыс кольччас Лопанлань* (Оласё : 271) 'Графская граница осталась в стороне Лопана'. Соответствием в удмуртском языке является послелог *палан* 'около, в направлении от': *Корка палан нокин но уг адӟиськы вал* 'Около дома никого не было видно'.

В данном значении неконкретность цели движения, направленность в сторону ориентира соотносятся с расположением предмета вне границ локума, с указанием на определенную близость от него. Возможность употребления лативного падежа в локативном значении – типологическая особенность финно-угорских языков.

2. Вторичные значения.

2.1. Относительное время. Проявляются две разновидности значения:

2.1.1. Указание на границу относительного времени, в направлении которого протекает действие предмета. Значение реализуется при гла-

голах движения, направления, приближения: кз. *Төвлань нин ар помыс сынё, Оз юав: жугыль-ё, рад?* (Некрасов : 29) 'К зиме уж приближается конец осени, Не спрашивает: печален ли, рад?'; удм. *Куазь сйзьылань ке но кариське ини, жьит туж шуныт* (Перевощиков 1980 : 74) 'Хотя погода приближается уже к осени, вечер еще теплый'; ср.чеп. (Кор.) *kāntonlan' karis'ke, vot sa-moj soku pužmer lue* 'К заморозкам [погода] идет, вот именно тогда бывает иней' (Карпова 1997 : 90).

2.1.2. Указание на относительный промежуток времени, более или менее близкий к внешней границе времени-ориентира, без непосредственного смыкания с ней, в период которого происходит действие предмета или констатируется его состояние: кз. ... *рытланьыс вётёдны кёсийыс* (Юшков I : 70) '...под вечер он обещался догнать'; удм. *Нош жьитлань пилемъёс люкен-люкен бабыльскизы но син азьын сылмыны кутскизы* 'К вечеру облака сгрудились и на глазах начали таять' (Перевощиков 1980 : 74).

2.2. Объект относительного соответствия, сходства. Содержит указание на предмет, по отношению к которому констатируется относительное сходство, подобие другого предмета. Значение реализуется в коми языках при глаголах кз. *мунны* 'идти', 'походить, быть похожим', кп. *вачкисьны* 'быть похожим, походить': кз. '*Сідз, сідз. Провокациялань оз мун*', – *барадумьшитіс учитель* (Юхнин II : 68) 'Так, так. На провокацию не похоже', – *снова подумал учитель*'; ... *тушасё ставнас гартышитёма визьордалань мунысь халатён* (Юхнин I : 11) '...тело полностью закутано похожим (по цвету) на бурундука халатом'; кп. *Зоныс вачкисьё мамыслань, а нлыс – айыслань* 'Сын-то походит на мать, а дочь-то – на отца'. В указанной позиции может употребляться также послеложная конструкция с *вылё* 'на': кз. *мунны чужёмён мам вылё* 'походить лицом на мать'; кп. *кагаыс вачкисьё айыс вылё* 'ребенок похож на отца'. Синонимичные грамматические средства отличаются оттенком значения: в случае использования послелога отмечается более близкое сходство, в случае аппроксиматива – приблизительное, отдаленное. В удмуртском языке отношения сопоставления выражаются дативом: удм. *пиез атаезлы кельше* 'сын похож на отца', однако при глаголе *мыныны* 'идти' встречается послелог *пала*: *мыныны атай пала* 'походить на отца'.

2.3. Объект заинтересованного лица содержит указание на лицо, в интересах которого совершается действие или же проявляются какие-нибудь его свойства, качества. Значение реализуется в коми языках на уровне предложения в конструкциях, где в качестве предиката выступают глагол *кужны* 'уметь' в личной форме и инфинитив со значением конкретного действия: *Асланьыс (сйё) кужё сёрнитны* 'В своих интересах (он) умеет говорить'; *Асланьыс сйё кужё йойтёдлыны* 'В своих интересах он

умеет людей обманывать' или же глагол бытия (*вёвны* 'быть', *абу* 'нет') и прилагательное: *А сійо өд абу жё асланьыс йёй. Асланьыс сійо дас пөв на миянысь мудер* (Юшков II : 143) 'А он ведь в своих интересах тоже не глуп. В своих интересах он в десять раз умнее нас'; *Ок, өд сюсь асланьыс! – нимкодя вочавидзис Лыткин* (Юшков I : 156) 'Ох, ведь хитер в своих интересах! – радостно ответил Лыткин'; кп. *аслань керны* 'настаивать на своем, гнуть в свою сторону'. Семантика предложения предполагает включение в него аппроксимативной словоформы усилительно-личных местоимений для подчеркивания личной заинтересованности грамматического субъекта в проявлении действия, признака. Данное значение проявляется также при глаголах типа кз. кп. *кыскыны* 'тянуть': ... *ставсё асланьыс кыскё* (Доронин : 46) '...все присваивает себе (букв. тянет себе)'; *босьтны* 'брать': *Өні Самаринёс шензьёдіс Тихомировлён веськыдлуныс, асланьыс содтём босьтны велавтёмыс* (Юшков II : 86) 'Теперь Самарина удивила прямота Тихомирова, отсутствие привычки приписывать (букв. брать) себе лишнее'; кп. *Сія асланяс кыскё* 'он гнет свое'. Соответствием в удмуртском языке являются послеложные конструкции с *пала*: удм. *ас палас со вераськыны быгатэ* 'В своих интересах он умеет говорить'; *Со ваньзэ кыске ас палаз* 'Он все себе тянет'.

2.4. Объект цели содержит указание на лицо, ради которого совершается действие другим лицом, и связано со значением заинтересованного лица, ср. направленность действия в интересах другого лица. Значение реализуется в вашкинских говорах удорского диалекта коми-зырянского языка: уд. (Венд.) *Чой-воклан'ыс сийа кулё и олё*. 'Ради братьев и сестер он готов умереть' (ССКЗД : 465). Функциональным соответствием в других коми-зырянских диалектах являются послелог *вёсна*, *понда* или *ради*: *челядь вёсна (понда, ради)* 'ради детей', в коми-пермяцком – *понда: челядь понда*, в удмуртском языке – *понна: пиналъёс понна* 'ради детей'.

2.5. Объект причины действия. Значение проявляется в удорском диалекте коми-зырянского языка: уд. (Венд.) *Штшайлан'ыс немдёма стёканйэсыс*. 'От чая потемнели стаканы'; *Кёдыдлан'ыс йурё вис'мис* 'От холода разболелась голова' (Сорвачева 1950 : 60). Соответствием в других коми-зырянских диалектах является элатив, так как сочетаемость аппроксиматива в значении причины не ограничивается отвлеченными существительными, как в случае консекутива, ср. уд. (Венд.) *Шоглан'ыс нёшта вис'мас* 'С горя еще больше заболит'; *Мэ гэжи, гэжи да, вэс'киё пас'нэти ружкалан'ыс* 'Я писал, и руки онемели от ручки'; *Шон'гейлан'ыс отыс йёдди* 'От солнца платок выгорел' (УД : 35), ср. *шогысла, шогсьыс* 'с горя' и *ручкасьыс* 'от ручки'.

5.3. Генезис и типология значений. Рассмотрение семантической структуры аппроксиматива показало, что он является единственным из всех

/-овых падежей, последовательно реализующим во всех пермских языках идентичное пространственное значение – выражение направления к предмету-ориенту. Различные модификации данного значения проявляются в зависимости от лексико-грамматических свойств контекстного окружения. Система вторичных значений не отличается семантической пестротой, причем общепермским является лишь значение относительного времени. Остальные значения возникли путем метафорического употребления аппроксиматива непосредственно из исходного или же через промежуточное звено в период самостоятельного развития языков (диалектов), ибо не обнаруживаются в пределах группы, встречаются в одном из языков, или же в отдельных диалектах. Значение сходства, сопоставления могло возникнуть синхронно в диалектах пракоми языка, так как в большинстве диалектов коми-зырянского языка данная функция образовалась на основе переносного употребления аппроксиматива с глаголом движения, в коми-пермяцком языке – с глаголом конкретного действия, направленного на объект. Таким образом, в современных пермских языках проявляется относительно неравномерное развитие аппроксиматива, что отражается в частотности его употребления. Низкая частотность аппроксиматива отмечается в удмуртском языке, особенно во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах (например, кукморском, красноуфинском, кырымасских, буйско-таныпском), где проявляется тенденция его вытеснения послеложными конструкциями с *пала* 'в сторону, по направлению к': *гуртлань – гурт пала* 'по направлению к деревне' (Насибуллин 1972 : 86-88; Архипов 1978 : 16-21, 23; Загуляева 1980 : 93; Карпова 1997 : 89-90; Кельмаков 1998 : 117; Wiedemann 1884 : 120). Ср. *Пар валэн тёл кадь лобем Кузон пала Микола-батыр* (Владыкина : 219) 'Взнуздав пару лошадей, словно ветер, понесся в сторону Казани Микола-батыр'; *Ыбем куара кылйськыса, корка укноостй пото куинь юсьёс, ю удалтоно интые, Вылын луд пала, лобёо инвож сьёры ышо* (Владыкина : 230) 'Как только раздался выстрел, из окон вылетели три лебедя и полетели в сторону поля Вылын луд, где урожай хлеба были всегда хорошие, и скрылись за горизонтом'. Сохранение суффикса отмечается преимущественно в структуре наречий, где также проявляются синонимичные отношения с компонентом *пала*: *азьлань ~ азьпала* 'вперед', *берлань ~ берпала* 'назад', например, "*Та интыын тыныд кёлыны уг яра... Азьланьгес мын*", – шуэм Ожмег. Пуны кылйськем, *азьпала* мынем. *Шутэтскемез бере, Ожмег азьлань вამыштэм* (Владыкина : 216) "'А в этом месте тебе спать нельзя... Иди подальше", – сказал Ожмег. Собака послушалась, дальше пошла. Отдохнув, Ожмег отправился дальше'. Ограниченность употребления аппроксиматива и его замещение послеложными конструкциями проявляются также в некоторых коми-зырянских диалектах (Фро-

лова 1950 : 175; ИД : 45; ССКЗД : 465). Однако в целом в коми языке аппроксиматив последовательно сохраняет свой грамматический статус. В отличие от других *l*-овых падежей, аппроксиматив не проявляет разнообразия функциональных корреляций. На общепермском фоне выделяются два типа корреляций: аппроксиматив – послеложные конструкции; аппроксиматив – датив, ареал использования грамматических средств – аппроксиматив – коми языки и послеложные конструкции, датив – удмуртский язык.

На основе структурного состава суффикса исследователи полагают, что аппроксиматив – один из первых по происхождению *l*-овых падежей, возникших в пермских языках. Аналогичный по образованию суффикс марийского и прибалтийско-финских языков функционально сближается с пермским дативом (аллативом), от которых аппроксиматив отличается семой неконтактности, несоприкосновенности. Однако прибалтийско-финский аллатив спорадически может выражать почти все пространственные значения пермского аппроксиматива, даже «направление действия: в каком направлении идут, двигаются», хотя данное значение выражается в основном послелогами (Паюсалу 1958 : 8-12). Ср. эст. *Se sattukin putomhaan hänen käistänsä laattialle* ‘это случайно упало из его рук на пол’ (Паюсалу 1958 : 11) ср., уд. (Разг.) *Москилан’ыс ус’ас* ‘Упадет на тротуар’ (УД : 38). На общепермском фоне функциональное переименование аппроксиматива и датива в синхронии проявляется при выражении одной из разновидностей пространственного значения, т.е. при указании на предмет, являющийся ориентиром при уточнении расстояния расположения одного предмета в направлении другого, а также значения причины. Можно предположить, что при возникновении *l*-овых падежей пермские аллатив и аппроксиматив могли выступать в качестве синонимичной пары, первичное пространственное значение которых было наподобие прибалтийско-финского аллатива. Позднее произошла семантическая дифференциация падежей на основе разных пространственных функций. Развитие самостоятельного падежа с аппроксимативным значением, видимо, было связано с языковой необходимостью выражения общего направления движения без указания на вхождение или невхождение в пределы локума, чему должно было предшествовать наличие в языке падежей иллативного или аллативного характера. Подтверждением относительно позднего развития падежей с аппроксимативным значением может явиться и тот факт, что такие направительные падежи встречаются только в вепсском (аппроксимативы I и II) и хантыйском (в сургутском диалекте с суффиксом *-nam* и вах-васюганском с суффиксом *-pa*) языках (Зайцева Н. 1981 : 150; Зайцева М. 1981 : 192-200; Основы III : 306). В других финно-угорских языках пространственные отношения аппрокси-

матива выражаются с помощью послелогов, например, в прибалтийско-финских языках: эст. *poole*, вод. *põlë* 'в сторону, по направлению к': *tāmā lenti metsä põlë 'ta lendas metsa poole* (Ariste 1948 : 120) 'она полетела в сторону леса'; или же суффиксальным сочетанием, например, в марийском языке суффиксом *-ышк* и *-ла*: *Только икты пāлы ылын: āтяжы тынгалмы доно поымаиш анжеенок сылык корнышкыла карангеш* 'Только одно было известно: с самого начала речь отца явно повернется в печальную сторону (букв. в направлении к печальной стороне)' (Учаев 1982 : 76-77). Представляется, что марийский суффикс *-ышкла* в синхронии следует рассматривать уже в качестве формы аппроксиматива. Развитие вторичных функций аппроксиматива является типичным для лативных падежей или послелогов с лативной семантикой, ср. аналогичное развитие значений послелога *пала* в удмуртском языке.

6. Семантическая структура консекутива

6.1. *Из истории изучения семантики падежа.* В грамматиках XIX – начала XX в. при рассмотрении семантики консекутива указывалось только значение цели (Савваитов 1849 : 106; Лыткин 1889 : 6; Куратов 1939 : 35; Wiedemann 1884 : 120), которое в синхронии является единственным значением падежа в коми-язьвинском наречии и коми-пермяцком языке (Лыткин 1961 : 44; КПА : 189; Баталова 1975 : 159), в то время как в коми-зырянском языке он последовательно проявляет также значение причины (СКЯ I : 143; ОЖК : 80). Д.В.Бубрих (1949 : 43), отмечая употребление консекутива для выражения причинности и финальности, утверждал о недифференцированности этих понятий в коми языке и объединял их в категорию основания. Однако использование одного и того же средства для выражения каузально-финальных отношений не свидетельствует о слиянии данных категорий, так как частичное совпадение или близость их лексического и грамматического выражений являются общей закономерностью для языков разных систем (Макаров 1974:42). А.С.Сидоров (1950 : 515-517) выделяет три семантико-синтаксические функции консекутива: достигаемый цели, причины и достигаемый определительный. Последнее значение выделено на основе синтаксической позиции консекутива.

6.2. *Семантическая структура.* Происхождение консекутива от аллатива позволяет предположить, что его первичным значением было указание на границу предмета, являющуюся пунктом направленности другого предмета. Суффикс *-la* с пространственным значением "законсервировался" в структуре наречий места, например, кз. *пасьтала* 'в ширину', *кузюла* 'в длину', уд. *бөрла* 'назад'. В синхронии семантическая структура

консекутива содержит значения цели и причины. Разграничение функций происходит на уровне внутреннего контекста.

1. Значение цели. Содержит указание на предмет или лицо, которые являются объектом устремления, цели, достижения чего-либо. Реализуется во всех коми диалектах, преимущественно в сочетании с конкретными, одушевленными, неодушевленными и вещественными существительными: кз. *Отчъд сійос да нѡшита кык зонмѡс ыстисны колхозсянныс карѡ куканьясла* (Юшков I : 70) 'Однажды его и еще двух парней послали от колхоза в город за телятами'; кп. *Мунисѡ невестазсла воннэс ылѡ-ылѡ* (Оласѡ : 70) 'Пошли братья за невестами далеко-далеко'; кз. *Вот босьтис Иван чер да гез и мунѡ пєсла* (КМС : 40) 'Вот взял Иван топор и веревку и идет за дровами'; кп. *Таисья петкѡтис пытикись посѡдзись гоз ведра да коромысла, иньдѡтчис ѡшымѡс дорѡ вала* (Фадеев : 24) 'Таисья вынесла с сеной пару ведер и коромысло, направилась за водой'; кз. *Ме сэсся гортѡ мунтѡдз эг и лэчыв дадѡйла* (Юшков I : 166) 'Потом уже до ухода домой я и не спускался за своими санками'; кп. *И вѡлись Марфида Прекрасная пырас ягишинаыс кума орѡд да и шуас: — Чѡрсла локтѡ* 'И тогда только Марфида Прекрасная пойдет к куме ведьме и скажет: — За веретеном пришла' (Оласѡ : 85). С отвлеченными существительными значение цели реализуется реже: кз. ... *ме дѡра сумкаѡн пельном выльѡн...кѡмтѡг котѡрта тѡдѡмлуньясла* (Микушев : 40) '...я с холщевой сумкой за плечом...босиком бегу за знаниями'.

Присубстантивная позиция функционирования характеризуется: 1) отглагольными существительными: кз. ... *няньла мунысьяслѡн лыдыс нѡшита на содѡс* (Юшков II : 109) '...число идущих за хлебом еще возросло'; ... *и Ардальонлысь няньла ветлѡмсѡ ѡтилаѡ жѡ татчѡ каттясны...* (Юшков II : 126) '...и поездку Ардальона за хлебом сюда же вместе добавляют...'; 2) лексемами *туй* 'дорога' и *могѡн* 'с просьбой': кз. *Кѡн нѡ тэнад турунла туйыд? ... Кѡн нѡ тэнад пєсла туйыд?* (КМС : 162) 'Где же твоя дорога за сеном?... Где же твоя дорога за дровами?' (Данное употребление консекутива А.С.Сидоров (1950 : 516) относит к третьему типу значения); *А бара вот ме дѡнѡ. Колѡкѡ, и няньла могѡн?* (Юшков II : 35) 'А вот и снова ко мне. Может быть, с просьбой о хлебе?'; *Яков ордын, кытчѡ сапѡгла могѡн нин и кежисны зня-ния, татшиѡм юѡрсѡ сетѡм вылѡ коланлуныс бѡр быри* (Юшков II : 134) 'В доме Якова, куда с просьбой за сапогами уже и зашли мать с сыном, обратно исчезла необходимость этого сообщения'.

Консекутив является основным падежным средством выражения объектно-целевых отношений в коми языках. Функциональным соответствием в удмуртском языке, а также в южных коми-пермяцких диалектах выступает датив. Для выражения объектно-целевых отношений в диалектах пермских языков употребительны и другие грамматические средства лативного и нелативного характера: иллатив (в удорском диалекте коми-

зырянского языка), послелогои кз. *дорѳ* (в удорском и вымском диалектах коми-зырянского языка), удм. *дуре, доры* ‘к’, *понна* ‘из-за, с целью, ради, для’. Дистрибуция иллатива и послелогов кз. *дорѳ*, удм. *дуре, доры* ‘к’ ограничивается неодушевленными существительными определенной семантической группы, в основном обозначающими предметы, связанные с растительным миром, предметы рыболовства: уд. (Пучк.) *Н’ол’ лун нитишкѳ ветли* ‘Четыре дня ходил за мхом’; уд. (Косл.) *Пувѳѳ мунны* ‘Идти за брусникой’; уд. (Чупр.) *Турынѳ мунны* ‘Ехать за сеном’ (УД : 35); уд. *вотыс дорѳ мунны* (Гл.) ‘идти за ягодами’ (ССКЗД : 111); уд. *Ме ог эры лэтч’ыныс сур дорѳ...* ‘Я не могу спуститься за пивом...’ (Лыткин : 61); вым. (К.) *Айкаѳ чери дорѳ мунн* ‘Свекор уехал на рыбалку’ (ВД : 151); удм. ср.-вост. *ву дуре* ‘за водой’, *пу дуре* ‘за дровами’ (Бушмакин 1969 : 159-160); удм. *Кам вамен пуккы курен курьяськыса, Чебер сяська дуре выжымы* (Владыкина : 138) ‘Через Каму, завернувшись в липовый луб, За красивым цветком мы переправились’. Выражая значение цели, иллатив, послелогои кз. *дорѳ*, удм. *дуре, доры* ‘к’ и консекутив не являются абсолютными синонимами. Если консекутив указывает только на объект цели, то иллатив и послелогои – еще и на процесс. Приобретение предметов представляет собой длительный процесс, сопровождающийся передвижением в пространстве: уд. (Чупр.) *Турынѳ мунны* ‘Ехать за сеном, т.е. заготавливать сено’, *мунны турынла* ‘ехать за готовым сеном’. Послелог *понна* в значении цели употребляется с теми же существительными, что и датив: удм. сев. сч. *ѳстѳм луткѳчѳз вайѳѳж понна* ‘отправил он за оглоблей зайца’ (Кельмаков 1998 : 183); удм. сев. вч. *Мон чайник кутса вас’ки со вагоныс’ ву понна* ‘Я, схватив чайник, вышла из вагона за водой’ (Кельмаков 1998 : 188); ср. чеп. *опет’ минѳс’ко нѳлме понна* ‘опять иду за моей дочкой’ (Карпова 1997 : 167).

2. Значение причины содержит указание на предмет, выступающий в качестве повода определенного действия, состояния, признака. Значение проявляется в большинстве коми-зырянских диалектов в сочетании с отвлеченными существительными: кз. *Чериыѳ!* – *вомаѳ и сылѳ чѳскыдысла* (Торопов I : 94) ‘Рыба-то! – во рту тает из-за того, что вкусная’; *Найѳ, пемыдысла сера чужѳмаѳсь, повзѳѳмѳн видзѳѳдѳсны Микит вылѳ* (Юхнин II : 106) ‘Они из-за темноты с серыми лицами, с испугом смотрели на Николая’; ... *дыр да ылытѳ лѳбалѳмысла бырѳма-вошѳма борд выныс* (Торопов I : 93) ‘... из-за того, что долго и далеко летал, иссякли силы крыла’; в единичных случаях с вещественными существительными: кз. *Пѳсьысла кѳтасѳѳм дѳрѳмнас чылыкѳшитѳс чужѳмѳсѳ* (Юхнин II : 37) ‘Мокрой от пота рубашкой вытер лицо’; ... *кѳрѳяс гѳсысла ризѳялѳны, сѳвкѳйѳны-войѳѳѳны кытѳчѳсюрѳ, вѳтѳѳѳны он вермы* (Рочев : 138) ‘...олени от жира резвятся, мчатся куда попало, не можешь догнать’; и конкретными существитель-

ными: кз. *Мортыс нѣбысла оз тыдав* (КЛП : 54) 'Из-за вязанки не видно человека'; *Аддзис понйыс пиццальнад керкасьыс петѣмсѣ да чеччыштѣмѣн быйкнитіс узьлан чомсьыс, гатишасьліс джэньыд домьсла...* (Юшков I : 39) 'Собака увидела, как он вышел из дома с ружьем, и, вскочив, вынырнула из своей конуры, упала на спину из-за короткой привязи'. Ограниченность употребления с конкретными существительными объясняется двусмысленностью консекутива и избирательностью дистрибуции при ее реализации.

Значение причины в коми-зырянском языке может выражаться и другими грамматическими средствами, среди которых наиболее употребительными являются элатив и послеложные конструкции с *вѣсна* (понда) 'из-за'. Консекутив по характеру выражения причины ближе к каузальным послелогам. Оба обозначают преимущественно объективную причину, как бы подчеркивают рассудочную, логическую стороны мотива. Семантическая близость проявляется не только в потенциальной возможности трансформации в друг друга, например, кз. *Шог вѣснаыс* (→ *шогысла*) *сэсся Ольѣи дзонь вежсон юис* (Доронин : 99) 'От горя потом Алексей целую неделю пил' и *...а сэсся шогысла* (→ *шог вѣснаыс*) *мѣдїс юны* (Юхнин I : 14) '...а потом от горя начал пить', но и в одновременном их употреблении при однородных членах предложения, что свидетельствует об их совместности и грамматической синонимии. Например, *Пач вѣсна да пєс жэлитѣмла нянь да сѣян немторла тшыкѣдны* (Доронин : 115) 'Из-за печи и экономии дров незачем портить хлеб и пищу'. Однако данный факт не говорит о полном совпадении сочетаемости. Анализ материала показывает, что в случае консекутива и послеложных конструкций наблюдаются преимущественно отношения включения сочетаемости ($B \subset A$), причем с конкретными существительными в качестве А выступают послеложные конструкции, В – консекутив, с отвлеченными существительными – А – консекутив, В – послеложные конструкции. Случаи пересечения сочетаемости встречаются при вещественных, отвлеченных существительных, что отчасти связано с тенденцией употребления послеложных конструкций главным образом в двусубъектных предложениях, когда субъект-деятель (а) и субъект-каузатор (б) не совпадают в одном лице, в то время как консекутив реализует свое значение в основном в односубъектных, когда субъекты (а) и (б) совпадают в одном лице, или же в двусубъектных, где субъекты связаны отношениями части-целого. Ср., *Ставыс тайѣ* (а) *Рѣман Паладѣлѣн* (б) *дышлун вѣсна* (Безносовых I : 52) 'Все это из-за лени Паладьи Романовны' и вв. *Сїя аслас йѣйлуїсла вуджєдчє* (ОКЗР: 83) 'Он из-за своей глупости перевозит'; *...пелєйяслѣн* (б) *мудзысла ѣшѣдчисны кывѣясыс* (а) (Рочев : 89) '...у пристяжных оленей от усталости повисли языки'. Элативная словоформа, в отличие от консекутива, выступает с оттенком источника, обозначает причину действия, состояния, признака как их

исходный момент, преимущественно это неосознанная причина, возникшая стихийно, немотивированно. Нередко причинное значение элатива обнаруживает связь со своим исходным значением, что дает возможность двоякого объяснения предложений типа *Весът кузя старик чепӧсьяс каньысь* 'Старик высотой с вершок (испугавшись) отскочил от кошки', где "элативное имя одновременно обозначает пункт, от которого началось движение (*каньысь* 'от кошки') и причину этого движения" (Гуляев 1961 : 74). Видимо, в подобных случаях можно говорить о синкретизме исходного и каузального значений. В отношениях элатива и консекутива проявляется пересечение сочетаемости, где в качестве общих контекстов выступают как одно-, так и двусубъектные предложения. Например, *Регыд сылӧн, мый вынсьыс сынышталӧмысь* (→ *сынышталӧмысь*), *лӧнис лолыс* (Торопов I : 74) 'Скоро у него притихло дыхание от гребли со всех сил'; *...кытысь вӧтлӧмаӧсь ичӧтика юыштӧмла* (→ *юыштӧмысь*) (Юшков I : 203) '... откуда выгнали из-за того, что немного выпивал'. Индивидуальные контексты предопределены характером выражаемой причины и лексическим значением предикатов. Так, например, в случае элатива можно говорить об управлении данным падежом глаголами состояния, признака, чувства, движения: *... би жарысь чатӧртчӧмӧн вочавидзис вӧралысь* (Торопов I : 56) '...откинувшись назад от (из-за) жары костра, ответил охотник'; *Райда садьмис кымлӧмысь* (Торопов I : 69) 'Райда проснулась от холода (букв. от того, что мерзла)'. Кроме того, элатив с некоторыми словами категории состояния образует наречия образа действия (Гуляев 1961 : 97-99). Ср., *скӧрысла* 'от злости' и *скӧрысь* 'зло, сердито', *лӧкысла* 'от злости' и *лӧкысь* 'зло': *Райда мӧдӧс лӧкысь горзыны* (Торопов II : 43) 'Райда начала зло кричать' и *... кыдзи скӧрмис Вириня, ыпнитӧс лӧкысла* (Микушев : 110) '...как обозлилась Вириня, вспыхнула от злости', что, несомненно, сужает сферу функционирования элатива причины. В диалектах, особенно южных, пограничных с коми-пермяцким языком, наблюдаются отношения включения сочетаемости: узкая, ограниченная сочетаемость консекутива полностью входит в сочетаемость элатива. Например, лл. (Пр.) *Йандзимс'ыс* (лит. *яндзымысла*) *сийа эд оз волы* 'Он ведь от стыда не приходит' (ЛЛД : 47); вс. (Гр.) *Кӧдзыдс'ыс* (лит. *кӧдзыдысла*) *оз велӧдны* 'Не учат из-за мороза' (ВСД : 69); сс. (К.) *Бат'ыд Вовас'ыд* (лит. *Вова вӧснаыд*) *оз лыс' гортад мунны* 'Из-за Вовы отец не смеет идти домой' (ССД : 31).

Сопоставление консекутива с другими грамматическими средствами показывает наличие сложных взаимоотношений в системе, что проявляется в перекрещивании их функциональных сфер. Однако нельзя однозначно утверждать, что распределение грамматических средств выражения каузальности происходит в зависимости от характера одуше-

ленности / неодоушевленности референта, как отмечает Р.Бейкер (Baker 1985 : 123). В случае консекутива отмечается проявление каузальности при его сочетании с отвлеченными существительными, чаще всего выражающими различные состояния. Поэтому консекутив выступает в качестве доминанты при реализации внутренней причины.

В коми-пермяцком языке основным падежным средством выражения каузальности является эгрессив, который в окраинных северных диалектах часто замещается элативом или дативом: мыс. *полӧмысь* (лит. *полӧмсянь*) *кӧинісь пола* 'из-за страха (боязни) боюсь волков', гаин. *сія аймамсис* (лит. *аймамсянь*) *пондас горзыны* 'он из-за родителей будет плакать', пукс. *сіа жарыслӧ* (куд. *жарсяняс*) *гагыс сёйӧ* 'из-за жары червь съедает' (Баталова 1975 : 147, 151-152; КПА : 192), в удмуртском языке – инструменталь, датив, аблатив: *Секыт ужен уд губырмы* 'От тяжелой работы не сгорбишься' (УФ : 24).

6.3. *Типология и генезис значений.* В диалектах коми языка консекутив имеет разный семантический объем. Общий процесс функционального развития можно представить как латив → цель → причина. Поэтому следует согласиться с Б.А.Серебренниковым, что "первоначальное *Muna pesla* 'Иду (еду) по направлению к дровам' могло быть в дальнейшем легко переосмыслено как 'еду за дровами (т.е. чтобы привести дрова)' (Серебренников 1963 : 49). Показательны в этом отношении послеложные конструкции удорского диалекта коми-зырянского и удмуртского языков, обозначающие в пространственном значении "движение к ...". Возникновение значения причины Б.А.Серебренников объясняет влиянием русских конструкций с предлогом "за", которые в разговорном русском языке и говорах употребляются для выражения причинности. "Поскольку достигательный падеж в коми языке обычно соответствует по значению русскому предлогу "за" в тех случаях, когда этот предлог выражает цель действия, то он легко мог получить новое значение причины действия" (Серебренников 1963 : 49). Однако вряд ли можно говорить о непосредственном русском влиянии, так как конструкции с предлогом "за" ограничены в причинном употреблении в самом русском языке. Видимо, здесь имеет место общезыковое явление, которое заключается в тенденции развития значения причины на основе других значений. К.Е.Майтинская отмечает, что "цель действия составляет отчасти и причину его, так как, если бы не существовала эта цель, действие могло бы не состояться" (Майтинская 1950 : 482). Синкретизм выражения каузально-финальных отношений проявляется в сфере вопросительных местоимений и союзных слов в коми-пермяцком языке и коми-язьвинском наречии: кп. коч. *Мыля нӧ эн локлы?* 'Почему не приходила?'; онк. *Ошыс лӧгалӧ, пианнӧсӧ вартӧ, мыля пырӧнӧ мортыс дынӧ* 'Медведь злится, бьет своих детенышей за то,

что подходят к человеку' (Баталова 1975 : 242, 237-238); кя. ... *сида вис' тас' ис тэнвэт к'эражик, м'дла што тэ у'залин и ч'вэйалин* '... они тебе показались вкуснее, потому что ты работала и проголодалась' (Лыткин 1961 : 222). Возможно, в определенный период развития коми языков значение причины могли выражать обе генетически родственные формы – суффиксы датива и консекутива, отличающиеся только огласовкой. Выделение консекутива в самостоятельный падеж продиктовано дальнейшим развитием грамматического строя коми языков: постепенной семантической разгрузкой и ограничением употребления датива с неодушевленными существительными. В синхронии консекутив, как самостоятельный падеж, функционирует в коми-зырянском языке и северных диалектах коми-пермяцкого, однако еще недавно он, видимо, был представлен во всех диалектах коми-пермяцкого языка, о чем свидетельствуют примеры из южных диалектов, приведенные в грамматике А.Н.Рогова: *Ме муні в'д'ва* 'Я ушел за лошадью' (Рогов 1860 : 143).

Самостоятельный падеж для выражения каузально-финальных отношений имеется не во всех финно-угорских языках. Его наличие отмечается в венгерском языке – каузалис-финалис (Майтинская 1955б : 140), в парадигме основного склонения мокша-мордовского языка, северо-западном и горном наречиях марийского языка – каузатив (ГМЯ : 178; Тужаров : 1984). В XVIII-XIX вв. отмечалось его существование и в луговом наречии. Падежи являются поздними вторичными образованиями, восходящими к периоду самостоятельного развития языков. Поэтому для выражения каузально-финальных отношений во всех указанных языках используются и другие грамматические средства, подобно языкам, не имеющим специального падежа.

Объектно-целевые отношения в финно-угорских языках выражаются грамматическими элементами лативного характера. В большинстве языков (языковых групп) представлено несколько средств выражения, которые отличаются дистрибуцией и семантическими оттенками. В диалектах пермских языков при выражении объектно-целевых отношений в качестве синонимичных средств могут выступать: консекутив // иллатив // послелог *дорё* (коми-зырянский язык); консекутив // датив (коми-пермяцкий язык); датив // послелог *понна* // послелог *дуре* // датив и послелог *понна* (удмуртский язык).

Для выражения объектно-целевых отношений в финно-угорских (уральских), русском и тюркских языках используются грамматические элементы (падежи, послелоги и предлоги) с лативной семантикой: иллативные, аллативные или общелативные. Иллативные формы отмечены в прибалтийско-финских, мордовских языках, в удорском диалекте коми-зырянского языка. Элементы с аллативной семантикой представлены в

пермских, марийском, диалектах прибалтийско-финских, с общелативной семантикой – в мансийском, хантыйском, селькупском языках. Использование различных элементов лативного характера при выражении объектно-целевых отношений представляет собой ареально-генетическое и типологическое явления. Характерной особенностью всех грамматических средств (падежи, послелого и предлоги) с лативной семантикой является то, что элементы, сохраняющие пространственное значение, проявляют дистрибутивную ограниченность почти в каждом языке. В значении цели могут употребляться вещественные существительные, а также существительные, обозначающие предметы, связанные с растительным миром, предметы охоты и рыболовства. Исторически лативные падежи, утратившие пространственное значение, расширили дистрибутивные возможности: значение цели они проявляют с конкретными, предметными и одушевленными существительными. Использование функционально тождественных единиц для выражения объектно-целевых отношений в языках разных групп, с одной стороны, и различных грамматических средств в системе одного языка (группы) – с другой, свидетельствует о потенциальной возможности проявления значения цели элементами лативного характера, а также о типологическом характере развития грамматических средств для выражения цели.

Для выражения каузальных отношений могут использоваться все виды локальных падежей со значениями “где”, “куда”, “откуда”, реже – некоторые объектные падежи, что объясняется стремлением к дифференциальному выражению различных оттенков причинности. Для пермских языков характерно ареальное использование падежей со значением “откуда” исторически внутриместного (элатив – коми-зырянский) и внешнеместных (аблатив – удмуртский, эгрессив – коми-пермяцкий), среди лативных падежей – исторически внешнеместных (датив – удмуртский, коми-пермяцкий; консекутив – коми-зырянский языки). Общепермским падежным средством выражения значения причины являются в синхронии инструменталь (Некрасова 1997 : 10) и элатив, в диахронии – датив-аллатив, а также, видимо, все падежи со значением “откуда”. Падежи с данным значением для выражения причины преобладают и в других финно-угорских языках, особенно в прибалтийско-финских (например, в финском языке – аблатив, элатив). Следует отметить, что в финно-угорских и самодийских языках значения цели и причины могут выражаться одной и той же грамматической единицей.

Основные способы падежного выражения значений цели и причины в уральских языках представлены в табл. 8, 9 (данные: СКЯ II : 77; КПЯ : 192; Баталова 1975 : 147, 151-152; ГСУЯ I : 97, 99, 103; ГСУЯ II : 180-181; СМЯ : 65; Коведяева 1978 : 131, 134, 143, 150; Учаев 1982 : 67, 74, 77; ГМЯ : 164,

171, 177; Хакулинен 1955 : 207, 213; ГФЯ : 81, 84, 85, 90; Зайцева Н. 1981 : 100, 106; Зайцева М. 1981 : 181, 182; Майтинская 1955б : 140, 141, 138; 1960 : 180-182; Беккер 1978 : 151, 124, 163-166, 173-175; Терещенко 1973 : 254, 258, 269).

7. Семантическая структура приблизительно-местных падежей

7.1. Система падежей. К структурным инновациям в системе I-овых падежей следует отнести распространенные в коми языках сложные суффиксы с первым компонентом *-лань*, в отношении категориальной принадлежности которых долгое время не было единого мнения. Большинство исследователей склонялось к точке зрения, согласно которой показатель аппроксиматива в сочетании с морфемами других местных падежей реализует словообразовательное значение. Д.В.Бубрих (1949 : 51) отмечал, что образования на *-лань*- первичны, по сравнению с аппроксимативом (далее – аппроксиматив I), суффикс которого возник в результате сокращения *-ланьё*. А.С.Сидоров суффиксы с *-лань(-)* рассматривал как проявление словообразовательной или же послеложной функций аппроксиматива (Сидоров 1950 : 505-506). На основе близости функции, выполняемой *-лань-*, к деривационной, Р.Бейкер утверждает, что нет никаких оснований считать эти сложные суффиксы формами независимых падежей (Baker 1985 : 231). В финно-угроведении известны случаи перехода падежных суффиксов в словообразовательные (см. Майтинская 1979 : 97, 98). В данном случае вряд ли можно говорить о подобном переходе, так как сложные суффиксы с коаффиксом *-лань-* имеют статус падежных суффиксов, значение которых проявляется в выражении определенных направленных отношений. Общим для этих суффиксов является значение приближенности, интерпретирующей сему неконтактности, несоприкосновенности. Из всех местных падежей указанная сема присуща только аппроксимативу I, которая выступает в качестве специфического признака его семантической структуры. Поэтому, исходя из такой семантической связи, можно допустить, что при превращении падежной морфемы в коаффикс в силу специфики его нового положения утрачиваются, вернее, нейтрализуются признаки, основанные на выражении характера отношений одного предмета к другому, что проявлялось в данном случае в прямой динамической направленности. Этому способствуют, по всей вероятности, особенности лативных падежей, унаследованные от финно-угорского праязыка, где они составляли “merkmallos” категорию и были недифференцированы в отношении направления (Korhonen 1975 : 115-116). Некоторую такую недифференцированность проявляет и аппроксиматив I. Нейтрализация признака динамичности вызывает сужение семантической структуры коаффикса до специфической семы, являющейся

Таблица 8

Основные способы падежного выражения цели в уральских языках

Языки		Пермские				Мар.	Морд.	Приб.-фин.			Угорские		Самодийские	
		кз.	кп.		удм.			фин.	вепс.	венг.	мс.	сельк.	нган.	
			сев.	юж.										
Падежи		+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Каузатив (-финалис)		-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Аплатив / датив		+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
Иплатив		-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Сублатив		-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Латив		-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
Транслатив		-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	-

Примечание. (+) – наличие падежного выражения цели, (-) – отсутствие падежного выражения цели.

Основные способы падежного выражения каузальных отношений в уральских языках

Языки	Пермские					Мар.	Морд.	Прибалтийско-финские		Венг.	Самодийские	
	кз.	кп.		удм.	фин.			вепс.	сельк.		нган.	
		сев.	юж.									
Падежи	+	+	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+
Каузатив (-финалис)	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
Аллатив/датив	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Аппроксиматив	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Иллатив	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Транслатив	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Инесив	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-
Инструменталь	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+
Паритив	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Аблатив	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-
Элатив	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Эгрессив	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-
Инструменталь	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Абессив	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
Адвербиаль	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-

Примечание. (+) – наличие падежного выражения причины, (-) – отсутствие падежного выражения причины.

наиболее лексикализованной, по сравнению с другой, что сближает ее со словообразовательным значением. Указанным фактом объясняется рассмотрение функции *-лань-* в составе сложных суффиксов как словообразовательной. Образование падежных суффиксов с коаффиксом *-лань-* в коми языках подтверждает положение, что языковой элемент в роли коаффикса выполняет более или менее словообразовательную функцию (Tauli 1956 : 206-207; Künnap 1983 : 52-59; 1984 : 287-291). Однако это не может явиться основой отнесения коаффикса к деривационным суффиксам. Падежи на *-лань(-)* повторяют процесс формирования падежей, который свое время прошли *l*-овые и *s*-овые падежи финно-пермской группы языков. Данный процесс показывает, что появление коаффиксов в языках вызывается не только лингвотехническими причинами (Серебренников 1985 : 106), а также связано с необходимостью внесения новых значений, которые возникают на основе специфической семы структурного образования, будь то падежный или же словообразовательный суффиксы.

Отнесение суффиксов на *-лань(-)* к падежным морфемам обосновывается их морфологическими признаками:

1. Сочетание *-лань-* с суффиксами местных падежей, в отличие от производных слов с деривационным формантом;

2. Неограниченная возможность присоединения суффиксов с коаффиксом *-лань-* к лексемам неодушевленным (предметным / отвлеченным) и одушевленным, местоимениям (*пöрысьланьöдз* 'до старости', *миланьö* 'в сторону нас', *Визинланьысь* 'со стороны Визинги'), в то время как формой существования словообразовательного значения является определенная словообразовательная модель, "характерная для класса слов, меньшего, чем часть речи" (Кубрякова 1981 : 87);

3. Употребление словоформ на *-лань(-)* в ед. и мн.ч., при этом отмечается препозиция показателя множественности по отношению к падежному суффиксу, в сравнении с постпозиционным положением при деривационном форманте (*пипу-яс-ланьысь* 'со стороны осин', *ыжъ-яс-ланьö* 'в сторону овец', ср. *быдм-öгъ-яс* 'растения'; *лэб-ачъ-яс* 'птицы');

4. Возможность оформления словоформ на *-лань(-)* посессивными суффиксами: *керкаланьсьым* 'со стороны моего дома', *керкаланьсьыд* 'со стороны твоего дома', *керкаланьсьыс* 'со стороны его дома' и т.д.;

5. Наличие у каждого из сложных суффиксов на *-лань(-)* грамматического значения, характеризующегося выражением приблизительно-местных отношений. Поэтому на основе оттенка приближенности, который придает суффиксам первый компонент, следует объединить их в группу приблизительно-местных падежей.

Система приблизительно-местных падежей состоит из шести форм:

Падежи	кз.	кп.
Аппроксиматив-инессив	-ланьын	-ланьын
Аппроксиматив-элатив	-ланьысь	-ланись
Аппроксиматив-эгрессив	-ланьсянь	-ланьсянь
Аппроксиматив-пролатив	-ланьöd ~ -ланьті	-ланьöt
Аппроксиматив-терминатив	-ланьödз	—
Аппроксиматив II	-ланьö	-ланьö

7.2. Семантическая структура падежей. Большинство приблизительно-местных падежей ограничивается выражением пространственно-временных отношений. Следовательно, можно говорить о приоритете внутреннего контекста при разграничении отдельных функций. При контаминации падежных форм с существительными, выражающими временные понятия, проявляется временное значение (характерно не для всех падежей), в сочетании с другими семантическими группами существительных (в основном конкретных, с пространственной семантикой) реализуются локальные отношения.

Аппроксиматив-инессив

1. Пространственное значение. Содержит указание на предмет, около, вблизи которого локализуется, происходит действие другого предмета. Например, кз. *А понйыслон увтöмыс пыр ылысмис и ылысмис: Ыджды вадланьын нин кылis* (Юшков I : 82) 'А лай собаки все отдалялся и отдалялся: слышался уже в стороне (около) Большого (непроточного) озера'; *Гортас кежан трöпаланьын нин, том йöз пöвстысь, Туисов казяліс Раковöс* (Безносиков I : 80) 'Уже около тропы, ведущей к дому, среди молодежи Туисов заметил Ракова'; *Мойдьяс кывзöм бöрын нывкаяс выль ног кутisны видзöдны и вылын кывтысь кымöряс, и зысыön дзирдалысь Сыктыв, и энэжтасланьын лöзалысь парма-яг вылö* (В.Тимин) (МГЧ : 25) 'Прослушав сказки, девочки по-новому стали смотреть и на плывущие в небе облака, и на серебром сияющую Сысолу, и на синеющую парму в стороне горизонта'; *Ылыс тыясланьын кутisны гыпкыны-луйсьыны* (Торопов III : 201) 'В стороне дальних озер начали стрелять'; кп. *Отік лунö пажнайттöньяс видзланьын поннэс пондiсö вутны зверьöс* (Федосеев II : 124) 'Однажды во время обеда в стороне лугов собаки начали лаять зверя'; *Кывсис, что Ошибланьын гөрddэс да чочкоммес кутчисьöмась оча морос, поди, еныс и аддзö, что колö дорйыны бедной отирсö* (Федосеев II : 13) 'Стало

слышно, что недалеко от Ошиба красные и белые вступили в бой, бог ведь видит, что надо защищать бедный народ’;

2. Значение приблизительного времени действия. Например, кз. *Арланьын пужъявлö нин* ‘Под осень (ближе к осени) уже бывают заморозки’.

Аппроксиматив-элатив

1. Пространственное значение:

1) Предмет, со стороны которого начинается движение: кз. *Тайö ляшкö кашкигöн Пöрысь мамыс сэтиём сёрöн лавкаланьысь пöнарöн* (Куратов : 147) ‘Это бабушка тяжело дыша так поздно идет с фонарем со стороны магазина’; *Синъясыс оз и вешийвыны Сыктыв юсайса видзяслапьясь, көнi сярвидзöны рудöдöм зорöдъяс* (Безносилов II : 141) ‘Он не сводил глаз с заречных лугов Сысолы, где рассыпаны посеревшие стога’; кп. *Бергöтiс юрсö телевизорысланысь* [Разведкайс] *и ме вылö синнэсö сувтöтiс* (А.Ермаков) (Парма шы : 407) ‘Она [Разведка] повернула голову от (букв. со стороны) телевизора и вытаращила на меня глаза’;

2) Место, откуда происходит предмет: кп. к.-и. *Мэ ач’ым тава-н’ис’жык, Кудымкарван’ис’жык, вöи нывка* (Лыткин : 47) ‘Я сама из мест, находящихся ближе сюда, со стороны Кудымкара’.

2. Определительное значение. Реализуется только в коми-пермяцком языке: кп. *Гортланысь берегыс вылын да крут* (Баталов : 21) ‘Берег со стороны дома высокий и крутой’; *Ме быд год öнi местаын пукавла, нюрланысис ты конекас* (Баталов : 219) ‘Я теперь каждый год сижу в конце озера со стороны болота’. В коми-зырянском языке аппроксимативу-элативу в данном значении соответствует относительное прилагательное с суффиксом *-са*, образованное от аппроксимативной формы, например, кз. *Керкаясыс, кодъяс быттьö сикöтциалисны вазжгортсаяслысь юланьса му-видзё* (Юхнин I : 23) ‘Дома, которые, как бусы, осыпали прибрежные угодыя жителей Важгорта’.

Функциональным соответствием в удмуртском языке являются после-ложные конструкции с *палась*: *Тин’и öзы сылкымы, сара-пул палас’ лыктис’ поызлэн куарайэс кылис’киз* ‘Когда так вот стояли, слышался гул движущегося со стороны Сарапула поезда’ (ОУР 2 : 172).

Аппроксиматив-эгрессив

Пространственное значение. Содержит указание на предмет, со стороны которого начинается движение другого предмета. Например, кз. *Сэк жö Диньель устьеланьсянь лэччысь туй дорысь повзьöмöн чеччис сьöд дозмöр...* (Юхнин II : 58) ‘Тогда же с обочины дороги, ведущей со стороны

устья р.Диньёль, с испугу поднялся глухарь-самец...»; ... *Поволжьеланьсянь* Кама ю пöлөн да вятской туйяс кузя войвывланьö-кыссисны му кодь съöд чужöмьяса йöз чукöрьяс (Юхнин I : 4) ‘... со стороны Поволжья вдоль реки Кама и по вятским дорогам в сторону севера тянулись группы людей с черными, как земля, лицами’; *Сöмын кык пон сиктланьсяньыс* уськöд-чылисны кыр йылас (Б.Шахов) (ВК 1987, 7 : 10) ‘Только две собаки бросились со стороны села на пригорок’; кп. *Немымда кадыс эз чулав, кыдз вöрланьсянь* деревнялань ыбыс кузьта веськыта суйис-котöртис лось (Федосеев II : 124) ‘Не прошло и времени, как со стороны леса в сторону деревни прямо по полям бежал лось’; *Но сэтöн гортланьсянь* мыччысис Женьяыс и öвтчытöн пондiс сибöтчыны ёрттэслань (Федосеев II : 263) ‘Но там со стороны дома показался Женья и махая стал приближаться к товарищам’.

Конструкции с аппроксимативом-элативом и аппроксимативом-эгрессивом обнаруживают относительное семантическое сходство, что нашло отражение в переводах на русский язык. Однако обнаруживается некоторая разница в семантике, проявляющаяся и при самостоятельном употреблении вторых компонентов в тождественных конструкциях типа *локтiс вартанiнысь (карысь)* и *локтiс вартанiнсянь (карсянь)* ‘он возвратился с молотбы (с города)’. Е.С.Гуляев отмечал, что эгрессив, по сравнению с элативом, имеет более конкретную пространственную семантику, поэтому “конструкция с отдалительным падежом обычно выражает большую близость действия по времени и большую его очевидность: *локтö вартанiнсянь* говорят преимущественно тогда, когда видят, что человек только что покрыл расстояние от места молотбы до данного места, до места разговора” (Гуляев 1960 : 147). Отмеченная семантическая разница сохраняется и в случае вторичных падежей с суффиксами *-ланьысь* и *-ланьсянь*.

Аппроксиматив-пролатив

Пространственное значение. Содержит указание на предмет, около, мимо, возле которого происходит движение другого предмета. Например, кз. *Кымöрьяс гырысьöс, шондiланьтыыс* еджыд бокаось, а улысныс кодлөн съöдов, кодлөн руд (Игнатов : 141) ‘Облака большие, со стороны солнца белобокие, а низ у кого черноватый, у кого серый’; *Мир туйланьöд том йöз мунiсны клубö* ‘Недалеко от (около) большой дороги молодежь шла в клуб’; *Сэн, туйланьöдыс тэ курт* ‘Там, по пространству, что имеет направление к дороге (находится вблизи дороги), ты греби’ (Нечаев 1948 : 96).

Пространственное значение. Содержит указание на предмет, являющийся относительным пределом места действия. Например, кз. *Ме мōддōчи гортлāньōдз* ‘Я направился до места, близкого к моему дому’, *Сійō ветлīs карлāньōдз* ‘Он ходил до места, близкого к городу’ (Нечаев 1948 : 95). Реже проявляется значение относительного темпорального предела. К примеру, *Степан олīs пōрыслāньōдз, олīs честнōя* (Юхнин I : 160) ‘Степан дожил до старости, жил честно’.

Аппроксиматив II

Аппроксиматив II наиболее употребителен из всех приблизительно-местных падежей. По своим семантико-синтаксическим функциям он почти идентичен аппроксимативу I, что обусловлено его образованием на основе двух лативных падежей, отличающихся лишь отнесенностью к разным падежным сериям: *-лāнь* – показатель внешнеместного, *-ō* – внутреннеместного падежа. Понятие внутренней сферы вообще исключается в приблизительно-местных падежах, поэтому исчезает и данное различие. Несмотря на это, две разновидности аппроксиматива обнаруживают тонкую дифференциацию значений, что было отмечено Г.А.Нечаевым (1948 : 95). Аппроксиматив на *-лāнь* обозначает лишь общее направление движения, тогда как аппроксиматив на *-лāньō* имеет более конкретную семантику, показывает, что движение происходит именно в этом направлении, и, подобно эггессиву, выражает бōльшую близость действия во времени. Оттенок конкретности проявляется и в других реализуемых им значениях.

Семантическая структура аппроксиматива II включает следующие функции:

1. Пространственное значение. Содержит указание на предмет, в сторону которого направлено движение другого предмета. Например, кз. *Ва дор кыддзын пукальсь ракаяс лэбзисны Кырув вичколāньō* (Федоров : 237) ‘Сидевшие на прибрежной березе вороны полетели в направлении к Кырувской церкви’; *Сэсся сійō тиāпа бергōдчō вōрлāньō чужōмнас* (И.Торопов) (ВК 1983, 8 : 11) ‘Потом он гордо поварачивается лицом в сторону леса’; кп. *Серēжа бōра бергōдлīs юрсō кōзлāньō, суййитīs ѓмас кынымкō ягōд тусь да мыйкō пондīs думайтны* (Баталов : 48) ‘Сережа опять повернул голову в сторону ели, засунул в рот несколько ягодок и начал о чем-то думать’; *“Только бы ашын одзжык саймыны и победаыс лоас ме сайын”*, – *чорыта висьталīs Петя да кузя шагнōвтīs ыбōслāньō* (В.Баталов) (Парма асыв : 11) ‘Только бы завтра раньше проснуться и победа будет за мной, – твердо сказал Петя и широко шагнул в сторону двери’.

Позиционные реализации идентичны с таковыми аппроксиматива I. Проявляются и другие модификации пространственного значения:

1) Указание на предмет пространственной направленности с относительным достижением его границ: кз. *Кык нылыс эз жё нин сэсся волыны мянланьё...* (Торопов I : 87) 'Эти две девушки тоже уже не приходили в нашу сторону (букв. в сторону нас), к нам';

2) Указание на предмет, по направлению к которому расположен другой предмет. Например, кз. *Паслётчёмыс Висерсяньыс дас кык кымын километр, сійё водзын, Одыбланьё* (КЛП : 80) 'Пасвомын находится от Богородска на расстоянии около двенадцати километров, он дальше, в сторону Нившеры'; уд. ... *меланьё вёйтъча сулалё* '... стоит ко мне лицом' (ОКЗР : 256);

3) Указание на предмет, недалеко, около, вблизи которого локализуется или осуществляет действие другой предмет. Например, кз. *Сійё стрёйтчис сикт помланьё* 'Он строился в конце села'.

Вторичные значения.

2. Относительное время. Содержит указание на границу относительного времени, в направлении которого протекает действие предмета: кз. *Лун шёрланьё кадыс матысмё* (И.Торопов) (ВК 1983, 8 : 20) 'Время приближается к полудню', а также относительный промежуток времени, более или менее близкий к внешней границе времени-ориентира, без непосредственного смыкания с ним: кз. *Август помланьё* кумён лёсьёдчисны мунны *Печора вылё* ... (Торопов I : 22) 'Ближе к концу августа втроем собрались ехать на Печору...';

3. Объект относительного сходства, соответствия: кз. *Нылыс чужёмнас мамысланьё мунё* 'Девочка лицом похожа на мать'; уд. *Айысланьё нырвомыс ветлё* 'Похож лицом на отца' (Сорвачева 1950 : 61).

7.3. *Генезис и типология значений.* Большинство приблизительно-местных падежей одно-двузначны. Они реализуют пространственное или пространственно-временное значения, в то время как исходные элементы суффиксов в самостоятельном употреблении многозначны. Следовательно, при формировании новых суффиксов на базе уже имеющихся не происходит механического заимствования всех значений одного из компонентов. Поэтому на примере приблизительно-местных падежей можно проследить развитие функций новых падежных форм, образованных на основе уже существующих падежных морфем. Следует отметить, что пространственное значение падежей складывается из двух сем: они одновременно выражают двигательные (статика-динамика) и локально-ориентирующие (внутри, вне, около) отношения. При контаминации суффиксов меняется соотношение сем: один из суффиксов (*-лань*) теряет сему двигательных отношений и начинает выступать только как носитель

локально-ориентирующей семы, другой суффикс, сохраняя сему двигательных отношений, теряет локально-ориентирующую сему. Такое изменение сем в структуре семантики суффиксов приводит к образованию нового значения. При формировании сложного суффикса, семантика которого близка к семантике исходного элемента, возможно полное копирование всех семантико-синтаксических функций, как произошло в случае аппроксиматива II. Выступая в качестве коаффикса, *-лань-* хотя и теряет свою локально-ориентирующую сему – лативный характер, однако присоединившийся к нему иллативный суффикс снова придает его новому суффиксу. Образование суффиксов приблизительно-местных падежей произошло иконическим способом, подобно *s*-овым и *l*-овым падежам прибалтийско-финских языков.

В удмуртском языке приблизительно-местные падежи с коаффиксом *-лань-* не зафиксированы. Однако сложные суффиксы с *-лань-* проявляются в структуре некоторых наречий места: *азьлане* 'вперед', *азьланьзэ* 'в будущем, в дальнейшем, далее'; *азьланьлы* 'на будущее'; *азьланьын* 'впереди' (УРС : 23-24); *вылланьтй* 'поверху' (УРС : 101); *вылланьын* 'вверху, наверху, повыше' (УРС : 101); *вылланьысен, вылланьысь* 'с верхней стороны, сверху' (УРС : 101); *уллаңтй, уллаңтй* 'по низовью; понизу', *уллаңэзь* 'до низовья, до низовьев', *уллаңын* 'в низовьях, в низовье' (УРС : 447); *уллаңысен, уллаңысь* 'с низовьев, с низовья' (УРС : 448). Вторым компонентом суффиксов являются типично удмуртские суффиксы, обобщенные в склонении существительных, кроме суффиксов пространственных падежей, в них представлены также суффиксы аккузатива и датива: *-лане;* *-ланьын;* *-ланьтй;* *-ланьысь;* *-ланьысен;* *-ланэзь;* *-ланьзэ;* *-ланьлы*. В финно-угроведении принято считать, что в составе послелогов и наречий нередко сохраняются падежные суффиксы, утраченные в склонении существительных. Именно на основе анализа структуры этих частей речи восстанавливаются падежные формы праязыков (см. Основы I; Ермушкин 1978 : 156; Коведяева 1978 : 50; Майтинская 1982 : 22 и др.). Поэтому можно предположить, что формирование наречий (падежей !?) со сложными суффиксами с коаффиксом *-лань-* началось уже, по крайней мере, в конце прапермского периода.

Функциональным соответствием приблизительно-местным падежам в коми-зырянском языке выступают послеложные конструкции, образованные с помощью суффикса *-ла* и послелогов чаще всего с основой на *дор-* 'место около, возле чего-либо': *керкала дорын* 'в стороне дома', *керкала дорысь* 'со стороны дома', *керкала дорсянь* 'со стороны дома', *керкала дорті ~ керкала дордд* 'около, вблизи, мимо дома (пройти)', *керкала дорддз* 'до места около дома', *керкала дорд* 'в сторону дома'. При сравнении данных форм с бессуффиксальными послеложными сочета-

ниями (*керка дорын* 'в стороне дома', *керка дорысь* 'от дома', *керка дорсян* 'от дома', *керка дорті* ~ *керка дордд* 'мимо, около дома', *керка дорддз* 'до дома', *керка дорд* 'к дому') обнаруживается, что *-ла* является носителем такого же значения, что и коаффикс *-лань-* в приблизительно-местных падежах с разницей, что это значение не так явно выражено и немного конкретнее. Функционирование послелогов с *-ла* отмечается в коми-язьвинском наречии: *мэ тумнас бѣд ладѣрѣт витлѣти* 'я в молодости везде ходил', *куд ладѣрс'ан локтан?* 'с какой стороны идешь?' (Лыткин 1961 : 139), а также в коми-пермяцком языке: *кымѡрыс муніс вѡр ладорѣт* 'туча прошла той стороной, где лес' (КПРС : 217; Майтинская 1982 : 47; Rédei 1962 : 62). Наиболее часто из указанной серии послелогов реализуется иллативная форма, которая в ряде диалектов функционально заменяет аппроксиматив I и вытесняет его на второй план. Следует отметить, что в диалектах между суффиксом *-ла* и послеложной основой может появляться *с*-овый элемент, в отношении происхождения которого выдвинуты две гипотезы. Б.А.Серебренников (1964 : 29) предполагает генетическую связь *с*-ового элемента с *с*-овым лативом, выступающего в некоторых падежах прибалтийско-финских и волжских языков. Э.Итконен предусматривает *с*-овый притяжательный суффикс 3-го л. ед. ч. (Itkonen : 1966). Однако предложенные объяснения представляются недостаточно обоснованными: в пермских языках отсутствует *с*-овый латив, *с*-овый элемент встречается также в образованиях без суффикса *-ла*. Ср. вв. (Крч.) печ. скр. сс. *таладор*, вым. уд. (Гл.) *таладор*, вым. уд. нв. иж. *таздор* 'эта сторона' (ССКЗД : 364). Поэтому вопрос нельзя считать окончательно решенным. Необходимо признать, что маркер *-лас-* невозможно рассматривать как падежный суффикс, ибо он не функционирует самостоятельно, а проявляется только в сочетании с послелогам. Иного мнения придерживаются Б.А.Серебренников и К.Е.Майтинская (Серебренников 1962 : 30; Майтинская 1979 : 124).

Пространственные падежи, выражающие приблизительно-местные отношения, представлены только в коми языках. В других финно-угорских языках, в том числе и в удмуртском, данные отношения реализуют послелог, семантика которых также ограничивается выражением пространственно-временных отношений. Например, удм. *пала* 'к, в сторону, на': *гурт пала* 'к деревне, в сторону деревни'; *палан* 'около, близ; на': *нюлэс палан* 'около леса'; *паласен* 'со стороны; примерно (приблизительно) с (около)': *школа паласен* 'со стороны школы'; *палась* 'с, со стороны': *гурт палась* 'со стороны деревни'; *палтій* 'близ, около; по... стороне': *зарезь палтій* 'близ моря'; *палозь* 'приблизительно, примерно до': *тулыс палозь* 'почти до весны' (УРС : 329-330); эст. *poole* 'по направлению к': *metša poole* 'по направлению к лесу, в сторону леса'; *pooli* 'со стороны': *tuul on*

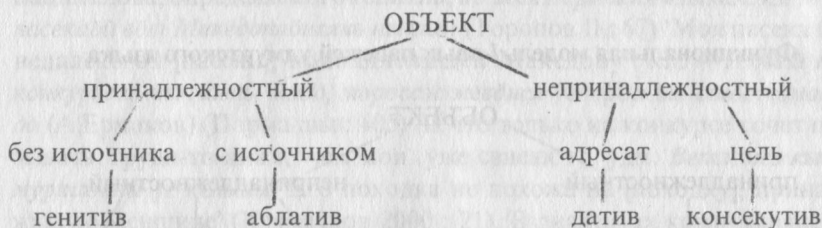
metša poolt 'ветер со стороны леса'; мар. *велке* 'в сторону': *ола велке* 'в сторону города'; *велым* 'со стороны': *ола велым* 'со стороны города'; *велысе* 'на стороне': *чодыра велысе олык* 'луг, расположенный на стороне леса' и т.п.

В большинстве случаев эти послелогии образованы от лексем со значением 'сторона, край'.

8. Общая характеристика функционирования *l*-овых падежей в пермских языках

8.1. *Системные отношения и функциональная модель l-овых падежей.* В современных пермских языках система *l*-овых падежей проявляет количественное и функциональное различия. В удмуртском языке она состоит из четырех функциональных единиц, в коми – из 11. Каждый из падежей обладает определенной системно-функциональной характеристикой и представляет собой самостоятельную функциональную единицу. Падежи находятся в разных по силе оппозициях, соответственно чему занимают места в системе. Отношения *l*-овых падежей между собой в пределах системы в удмуртском и коми языках различны, что объясняется их количественным и функциональным различием.

Как уже отмечалось, *l*-овые падежи в коми языке образуют систему принадлежностных падежей (генитив, аблатив, датив), входят в группу внешнеместных (аппроксиматив) и объектных (консекутив) падежей (СКЯ I : 137-138; КПЯ : 184-193), в удмуртском – в группу субъектно-объектных (генитив, аблатив и датив) и местных (аппроксиматив) падежей (ГСУЯ I : 86). Исходя из основных значений падежей в синхронии, определим функциональную модель *l*-овых падежей. В коми языках противопоставляются местные и объектные падежи, в группу объектных включаются и принадлежностные. По основным значениям в группе объектных падежей объединяются, с одной стороны, генитив и аблатив на основе выражения принадлежностных отношений, с другой – датив и консекутив на основе выражения направленности действия. Следовательно, все объектные падежи противопоставляются по выражению / невыражению принадлежностных отношений. Падежи с принадлежностным значением образуют оппозицию по характеру выражения принадлежностных отношений – без источника (генитив), с источником (аблатив). Падежи с непринадлежностным значением, объединяясь выражением направленности действия, противопоставляются характером направленности – к объекту, для объекта (датив), за объектом (консекутив).

В группу местных падежей объединяются приблизительно-местные падежи и аппроксиматив, которые образуют функциональную модель с позиции выражения пространственных отношений. Выделяется несколько ступеней функциональной иерархии, основанных на следующих оппозициях: а) по выражению динамической направленности /локации (аппроксиматив-инессив и все остальные падежи); б) по характеру выражения динамической направленности: трасса (аппроксиматив-пролатив) и пункт движения (все оставшиеся падежи); в) по характеру выражения пункта направленности: исходный (аппроксиматив-элатив; аппроксиматив-эгрессив) и конечный (все оставшиеся падежи);⁴ г) по характеру выражения конечного пункта движения: предел (аппроксиматив-терминатив) и ориентир (аппроксиматив I, аппроксиматив II).

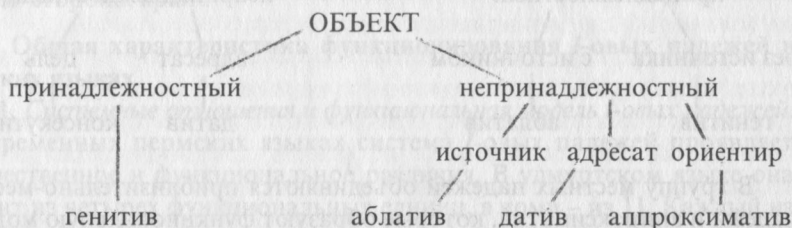
Иерархическая система пространственных /-овых падежей коми языков

/-овые падежи в удмуртском языке противопоставляются по выражению / невыражению принадлежностных отношений. К принадлежностным падежам в удмуртском языке относится только генитив. Падежи с непринадлежностным значением объединяются выражением направленности действия, но противопоставляются характером направленности –

к объекту (датив), по направлению к объекту (аппроксиматив) и от объекта (аблатив).

Функциональная модель *I*-овых падежей удмуртского языка

Оппозиционные отношения в системе *I*-овых падежей во всех пермских языках многоступенчаты и разнообразны. На различных ступенях иерархии наблюдается разное количество членов оппозиции. На верхних ступенях обычно один член противопоставляется нескольким. Это характерно для всей падежной системы пермских языков, где проявляются многочленно-комплементарные отношения и опосредованные функциональные связи между отдельными падежными формами (о системных отношениях в группе пространственных падежей коми-зырянского языка см. Некрасова 1989).

8.2. *Некоторые особенности дистрибуции I-овых падежей.* В пермских языках падежные формы принимают существительные, местоимения, при субстантивации – также прилагательные и числительные. Слова, выступающие в атрибутивной функции (прилагательные, числительные, местоимения, причастия), не согласуются с определяемым словом, лишь в удмуртском языке с указательно-выделительными суффиксами они принимают падежные формы: *вылезлы книгалы* ‘новой книге’, *куинезлы книгалы* ‘трех книгам’. Следует отметить, что в удмуртском языке словоформы с указательно-выделительными суффиксами могут иметь две падежные формы. Наиболее распространены формы, образованные на основе генитива: *гуртлэнзлы* ‘тому, который принадлежит деревне’; *гуртлэнзтэк* ‘без того, который принадлежит деревне’ (Алатырев 1970 : 6). В удмуртских диалектах встречаются словоформы не только с двумя, но и тремя падежными суффиксами: удм. бавл. *Шур улын Гарась Петькалэнъёсызлэнъёсыз куаш каро* ‘У речки шумят те, которые являются детьми детей Федора Герасимовича’; удм. (Можга) *Одйг ведра киярез сётъямы бригадир-мылэнъёсызлэнъёсызлы* ‘Ведро огурцов раздали тем, которые являются внуками-внучками (или племянниками-племянницами) нашего бригадира’ (Алатырев 1970 : 9-10). Одновременное употребление суффикса генитива

с другой падежной формой проявляется преимущественно при элиминации слова, определяемого генитив, во всех пермских языках: кз. *Менам пасекаой вöлі Македонлõнсянь неылын* (Торопов II : 67) 'Моя пасека была недалеко от [пасеки], принадлежащей Македону'; кп. – *И мый токо конкурсвас мыччавны мөдö, мороссэс мевдñня удвöрöжык öшöтчöмась ни да* (А.Ермаков) (Парма шы : 405) 'И что только на конкурсе хочет показывать, груди-то ниже, чем мои уже свисают'; удм. *Ветлэмез кышно-муртлэны уг кельшы* 'Его походка не похожа на [походку], принадлежащую женщине' (Кельмаков 2000 : 21). В диалектах коми-зырянского языка встречается сочетание суффиксов консекутива и элатива: сс. *Турунлас'ыс воа да ветла* 'Привезу сено и схожу' (ССД : 34); скр. *Корöс'-лаыс' локтам вöли* 'Мы ходили ломать веники и как раз возвращались оттуда' (ПСД : 69). Сочетание падежных форм используется для одновременного выражения нескольких грамматических значений и объясняется типологической особенностью пермских языков – моносемантической суффиксов.

Некоторые падежные формы могут служить в качестве производящей основы новых лексем. В коми языках на основе аппроксимативной словоформы могут образоваться относительные прилагательные с суффиксом кз. *-са*, кп. *-ся*: кз. *Керкаясыс, кодьяс быттьö сикöтшиалёсны важгорт-саяслысь юланьса* му-видзö (Юхнин I : 23) 'Дома, которые как будто бусы, окружали прибрежные уголья жителей Важгорта'; кп. *Лöньсис асывланься лэчыт тöв* (В.Баталов) (Парма шы : 151) 'Притих резкий восточный ветер'.

Многозначность *l*-овых падежей предопределяет дистрибуцию форм: падежи могут присоединяться к лексемам всех лексико-семантических разрядов существительных. В удмуртском языке семантическая структура и сочетаемостные возможности *l*-овых падежей шире, чем в коми языках, где относительную ограниченность дистрибуции с неодушевленными существительными проявляют генитив, аблатив, датив.

8.3. *Функциональное развитие l-овых падежей.* В качестве категориальных значений большинства первичных *l*-овых падежей пермских языков выступают значения вторичного происхождения. Поэтому в случае генитива, датива, аблатива можно говорить о смене их общей функциональной характеристики и переходе в другую семантическую группу. Первичное локальное значение последовательно проявляется и выступает в качестве категориального значения только у аппроксиматива, отдельные диалектные и реликтовые реализации пространственного значения сохраняют датив и аблатив. Таким образом, языковые элементы, одинаковые по времени и способу образования, в синхронии обнаруживают разную ступень развития в процессе постепенного перехода конкретных падежей в грамматические. В коми языке к числу последних,

по мнению Р.Бейкера (Baker 1985 : 149-151), следует отнести генитив, аблатив и датив, эволюция которых им представлена следующим образом:

Местный падеж	→	Местный падеж	→	Грамматический падеж
(+ –) – одушевленность		(+) – одушевленность		(+) – одушевленность
управляется глаголами		управляется глаголами		не управляется
движения		движения		глаголами движения

Необходимо согласиться с выделением этапов развития падежей, ибо они частично зафиксированы языком. В качестве первой ступени выступают исходные локальные значения, вторую образует промежуточное звено при переходе от первичных значений к вторичным (например, пространственно-притяжательное значение генитива), и третью ступень составляют значения чисто вторичного происхождения. В последнем случае необходимо ввести некоторые уточнения. Следует отметить, что генитив, датив и аблатив нельзя однозначно рассматривать как чисто грамматические и ставить в один ряд с аккузативом и номинативом, они неоднородны семантически и обнаруживают разный удельный вес синтаксичности и семантической, особенно в удмуртском языке.

Генитив выражает принадлежностные и субъектные отношения во всех пермских языках, при реализации которых он выступает как обусловленная форма. В случае субъекта “касательства” он выполняет функцию свободной синтаксической формы, так как обнаруживает независимость от синтаксического окружения, реализуясь на уровне предложения. В коми языке присубстантивный генитив проявляет семантические ограничения, употребляясь в основном с существительными со значением лица. В удмуртском языке эти ограничения частично сняты. Идентичная картина наблюдается в отношении аблатива, который в удмуртском языке значительно отдален от коми аблатива в сторону конкретных падежей, в силу реализуемых им значений отделения от предмета, источника в широком смысле, объекта компенсации, причины. В коми языке аблатив выступает преимущественно в позиции при переходных глаголах, выражая посессивные отношения. При этом он обнаруживает сходные с дативом семантические ограничения. Поэтому на синхронном уровне генитив, аблатив и датив не следует относить к чисто грамматическим падежам, ибо грамматический падеж будет иметь признак (+–) – одушевленность.

Датив обладает широким функциональным диапазоном, регулярно реализуя объектные и субъектные отношения, функционируя преимущественно как связанная и обусловленная формы, что придает ему синтаксические свойства. Однако он менее централен, поскольку его употребление ограничено существительными, обозначающими лицо. Грамматическим

же считается падеж, который находится в непосредственной синтаксической связи с глаголом и максимально свободен от влияния внутреннего контекста (Курилович 1962; Володин 1974 : 286). Несмотря на то, что датив в современных пермских языках нередко реализует связи, близкие к связям прямого объекта, употребляясь в основном при переходных глаголах, все же он сильно привязан к определенному кругу лексико-семантических групп. Более того, в некоторых случаях он может выступать в качестве свободной синтаксической формы, проявляя независимость от синтаксического окружения, выступая в качестве распространителя предложения (например, значение предназначенности). Сложная комбинация грамматических и семантических значений позволяет определить датив как особую форму, находящуюся между двумя крайними полюсами, и отнести на вторую ступень синтаксической иерархии, где первый и третий уровни составляют, соответственно, грамматические и конкретные падежи. Падежи второго уровня не вступают в контакт с глаголом непосредственно, а лишь через посредство аккузатива. Здесь отмечается возрастание роли семантики, по сравнению с первым уровнем, т.е. грамматическими падежами. В пределах родственных языков и диалектов датив неоднороден, что связано с преобладанием синтаксических или же семантических значений. В удмуртском языке датив больше тяготеет к конкретным падежам, ибо семантическую разницу, по сравнению с коми, составляют именно конкретные значения, обусловленные преимущественно внутренним контекстом и реализующиеся в функции свободных синтаксических форм. Ср. значения времени, причины, меры, стоимости, цели, способа деления, количественной разницы. В настоящее время обнаруживается тенденция к снятию семантических ограничений формы, что проявляется в постепенном употреблении рассматриваемых падежей с неодушевленными существительными. Представляется, что генитив и аблатив в коми языке условно можно отнести к грамматическим, датив – к полуграмматическим падежам.

Разный уровень развития обнаруживают падежи идентичного характера в других финно-угорских языках. Падеж, выражающий дативные отношения, в большинстве прибалтийско-финских, а также самодийских языках характеризуется как конкретный, хотя в мордовских, марийском, ливском, венгерском языках сближается по общему характеру реализуемых значений к пермскому дативу. В большинстве сопоставляемых языков аблатив выступает как конкретный падеж, в отличие от которого генитив выполняет функции грамматического падежа, не обнаруживая семантических ограничений. Возникает вопрос, почему падежи с одинаковым первичным значением, нередко генетически общие в пределах родственных языков, обнаруживают разный уровень развития? Что ка-

сается коми языка, Р.Бейкер (Baker 1985 : 148) предусматривает проявление категории одушевленности в склонении как принуждающего фактора развития, что, действительно, можно принять в качестве рабочего варианта для *I*-овых падежей, но требует проверки на более широком материале, охватывающем всю падежную парадигму. Возможность проявления одушевленности в рассматриваемых падежах предопределена их первичным значением, наличием в семантической структуре семы эксклюзивности. Этим объясняется тот факт, что все значения, выражаемые коми дативом, аблативом и генитивом, реализуют также идентичные падежи удмуртского языка, которые, кроме того, обладают рядом коммуникативных функций, входящих в коми языке в семантическое поле послелогов или же других падежей. Отсюда закрепление категории одушевленности, как значащего фактора в склонении, зависит от особенностей и закономерностей конкретного языка. Немалую роль играет здесь наличие других грамматических средств идентичного содержания, их взаимодействие и распределение функциональных сфер, что конкретно определено в отношении коми языков. Проявление одушевленности у генитива, датива и аблатива привело к вторичной специализации их семантико-синтаксических функций. Данным процессом, видимо, объясняется появление консекутива в коми языке, что можно представить как транспозицию значений цели и причины датива в самостоятельную грамматическую единицу. Различая значения на уровне внутреннего контекста и функционируя в качестве свободной синтаксической формы, консекутив в современном коми языке входит в группу конкретных падежей. Идентичную характеристику содержат аппроксиматив и приблизительно-местные падежи, реализующие преимущественно локальные и вторичные семантические значения.

8.4. *Синонимичные отношения внутри системы I-овых падежей.* Большинство падежей многозначно. Поэтому члены падежной системы обнаруживают между собой функциональные взаимосвязи и перекрещивания, что проявляется в реализации разными падежными формами идентичных отношений. Синонимия наблюдается между формами, проявляющими общность генетического и/или семантического развития. Изменения в семантике и функционировании падежных форм можно проследить как при диахронном, так и синхронном анализе языка. *L*-овые падежи проявляют синонимичные отношения в пределах всей падежной системы, а также внутри группы как на фоне одного языка (диалектов), так и всех пермских языков. Поэтому можно выделить корреляции: 1) общезыковые, встречающиеся во всех пермских языках или же в одном из них; 2) межъязыковые, отмеченные при сопоставлении всех пермских

языков; 3) междиалектные, проявляющиеся в одном или нескольких диалектах одного из языков.

Функциональные корреляции *I*-овых падежей и других грамматических средств наиболее разнообразны. Разветвленную сеть корреляций на общепермском фоне проявляют аблатив и датив, которые в отличие от других падежей имеют развитую семантическую структуру. В случае аблатива при выражении различных семантико-синтаксических функций в синонимичные отношения включены преимущественно *s'*-овые падежи: аблатив – элатив – эгрессив – компаратив – консекутив – послеложные конструкции; в случае датива – *I*-овые падежи, а также грамматические элементы лативного характера (в синхронии и диахронии): датив – консекутив – аппроксиматив – иллатив – послеложные конструкции – генитив. Среди типов корреляций доминируют межъязыковые и междиалектные. При этом наблюдается употребление аблатива и датива в удмуртском языке, других грамматических средств – в коми языках, где употребление аблатива и датива регулируется одушевленностью / неодушевленностью, активностью / пассивностью субъекта. На общепермском фоне синонимичные отношения могут иметь несколько грамматических средств, например, датив (удм. *вулы* ‘за водой’) – консекутив (кз. кп. *вала* ‘за водой’) – иллатив (уд. *вуӧ* ‘за водой’) – послеложные конструкции (вым. уд. *ва дорӧ*, удм. *ву дуре* ‘за водой’) при выражении значения цели; аблатив (удм. *шунытлэсь* *лымы шуна* ‘от тепла снег тает’) – элатив (кз. *шоньдысьыс* *лымйыс сылӧ* ‘от тепла снег тает’) – эгрессив (*шоньытсянис* *лымьыс сылӧ* ‘от тепла снег тает’) – датив (кп. *шогыслӧ* ‘от горя’) – консекутив (кз. *шогысла* ‘от горя’) – аппроксиматив (уд. *шогланьыс* ‘от горя’) – инструменталь (удм. *ужен* ‘от работы’) при выражении значения причины; аблатив (удм. *солэсь* *жӛггес* ‘лучше него’) – элатив (кз. *сыысь* *шаньджык* ‘лучше него’) – компаратив (кп. *сыся* *шаньжыка* ‘лучше него’) – эгрессив (кп. вк. *сысянь* *шаньжыка* ‘лучше него’) при выражении сравнительных отношений. Приблизительно-местные падежи не обнаруживают синонимичных отношений с другими падежными формами, что объясняется их узкой семантикой.

Внутри системы *I*-овых падежей функциональные перекрещивания проявляют все члены системы. К общепермским следует отнести присубстантивные генитив и аблатив, объединяющиеся выражением посессивных отношений, но различающиеся позиционным употреблением. Данное явление характеризуется регулярностью во всех пермских языках и, видимо, относится к периоду прапермского языка: кз. *Степанлысь керкасӧ*, удм. *Степанлэсь корказэ* ‘дом Степана’. Общекоми корреляции образуют: а) датив и генитив при выражении различных модификаций значения демиактивного лица: кз. *менам* (*меным*) *оз узьсы* ‘мне (у меня) не спится’; *меным* (*менам*) *колӧ мунны* ‘мне (у меня) надо идти’; *меным* (*менам*) *дыш*

‘мне (у меня) лень’; б) некоторые из приблизительно-местных падежей – аппроксимативы I и II: *котёртны вёрлань (вёрланьё)* ‘бежать по направлению к лесу’; аппроксиматив-элатив и аппроксиматив-эгрессив: *тыдовтчис вёрланьысь (вёрланьсянь)* ‘показался со стороны леса’. Синонимия произошла на основе близости основных значений падежей. Межъязыковую корреляцию представляют: а) датив (удмуртский язык) и аппроксиматив (коми языки) при уточнении расстояния расположения предмета: удм. *шурлы матысь интыын*, кз. *шорлань матын* ‘близко к ручью’; б) датив (удмуртский, коми-пермяцкий языки) и консекутив (коми языки) при выражении цели и причины: удм. *вулы мыныны*, кз. *вала мунны* ‘идти за водой’; кп. *жарыслё*, кз. *жарысла* ‘из-за жары’; удм. *шулдырлы понна*, кз. *радысла* ‘от радости’. Синонимия возникла в результате расщепления прапермского аллатива на два самостоятельных падежа – датив и консекутив.

Междиалектные корреляции могут проявлять в коми языке: а) аблатив и генитив при выражении посессивных отношений без позиционных ограничений. Корреляция представлена в лузско-летском диалекте в сфере усилительно-личных местоимений: лл. *аслым – аслам* ‘свой (мой)’; б) аппроксиматив и консекутив в значении причины в удорском диалекте: кз. *шогысла*, уд. *шогланьыс* ‘от горя’. При выражении причины дистрибуция аппроксиматива шире консекутива. В удмуртском языке синонимичные отношения проявляют датив и аблатив в значении причины. Полную картину синонимических рядов можно получить при изучении условий употребления и возможности взаимозамены синонимичных форм в одинаковых типах конструкций, что позволит установить их структурно-смысловое сходство. Синонимия между *l*-овыми падежами в системе характеризуется реализацией идентичных отношений преимущественно в условиях разных контекстов, что объясняется функциональной предназначенностью грамматической единицы в языке для выражения определенных коммуникативных функций. Частичное совпадение позиций отмечается в основном в диалектах и вызвано развитием грамматических единиц по своим внутриязыковым законам, а также влиянием соседних языков. Сосуществование синонимичных форм может быть явлением временным и проявляться в течение нескольких столетий. Грамматическая синонимия и совместимость падежных форм в одинаковом типе контекста ведут к постепенному вытеснению одного из формантов, ср. отношения датива и генитива при выражении значения демиактивного лица. Закрепление в языке одной из форм для выражения определенного значения происходит постепенно, при этом существенную роль играют как внутриязыковые, так и экстралингвистические факторы. В результате перекрещивания, синонимии функций разных падежей одновременно

протекают два противоположных процесса – сужение и расширение семантической структуры и сферы функционирования падежей. Грамматическая система каждого языка для выражения определенных отношений располагает несколькими возможностями. Различные грамматические средства могут получать разные оттенки одного значения, становятся синонимами и служат дальнейшему обогащению, дифференциации и совершенствованию грамматического строя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Процесс образования *l*-овых падежей пермских языков идентичен таковому в прибалтийско-финских и марийском языках: представляет собой контаминацию *l*-ового деривационного суффикса с первичными падежными маркерами. В общепермском праязыке было четыре *l*-овых падежа (адессив, аблатив, аллатив, аппроксиматив), суффиксы которых в синхронии идентичны в консонантном отношении, проявляя лишь междиалектные корреспонденции огласовки. Возможно, что в ранний прапермский период *l*-овые падежи выступали с широким гласным, рефлекс которого сохраняются в морфемах всех пермских языков. Однако не исключается появление огласовки с узким гласным в поздний прапермский период. Окончательное формирование суффиксов произошло в период самостоятельного развития языков. Выделение консекутива в самостоятельный падеж относится к периоду пракоми языка.

2. *L*-овые падежи характеризуются многозначностью, количество функций варьируется в пределах системы. Генитив служит для выражения посессивных и субъектных отношений, обнаруживая идентичность семантического объема в родственных языках и диалектах. Общей функцией аблатива всех пермских языков является выражение принадлежностных отношений с указанием источника, в позиции при прямом объекте – без указания источника. В удмуртском языке отмечается реализация ряда других объектно-обстоятельственных отношений, причем некоторые из значений проявляет аблатив древнекоми письменных памятников, что может свидетельствовать о сужении функциональной сферы аблатива в коми языке. На фоне всех *l*-овых падежей полифункциональностью выделяется датив, семантическая структура которого охватывает все типы отношений – субъектные, объектные, обстоятельственные. Однако, как и в случае аблатива, датив коми языков обнаруживает некоторые ограничения в дистрибуции, что сужает функциональный объем. Аппроксиматив во всех пермских языках выступает как направительный местный падеж, вторичные функции немногочисленны и образо-

ваны в основном путем метафористического переосмысления исходного значения. Консекутив в коми-зырянском языке реализует значения цели и причины, в коми-пермяцком ограничивается выражением цели.

3. Взаимосвязь отдельных значений конкретной падежной формы прослеживается в их постепенном развитии на основе исходного значения, которым у всех *l*-овых падежей являлась функция выражения локальных отношений. Нередко развитие происходит через средние промежуточные звенья. Дискретность значений проявляется в позиционной реализации падежной формы в определенном типе контекста. В большинстве случаев отмечается доминирование минимального и среднего внешних контекстов, в случае консекутива обнаруживается распределение функций на уровне внутреннего контекста.

4. Падежи и другие грамматические единицы идентичного содержания в позиции тождественного контекста могут проявлять одинаковые значения, в результате чего возникает грамматическая синонимия. На общепермском фоне представлена синонимия *l*-овых падежей и послелогов или других падежных форм, а также внутрисистемная синонимия между отдельными *l*-овыми падежами. В пермских языках падежи могут функционировать как синонимы без дистрибутивных ограничений или же выступают в функции дополнительной дистрибуции, проявляя семантические и / или синтаксические ограничения. В синонимию включены *l*-овые падежи удмуртского языка и послелоги или другие падежные формы коми языков, что нередко вызвано характером (одушевленный / неодушевленный или же конкретный / отвлеченный) референта.

5. Падежи идентичного содержания, несмотря на различный источник происхождения, в родственных и неродственных языках могут иметь одинаковые значения, проявляя при этом типологический характер. Однако в каждом конкретном случае определенная реализация внутренних потенций падежной формы зависит от структуры, потребностей, наличия определенной системы средств выражения тех или иных отношений в соответствующем языке, нередко имеют место интерлингвистические причины. Основная часть значений, выражаемая *l*-овыми падежами пермских языков, находит типологические соответствия в большинстве финно-угорских и самодийских языков.

6. В процессе языкового развития падежи приобретают новые вторичные функции, некоторые из них постепенно начинают доминировать. Это может привести к функциональной транспозиции падежа, что наблюдалось в случае адессива (генитива), аблатива, аллатива (датива, консекутива) пермских языков. Явления транспозиции и нейтрализации способствуют развитию падежей в направлении от конкретных к грамматическим. Содержание семантических и синтаксических функций в падежах

колеблется. Среди *1*-овых падежей в качестве конкретных выступают в коми языках аппроксиматив, консекутив, приблизительно-местные падежи, в удмуртском – датив, аблатив, аппроксиматив, как грамматический падеж в коми языке – генитив и аблатив, в удмуртском – генитив, как полуграмматический датив коми языка.

7. В результате языкового развития возможно образование новых падежных форм с использованием типологических принципов образования для данной языковой семьи, что проявилось в коми языках в образовании приблизительно-местных падежей путем контаминации суффикса аппроксиматива с другими формами местных падежей; в коми-пермяцком языке – в трансформации серийных послелогов с основой на *был-* ‘верх’.

Алатырев 1983 – Алатырев В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь (ок. 35 000 слов). – М.: Рус.яз., 1983. – С. 561-592.

Алатырев 1937 – Алатырев В.И. Падежи в удмуртском языке: Тез. к 1-й республ. языковой конф. – Ижевск: Удмурт. госиздат, 1937. – 8 с.

Алатырев 1970 – Алатырев В.И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке. (Расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г.Таллине). – Ижевск, 1970. – 74 с.

Алвре 1986 – Алвре П. [Рецензия] // СФУ. – Таллин, 1986. – Т. XXII, № 2. – С.154-157. – Рец. на дис. ... д-ра филол. наук Беккер Э.Г. Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка. – Томск, 1984.

Апресян 1967 – Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 252 с.

Апресян 1969 – Апресян Ю.Д. Синонимия и синонимы // ВЯ, 1969. – № 4. – С. 75-91.

Аристэ 1955 – Аристэ П.А. S-овый иллатив в прибалтийско-финских языках: Докл. и сообщения (ИЯ АН СССР – 7). – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 22-31.

Аристэ 1956 – Аристэ П.А. Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа / Под ред. Х.А.Моора. – Таллин: Эстгосиздат, 1956. – С. 5-27.

Архипов 1978 – Архипов Г.А. Морфологические особенности средне-южного диалекта удмуртского языка // О диалектах и говорах южно-удмуртского наречия / Ред. кол.: Г.А. Архипов, В.М.Вахрушев (отв.ред.), В.К.Кельмаков, Р.Ш.Насибуллин. – Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1978. – С. 3-46.

Атаманов 1978 – Атаманов М.Г. Морфологическая структура удмуртских микроэтнонимов // СФУ XIV. – Таллин, 1978. – № 2. – С. 121-127.

Бараксанов 1964 – Бараксанов Г.Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. – 63 с.

Баталова 1975 – Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 252 с.

Баталова 1982 – Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). – М.: Наука, 1982. – 167 с.

Баталова 1990 – Баталова Р.М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. – М., 1990. – 205 с.

Баталова 1995 – Баталова Р.М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. – М.-Гамбург, 1995. – 197 с.

Баталова 1998 – Баталова Р.М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: Науч. доклад. – М., 1998. – 70 с.

Беккер 1978 – Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. – 208 с.

Бондарко 1983 – Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

Бубрих 1949 – Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. – 199 с.

Бубрих 1953 – Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск: Морд. книж. изд-во, 1953. – 272 с.

Бубрих 1955 – Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка / Прим. В.И.Лыткина. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 187 с.

Бубрих 1975 – Бубрих Д.В. Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках // Керт Г.М. Дм.Вл.Бубрих. 1890-1949. Очерк жизни и деятельности. – Л.: Наука, 1975. – С. 61-102.

Бушмакин 1971 – Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск-М., 1971. – 364 с.

Вахрушев 1980 – Вахрушев В.М. Субстантивные словосочетания в удмуртском языке // Словосочетания в удмуртском языке / Ред.: В.М. Вахрушев, Р.И. Яшина. – Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1980. – С. 124-168.

Вежицка 1985 – Вежицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика / Ред. Г.В. Булыгина. – М.: Прогресс, 1985. – С. 303-341.

Виноградов 1972 – Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие. Изд. 2-е. – М.: Высш. школа, 1972. – 614 с.

Володин 1974 – Володин А.П. Падеж: форма и значение или значение и форма? // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках / Ред. П.Я. Скорик и др. – М.: Наука, 1974. – С. 261-291.

Всеволодова, Владимирский 1982 – Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М.: Русс. яз., 1982. – 264 с.

Гак 1965 – Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского-русского языков. – М.: Высш. школа, 1965. – 379 с.

Гак 1985 – Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики / Ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1985. – С. 5-15.

Галкин 1964 – Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка: Учебн. пособие для студентов. Ч. I. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 204 с.

Галкин 1975 – Галкин И. Некоторые вопросы проницаемости языков // CIFU III. Pars I. – Tallinn, 1975. – С. 67-71.

Галкин 1979 – Галкин И.С. О древнем значении латива на -n' в финно-угорских языках // Вопросы истории и диалектологии / Ред. Н.И. Исанбаев. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1979. – С. 112-116.

Галкин 1980 – Галкин И.С. Об относительной хронологии в развитии местных падежей // Вопросы грамматики и лексикологии / Ред. Н.И. Исанбаев. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. – С. 22-28.

Глезденев 1921 – Глезденев П.П. Краткая грамматика языка народа удмурт. – Вятка, 1921. – 55 с.

ГМЯ – Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология: Учебник для нац. отд-ний вузов. – Саранск: Морд. гос. ун-т, 1980. – 430 с.

Грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – М.: Наука, 1980. – 783 с.

Грузов 1969 – Грузов Л.П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. – Йошкар-Ола: Маркнигиздат, 1969. – 211 с.

ГСУЯ I – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Ред. кол.: П.Н.Перевошиков (отв. ред.), В.М.Вахрушев, В.И.Алатырев, А.А.Поздеева, И.В.Тараканов. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

ГСУЯ II – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 250 с.

Гуляев 1960 – Гуляев Е.С. Происхождение падежей с элементом *сь* в коми языке // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1960. – Вып.5. – С. 131-160.

Гуляев 1961 – Гуляев Е.С. С'-овые падежные суффиксы в коми языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1961. – 276 с.

ГФЯ – Грамматика финского языка. Фонетика и морфология / Ред. кол.: Б.А. Серебrenников, Г.М. Керт. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 296 с.

Дмитриева 1998 – Дмитриева Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): Дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1998. – 195 с.

Дмитриев 1948 – Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.

Емельянов 1927 – Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка. – Л.: Изд-во Ленингр. восточн. ин-та, 1927. – 160 с.

Ермушкин 1978 – Ермушкин Г.И. Типологическая эволюция системы местных падежей в истории мордовских языков // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам / Отв.ред. Б.А.Серебренников. – М.: Наука, 1978. – С. 155-265.

Жилина 1975 – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка: Научный отчет. – Сыктывкар, 1975. – 268 с. (Архив Коми НЦ УрО РАН, ф.5, оп.2, ед.хр. 143).

Загуляева 1980 – Загуляева Б.Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1980. – 174 с.

Зайцева М. 1981 – Зайцева М.И. Грамматика вепсского языка (Фонетика и морфология). – М.: Наука, 1981. – 360 с.

Зайцева Н. 1981 – Зайцева Н.Г. Именное словоизменение в вепсском языке (История и функционирование форм слова). — Петрозаводск: Карелия, 1981. – 218 с.

Закиев 1970 – Закиев М.З. О некоторых синтаксических моделях в алтайских и уральских языках // Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания: Ученые записки Башкир. гос. ун-та / Ред. Д.Г.Киекбаев. Вып. 42. Сер. филологическая 15. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1970. – С. 23-31.

Зимин 1985 – Зимин В.С. Некоторые особенности словосложения и сложных имен существительных в коми языке // VI МКФУ. Тезисы I. – Сыктывкар, 1985. – С. 112.

Золотова 1973 – Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

Иванов, Тужаров 1970 – Иванов И.Г., Тужаров Г.М. Северо-западное наречие марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. – 216 с.

Игушев 1990 – Игушев Е.А. Стилистика грамматических категорий коми языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – Тарту, 1990. – 320 с.

Игушев 1996 – Игушев Е.А. Коми диалектология: Учебное пособие. – Сыктывкар: Сыкт. ун-т, 1996. – 94 с.

Игушев 1998 – Игушев Е.А. Нима кывсикасьяслӧн стилистика. Велӧдчан небӧг. – Сыктывкар: Сыкт. ун-т, 1998. – 55 с.

Игушев 2000 – Игушев Е.А. Перым кывъяслӧн ӧткодялан грамматика (Сравнительная грамматика пермских языков): Учебное пособие. – Сыктывкар: Сыкт. гос. ун-т, 2000. – 71 с.

Иевлева 1984а – Иевлева Т.М. Синтаксис глагола в коми языке (связь глагола с подлежащим и дополнением): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 17 с.

Иевлева 1984б – Иевлева Т.М. Безличные глаголы и их валентность в коми языке // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка / Отв.ред. Г.Г.Бараксанов. – Сыктывкар, 1984. – С. 67-86. (Тр. ИЯЛИ Коми филиала АН СССР; Вып. 31).

Иллич-Свитыч 1976 – Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков II. Сравнительный словарь I-ž. – М.: Наука, 1976. – 156 с.

Исанбаев 1961 – Исанбаев Н.И. Деепричастия в марийском языке. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1961. – 152 с.

Каракулова, Каракулов 2000 – Каракулова М.К., Каракулов Б.И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие. – Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2000. – 92 с.

Карпова 1997 – Карпова Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997. – 224 с.

Кацнельсон 1972 – Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

Кибрик 1970 – Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений // Язык и человек / Ред. В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С.110-156.

Кельмаков 1969 – Кельмаков В.К. Кукморский диалект удмуртского языка: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 1969. – 683 с.

Кельмаков 1971 – Кельмаков В.К. Вопросы словообразования имен существительных в кукморском диалекте удмуртского языка // СФУ VII. – Таллин, 1971. – № I. – С. 19-28.

Кельмаков 1978 – Кельмаков В.К. Краткая характеристика кырык-масских говоров южноудмуртского наречия // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. – Ижевск, 1978. – С. 65- 85.

Кельмаков 1998 – Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Кельмаков 2000 – Кельмаков В.К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2000. – 72 с.

Клобуков 1986 – Клобуков Е.В. Семантика падежных форм как проблема русской морфологии // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – 1986. – № 3. – С. 37-49.

Коведяева 1978 – Коведяева Е.И. Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам / Отв. ред. Б.А.Серебренников. – М.: Наука, 1978. – С. 49-154.

Козлов 1808 – Зырянская грамматика. Соч. Ф.Козлова, 1808 (рукописн.) (Литературно-мемориальный музей им. И.А.Куратова, Сыктывкар).

Комаров 1971 – Комаров А.П. Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 70 с.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: Учебник для вузов. – Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1962. – 340 с.

Крейнович 1958 – Крейнович Е.А. Юкагирский язык. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 288 с.

Кривошекова-Гантман 1965 – Кривошекова-Гантман А.С. Гидронимика Коми-пермяцкого округа // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию проф. В.И.Лыткина / Отв. ред. К.Е.Майтинская. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – Вып. 3. – С. 35-44.

Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980 – Кривошекова-Гантман А.С., Ратегова Л.П. Коми-пермяцкие говоры. – Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1980. – 69 с.

Кросс 1983 – Кросс К.Я. Инструктив в прибалтийско-финских языках: Дис... канд. филол. наук. – Таллин, 1983. – 207 с.

Кубрякова 1981 – Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

Кудаев 1985 – Кудаев С.П. Лексико-грамматическая семантика генитива // Проблемы мордовско-русского билингвизма. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1985. – С. 67-77. (Тр. НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Морд. АССР; Вып. 81. Сер. лингвистическая).

Кузнецова 1967 – Кузнецова З.И. Язык письменных коми памятников 18 в.: Дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1967. – 272 с.

Кузьмина 1964 – Кузьмина А.А. Категория причинности и практика. – М.: Высш. школа, 1964. – 96 с.

Куратов 1939 – Куратов И.А. Лингвистические работы. – Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1939. – 136 с.

Курилович 1962 – Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сб. статей. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 175-203.

Кюннап 1971 – Кюннап А. Об инструментале в южно-самодийских языках // СФУ. – 1971. – № 3. – С. 210-218.

Кюннап 1985 – Кюннап А. [Рецензия] // СФУ. – Таллин, 1985. – Т. XXI, № 4. – С. 302-304. – Рец. на: *Urálisztikai tanulmányok* (Hajdú Péter 60. születésnapja tiszteletére). Szerkesztők Bereczki G., Domokos P. – Budapest, 1983. – 475 o.

Лаанест 1959 – Лаанест А. Субстантивный атрибут в прибалтийско-финских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таллин, 1959. – 32 с.

Лайонз 1978 – Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

Лобанова 1978 – Лобанова А.С. Кочёвский диалект коми-пермяцкого языка: Дис... канд. филол. наук. — М., 1993. — 167 с.

Ломтев 1956 – Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 596 с.

Лыткин 1952 – Лыткин В.И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 175 с.

Лыткин 1957 – Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Ч.1. Введение, фонетика. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. — 136 с.

Лыткин 1961 – Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 228 с.

Лыткин 1964 – Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. — М.: Наука, 1964. — 270 с.

Лыткин 1971 – Лыткин В.И. [Рецензия] // ВЯ. — 1971. — № 5. — С. 139-141. — Рец. на: Symposion über Syntax der uralischen Sprachen. Am Auflage von W.Schlachter. — Göttingen, 1970.

Лыткин 1975 – Лыткин В.И. О вокализме непервого слога финно-угорских языков // CUFU III. Pars I. — Tallinn, 1975. — С. 41-58.

Лыткин 1977 – Лыткин В.И. Историческая морфология коми языка: Учебн. пособие. — Пермь-Сыктывкар: Пермск. ун-т, 1977. — 86 с.

Лыткин 1889 – Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык: Пособие при изучении зырянами русского языка. — СПб.: Изд-во импер. акад. наук, 1889. — 232 с.

Ляшев 1975 – Ляшев В.А. Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка: Дис. ... канд. филол. наук. — Сыктывкар, 1975. — 267 с.

Майтинская 1950 – Майтинская К.Е. Развитие системы падежей в венгерском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1950. — 554 с.

Майтинская 1955 – Майтинская К.Е. К вопросу о категории падежа (На материале финно-угорских языков) // Вопросы грамматического строя. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 226-249.

Майтинская 1955 – Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч.1. Введение. Фонетика. Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 304 с.

Майтинская 1960 – Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч.3. Синтаксис. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 376 с.

Майтинская 1969 – Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. — М.: Наука, 1969. — 309 с.

Майтинская 1979 – Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. — М.: Наука, 1979. — 263 с.

Майтинская 1982 – Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. — М.: Наука, 1982. — 186 с.

Майшев 1950 – Майшев И.И. Грамматика коми-пермяцкого языка. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 83 с.

Малашенко 1972 – Малашенко В.П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та. – 172 с.

Мартынов 1971 – Мартынов В.В. Синтактика падежей и семантика фраз // День Артура Озола. Категория падежа в структуре и системе языка: Материалы научн. конф. – Рига: Латвийск. гос. ун-т, 1971. – С. 86-87.

Мельников 1980 – Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 39-64.

Михайлов 1873 – Михайлов П. Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка. – Архангельск, 1873. – 74 с.

Могилин 1786 – Могилинъ М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ 1786 = Могилин М. Опыт краткой удмуртской грамматики. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 203 с. (С. 14-108).

Насибуллин 1972 – Насибуллин Р.Ш. Закамские говоры удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 202 с.

Насибуллин 1978 – Насибуллин Р.Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. – Ижевск, 1978. – С. 86-151.

Некрасова 1986 – Некрасова Г. К истории изучения /-овых падежей в коми языке // Fenno-Ugristica. (Труды по финно-угроведению, 13). – Тарту, 1986. – С. 105-116

Некрасова 1987 – Некрасова Г.А. /-овые падежи в коми языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1987. – 243 с.

Некрасова 1989 – Некрасова Г.А. Функциональная модель местных падежей коми языка. – Сыктывкар, 1989. – 12 с. (Научные доклады/ Коми НЦ УрО АН СССР; Вып. 210).

Некрасова 1995 – Некрасова Г.А. Функциональное развитие присубстантивного генитива в финно-пермских языках. – Сыктывкар, 1995. – 24 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 363).

Некрасова 1997 – Некрасова Г.А. Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках. – Сыктывкар, 1997. – 40 с. (Научные доклады/ Коми НЦ УрО РАН; Вып. 388).

Некрасова 2000 – Некрасова Г.А. Коми кывйын кык вежлӧг формалӧн ӧттшӧтш паныдасьлӧм // Коми слово в грамматике и словаре. – Сыктывкар, 2000. – С. 30-41 (Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 62).

Некрасова 2000 – Некрасова Г.А. Коми кывлӧн историческӧй фонетика. – Сыктывкар, 2000. – 170 с.

Некрасова 2001 – Некрасова Г.А. К вопросу о статусе вариативных форм эггессива и инструменталя в диалектах коми-зырянского языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Сыктывкар: Изд-во Сыкт. ун-та, 2001. – С. 197-203.

Нечаев 1948 – Нечаев Г.А. Местные формы в коми языке. – Сыктывкар, 1948. – 109 с. (Архив Коми НЦ УрО РАН, ф. I, оп. II, д. 103).

Основы I – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / Ред. кол.: В.И.Лыткин, К.Е. Майтинская, К.Редеи, Я. Гуя, А.П.Феоктистов, Г.И.Ермушкин. – М., 1974. – 484 с.

Основы II – Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / Ред. кол.: В.И.Лыткин, К.Е.Майтинская, К.Редеи, Я. Гуя, А.П.Феоктистов, Г.И.Ермушкин. – М., 1975. – 348 с.

Основы III – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / Ред. кол.: В.И.Лыткин, К.Е.Майтинская, К.Редеи, Я. Гуя, А.П.Феоктистов, Г.И.Ермушкин. – М., 1976. – 464 с.

ОКК – Оня коми кыв. Морфология / В.М.Лудыкова, Г.А.Некрасова, Э.Н.Попова, Г.В.Федюнева, Е.А.Цыпанов. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанин, 2000. – 544 лб.

Паюсалу 1958 – Паюсалу Э. Внешнеместные падежи в прибалтийско-финских языках (функции падежей): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Таллин, 1958. – 40 с.

Перевощиков 1961 – Перевощиков П.Н. Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка // Вопросы составления описательных грамматик. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 267-279.

Перевощиков 1980 – Перевощиков П.Н. Глагольные словосочетания // Словосочетания в удмуртском языке. – Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1980. – С. 38-129.

Пешковский 1956 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

Попов 1842-1844 – Попов А. Грамматика зырянского языка (Центральный государственный исторический архив, ф. 834, оп. 3, д. 3371). – СПб., 1842-1844.

Потебня 1968 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. I-II. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.

Потебня 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Об изменении значений и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968. – Т. III. – 551 с.

Прокушева 1981 – Прокушева Т.И. Инфинитив в коми языке: Дис. ...канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1981. – 167 с.

Решетова 1982 – Решетова Л.В. Категория падежа в языках разных систем. – Ташкент, 1982. – 136 с.

Редеи 1996 – Редеи К. Влияние церковно-славянского языка на семантику и синтаксис древнезырянского. – Сыктывкар, 1996. – 59 с.

Рогов 1860 – Рогов Н.А Опыт грамматики пермяцкого языка. – СПб., 1860. – 207 с.

Ромбандеева 1973 – Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. – М.: Наука, 1973. – 208 с.

Савваитов 1850 – Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка. – СПб., 1850. – 168 с.

Серебренников 1958а – Серебренников Б.А. К критике некоторых методов типологических исследований // ВЯ. – 1958. – № 5. – С. 24-33.

Серебренников 1958б – Серебренников Б.А. Заметки по истории коми языка // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. – Вып.4. – С. 193-196.

Серебренников 1959 – Серебренников Б.А. Два спорных вопроса сравнительной грамматики финно-угорских языков // ВЯ. – 1959. – № 4. – С. 79-85.

Серебренников 1960 – Серебренников Б.А. О некоторых вопросах исторической грамматики коми языка // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. – Вып. 5. – С. 119-130.

Серебренников 1963 – Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Наука, 1963. – 391 с.

Серебренников 1964 – Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. – М.: Наука, 1964. – 183 с.

Серебренников 1967 – Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. – М.: Наука, 1967. – 262 с.

Серебренников 1981 – Серебренников Б.А. Путь на Ижму (О словообразовании) // *Lako-emlekkönyv*. – Budapest, 1981. – О. 192-195.

Серебренников 1982 – Серебренников Б.А. О некоторых проблемах истории финно-угорских языков // СФУ XVIII. – Таллин, 1982. – № 2. – С. 81-89.

Серебренников 1985а – Серебренников Б.А. О природе коаффиксов в падежных окончаниях уральских языков // VI МКФУ: Тезисы II. – Сыктывкар, 1985. – С. 106.

Серебренников 1985б – Серебренников Б.А. На финно-угроведческие темы // *Läänemere-soomalastest neenetsiteni. Uurimusi ja memuaare*. – Tallinn: Valgus, 1985. – С. 95-102.

Сидоров 1950 – Сидоров А.С. Синтаксис коми языка: Научный отчет I. – Сыктывкар, 1950. – 547 с. (Архив Коми НЦ УрО РАН, ф.1, оп. 11, ед.хр. 134).

Сидоров 1953 – Сидоров А.С. Порядок слов в предложении коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1953. – 104 с.

Скаличка 1966 – Скаличка В. К вопросу о типологии // ВЯ. – 1966. – № 4. – С. 22-30.

СКЯ I – Современный коми язык. Ч. 1. Фонетика. Лексика. Морфология / Под ред. В.И.Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – 312 с.

СКЯ II – Современный коми язык. Ч. 2. Синтаксис. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. – 284 с.

СМЯ – Современный марийский язык. Морфология / Ред. кол.: М.Г. Пенгитов, И.С. Галкин, Н.И. Исанбаев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 324 с.

Сорвачева 1950 – Сорвачева В.А. Морфологические особенности верхневашского говора коми языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1950. – 189 с.

Сорвачева 1972 – Сорвачева В.А. Удорский диалект коми языка: Отчет о научно-исследовательской работе за период 1969-1972 гг. – Сыктывкар, 1972. – 394 с. (Архив Коми НЦ УрО РАН, ф. 5, оп. 2, ед.хр. 92).

Сочинения – Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. // Первая научная грамматика удмуртского языка. – Ижевск: Удмуртия, 1975.

Судаков 1971 – Судаков Г.В. К теории падежного значения // РЯШ. – 1971. – № 5. – С. 70-72.

Тараканов 1975 – Тараканов И.В. Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания / Отв. ред. В.М.Вахрушев. – Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1975. – Вып.3. – С. 169-190.

Тараканов 1990 – Тараканов И.В. Основное направление развития морфологической системы пермских языков // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – М., 1990. – Т.2. – С. 180-182.

Тараканов 1997 – Тараканов И.В. Функции и значения л-овых падежей в удмуртском языке // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. – Ижевск, 1997. – С. 161-168.

Тепляшина 1970 – Тепляшина Т.И. Язык бесермян. – М.: Наука, 1970. – 288 с.

Тепляшина 1981 – Тепляшина Т.И. О новых удмуртских падежах // CUFU V. – Turku, 1981. – Pars VI. – С. 285-292.

Терещенко 1959 – Терещенко Н.М. О выражении посессивных отношений в самодийских языках // Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков: Тезисы докладов. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 44-50.

Терещенко 1973 – Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. – Л.: Наука, 1973. – 324 с.

Ткаченко 1985 – Ткаченко О.Б. Мерянский язык. – Киев: Наук. думка, 1985. – 207 с.

Тужаров 1977 – Тужаров Г.М. Сравнительный падеж в марийском языке // СФУ XII. – Таллин, 1977. – № 2. – С. 111-118.

Тужаров 1984 – Тужаров Г.М. Каузатив в марийском языке // СФУ XX. – Таллин, 1984. – № 1. – С. 34-41.

Туркин 1988 – Туркин А. Структурно-словообразовательный анализ коми топонимов // СФУ XVI. – Таллин, 1980. – № 4. – С. 275-285.

Туркин 1998 – Туркин А. Нижневычегодский диалект коми-зырянского языка. – Таллин-Гамбург, 1998. – 161 с.

Удморт 1924 – Удморт. Руководство к изучению вотского языка. – Ижевск, 1924. – 120 с.

Уемов, Уемова 1961 – Уемов А.И., Уемова Е.А. Логические функции падежных конструкций // Логико-грамматические очерки. – М.: Высш. школа, 1961. – С. 134-153.

Учаев 1982 – Учаев З.В. Марий йылме. I. Учебное пособие для факультативных занятий. – Йошкар-Ола: Изд-во Марий книга, 1982. – 184 с.

Федюнева 2000 – Федюнева Г.В. Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в языке. – Сыктывкар, 2000. – 77 с.

Феоктистов 1963 – Феоктистов А.П. Категория притяжательности в мордовских языках. – Саранск: Морд. книж. изд-во, 1963. – 184 с.

Филлмор 1981a – Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной грамматике. Вып. 10. Лингвистическая семантика / Ред. В.А.Звегинцев. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369-496.

Филлмор 1981b – Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной грамматике. Вып. 10. Лингвистическая семантика / Ред. В.А.Звегинцев. – М.: Прогресс, 1981. — С. 496-530.

Флеров 1913 – Флеров А. Зырянская грамматика. – СПб., 1913. – 42 с.

Фролова 1950 – Фролова Т.И. Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1950. – 302 с.

Хайду 1985 – Хайду П. Уральские языки и народы. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.

Хакулинен 1953 – Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч.1. Фонетика и морфология. – М.: Иностр. лит., 1953. – 312 с.

Хакулинен 1955 – Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч.2. Лексикология и синтаксис. – М.: Иностр. лит., 1955. – 292 с.

Хелимский 1982 – Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. – М.: Наука, 1982. – 164 с.

Цембер 1910 – Цембер А.А. Русско-зырянский словарь. – Усть-Сысольск, 1910. – 68 с.

Цыганкин 1977 – Цыганкин Д.В. Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование): Дис. ... д-ра филол. наук. – Тарту, 1977. – 428 с.

Цыпанов 1999 – Цыпанов Е.А. Перым-коми гижӧд кыв. – Сыктывкар: Пролог, 1999. – 176 лб.

Чеботарева 1984 – Чеботарева Н.Е. Функциональный анализ падежных форм и предложно-падежных конструкций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 29 с.

Чешко 1959 – Чешко Е.В. Падежи и предлоги в современном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Отв. ред. С.Бернштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 5-99.

Чешко 1973 – Чешко Е.В., Ревзин И.И. Соотношение морфологического и синтаксического уровня в категории падежа (падежи старославянского языка) // Старославянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава, август 1973 г.): Докл. советской делегации. – М.: Изд-во АН СССР, 1973. – С. 436-437.

Шелякин 1983 – Шелякин М.А. Опыт семантико-синтаксического описания дательного падежа русского языка // Грамматические и лексико-семантические проблемы описания языка: Труды по русской и славянской филологии. (Ученые записки ТГУ, 651). – Тарту, 1983. – С. 43-57.

Шелякин 1985 – Шелякин М.А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм // Проблемы функциональной грамматики / Ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1985. – С. 37-49.

Шутов 1978 – Шутов А.Ф. О субъектных конструкциях в удмуртском языке (на материале южных диалектов) // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. – Ижевск, 1978. – С. 152-157

Шутов 1979 – Шутов А.Ф. Абсолютные обороты в удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 21 с.

Шутов 2001 – Шутов А.Ф. О некоторых синтаксических параллелях в пермских языках // Пермистика –8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Сыктывкар, 2001. – С. 293-297.

Эльзбутас 1967 – Эльзбутас Ю. Употребление дательного падежа в современном русском языке // Русский язык в национальной школе. – 1967. – № 6. – С. 85-90.

Юдакин 1997 – Юдакин А.П. Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков. – М.: Глас, 1997. – 392 с.

Якобсон 1962 – Якобсон Р.О. Морфологические наблюдения над славянским склонением // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. II. Проблемы славянского языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 31-33.

Яковлев 1930 – Яковлев И.В. Удмурт кылрадъян (Элементарная грамматика вотского языка). – Ижевск: Удкнига, 1930. – 80 б.

Adler 1980 – Adler, E. Der dativische Genitiv im Wotischen // СФУ XVI. – № 3. – Tallinn, 1980. – S. 161-166.

Alhoniemi 1967 – Alhoniemi, A. Über die Funktionen der Wohinkasus im Tscheremissischen. – Helsinki, 1967. (MSFOu 142). – 375 S.

Alhoniemi 1977 – Alhoniemi, A. Zur Verwendung des Trennungskasus im Tscheremissischen // FUF 42. – Helsinki, 1977. – S. 5-131.

Alvre 1969 – Alvre, P. Soome keeleõpetuse reegliid. – Tallinn: Valgus, 1969. – 311 lk.

Alvre 1986 – Alvre, P. Zu den finnisch-ugrischen I-Kasus // СФУ XXII. – Tallinn, 1986. – № 2. – С. 81-87.

Aminoff 1896 – Aminoff T.G. Votjakin ääne- ja muoto-opin luonnos // JSFOu 2 (XIV). – Helsinki, 1896. – S. 1-48.

Ariste 1948 – Ariste, P. Vадja keele grammatika. – Tallinn: Teaduslik Kirjandus, 1948. – 132 lk.

Baker 1983 – Baker, R.W. Slavonic Influence Upon the Language of the Old Permian Texts // FUF 45. – Helsinki, 1983. – P. 82-106.

Baker 1985 – Baker, R. The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. – Helsinki, 1985. – 266 p. (MSFOu 189).

Bartens 1972 – Bartens, R. Inarilapin, merilapin ja luulajalapin kaasussyntaksi (case syntax of three Lapp Dialects). – Helsinki, 1972. – 180 s. (MSFOu 148).

Bartens 1973 – Bartens, R. Zur Syntax der Nominalsätze und der “sein”-Sätze syrjänischer Mundarten // Commentationes Fenno-Ugricae in honorem E. Itkonen sexagenarii die XXVI mensis aprilis anno MCMLXXIII. – Helsinki, 1973. – S. 36-43. (MSFOu 150).

Bátori 1969 – Bátori, I. Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjänischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen. – Wiesbaden, 1969. – 169 S.

Beke 1911 – Beke, Ö. Cseremisiz nyelvtan. – Budapest, 1911.

Bereczki 1979 – Bereczki, G. Tschuwassische Kasussuffixe im Tschere-
missischen // Festschrift für Wolfgang Schlachter zum 70. Geburtstag. – Wiesbaden,
1979. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 12). – S. 65-69.

Budenz 1884-1894 – Budenz, J. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. –
Budapest, 1884-1894. – 381 o.

Castrén 1844a – Castrén, M.A. Elementa grammatices syrjaenae. –
Helsingforsiae, 1844. – 166 p.

Castrén 1844b – Castrén, M.A. Declinatio nominum in lingua syrjaenae. –
Helsingforsiae, 1844. – 22 p.

Castrén 1845 – Castrén, M.A. Elementa grammatices tscheremissae. – Kuopio,
1845.

Collinder 1960 – Collinder, B. Comparative Grammar of the Uralic Languages.
– Stockholm, 1960. – 416 p.

Décsy 1965 – Décsy, G. Einführung in finnisch-ugrische Sprachwissenschaft.
– Wiesbaden, 1965. – 251 S.

Donner 1879 – Donner, O. Die gegenseitige Verwandtschaft der finnisch-
ugrischen Sprachen. – Helsinki, 1879. – 158 S.

Fokos-Fuchs 1966 – Fokos-Fuchs, D.R. Das syrjänische Komitativsuffix //
ALHung. 16 (1-2). – Budapest, 1966. – S. 63-79.

Gabelentz 1841 – Gabelentz H.C. Grundzüge der syrjänischen Grammatik. –
Altenburg, 1841. – 75 S.

Hajdú 1973 – Hajdú, P. Das sölkupische Translativsuffix -wla // FUF 40. –
Helsinki, 1973. – S. 20-28.

Hakulinen 1968 – Hakulinen, L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas,
korjattu ja lisätty painos. – Keuruu, 1968. – 527 s.

Hjelmstev 1935 – Hjelmstev, L. La catégoric des cas. Étude de grammaire
générale. – Aarhus, 1935. – 184 p.

Häkkinen 1983 – Häkkinen, K. Suomen kielen vanhinmasta sanastosta ja sen
tutkimisesta. Suomalais-ugrilaisten kielten etymologisen tutkimuksen perusteita
ja metodiikkaa. – Turku, 1983. – 447 s.

Itkonen 1966a – Itkonen, E. Kieli ja sen tutkimus. – Helsinki, 1966. – 427 s.

Itkonen 1966b – Itkonen, E. Esiintykö s-latiivi permiläisissä kielissä? // Vir.
2. – Helsinki, 1966. – S. 273-279.

Janhunen 1982 – Janhunen, J. On the Structure of Proto-Uralic // FUF 44. –
Helsinki, 1982. – P. 23-42.

Kangasmaa-Minn 1966 – Kangasmaa-Minn, E. The syntactical Distribution
of the Cheremis Genitive I. – Helsinki, 1966. – 234 p. (MSFOu 139).

Kangasmaa-Minn 1969 – Kangasmaa-Minn, E. The syntactical Distribution
of the Cheremis Genitive II. – Helsinki, 1969. – 144 p. (MSFOu 146).

Kettunen 1956 – Kettunen, L. Die Herkunft des Terminativs, Genitivs,
Instruktivs und Komitativs. – Helsinki, 1956. – 49 S.

Kokla 1983 – Kokla, P. Zum ostseefinnisch-permischen Lokalkasussystem // NyK 85. – Budapest, 1983. – S. 373-379.

Kont 1973 – Kont, K. Nominatiivis ja genitiivis esinevast substantiivsest atriбуudist soome-ugri keeltes // Commentationes Fenno-Ugricae in honorem E. Itkonen. – Helsinki, 1973. – S. 165-173. (MSFOu 150).

Korhonen 1975 – Korhonen, M. Merkmalhaftigkeit und Merkmallosigkeit in den finnisch-ugrischen Lokalkasussystemen // CIFU III. – Pars I. – Tallinn, 1975. – S. 111-117.

Korhonen 1979 – Korhonen, M. Entwicklungstendenzen des finnisch-ugrischen Kasussystems // FUF 43. – Helsinki, 1979. – S. 1-21.

Korhonen 1981 – Korhonen, M. Johdatus lapin kielen historiaan. – Helsinki, 1981. – 378 s. (SKST 370).

Kövesi 1954 – Kövesi, M.A. A Komi L-képző // NyK 55. – Budapest, 1954. – O. 98-116.

Kövesi 1975 – Kövesi, M.A. Bemerkungen zum Ursprung des “uralischen” n-Genitivs // CIFU III. Pars I. – Tallinn, 1975. – S. 118-124.

Künnap 1971 – Künnap, A. System und Ursprung der kamassischen Flexions-suffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion. – Helsinki, 1971. – 201 S. (MSFOu 147).

Künnap 1983 – Künnap, A. Uurali keelte kohakäänete päritolu probleemist // Fenno-ugristica, 10: Труды по финно-угроведению. – Tartu, 1983. – Lk. 52-59.

Künnap 1984 – Künnap, A. Entwicklungstendenzen des samojedischen Kasussystems // Linguistica et Philologica. Gedenkschrift für Björn Collinder (1894-1983) (Philologica Germanica 6). – Wien, 1984. – S. 207-291.

Larsson 1983 – Larsson L.-G. Studien zum Partitivgebrauch in den ostseefinnischen Sprachen. – Uppsala, 1983. (Studia Uralica et Altaica Upsalensis 15). – 158 S.

Lehtisalo 1936 – Lehtisalo T. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe. – Helsinki, 1936. – 399 S. (SUST LXXII).

Molnár 1974 – Molnár F.A. On the History of Word-Final Vowels in the Permian Languages. – Szeged, 1974. – 87 p. (Studia Uralo-Altaica 5).

N.-Sebestyén 1957-1958 – N.-Sebestyén I. Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des samojedischen und des uralischen Genitivs // ALHung. VII. – Budapest, 1957-1958. – S. 41-71, 273-340.

Oinas 1961 – Oinas F.J. The Development of some postpositional Cases in Balto-Finnic Languages. – Helsinki, 1961. – 190 p. (MSFOu 123).

Pajusalu 1957a – Pajusalu E. Läänemere keelte väliskohakäänded (käänete funktsioonid): Kand. diss. – Tallinn, 1957. – 446 lk.

Pajusalu 1957b – Pajusalu E. Soome-ugri 1-käänetest // ESA III. – Tallinn, 1957. – Lk. 159-172.

Palmeos 1983 – Palmeos P. Väliskohakäänded karjala Djorža murrakus // ESA 29, Eesti Keelest mustlaskeeleni. – Tallinn, 1983. – Lk. 61-73.

Pusztay 1980 – Pusztay, J. Az uráli-paleoaszibériai kapcsolatok kérdéséhez // MNyTK 158. – Budapest, 1980. – O. 1-62.

Pusztay 1983 – Pusztay J. A grammatikai és a lokális kázusek genetikai kapcsolatáról // Urálistikái tanulmányok (Hajdú Peter 60. születésnapja tiszteletére). Szerkesztők Bereczki Gábor, Domokos P. – Budapest, 1983. – O. 315-322.

Ravila 1935 – Ravila P. Die Stellung des lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie // FUF XXIII. – Helsinki, 1935. – S. 20-65.

Ravila 1941 – Ravila P. Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen // FUF XXVII. – Helsinki, 1941. – S. 1-136.

Ravila 1945 – Ravila P. Suomalais-ugrilaisen kielen taivutuksen historiaa // Vir. – Helsinki, 1945. – S. 314-326.

Ravila 1958 – Ravila P. Die Ursprache als Grundbegriff der Sprachgeschichte // JSFOu 60. – Helsinki, 1958. – S. 1-15.

Rédei 1962 – Rédei K. Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. – Budapest, 1962. – 224 S.

Rédei 1970 – Rédei R. Korreferat zum G. Stipa Impersonalia im Syrjänischen // Symposium über Syntax der uralischen Sprachen. Am Auftrage von W. Schlachter. – Göttingen, 1970. – S. 213-214.

Rédei 1981 – Rédei K. Über die Herkunft des permischen Elativ-suffixes // CΦY XVII. – № 4. – Tallinn, 1981. – S. 279-284.

Räsänen 1972 – Räsänen, S. Kainuun murteiden kaasussyntaksi. – Helsinki, 1972. – 432 s. (SKST 308).

Sjögren 1830 – Sjögren, A.J. Ueber den grammatischen Bau der sürjanischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. Tome premier. – St.-Petersbourg, 1830. – S. 149-169.

Stipa 1960 – Stipa G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. – Helsinki, 1960. – 290 S. (MSFOu 121).

Stipa 1970 – Stipa, G. Impersonalia im Syrjänischen // Symposium über Syntax der uralischen Sprachen. Am Auftrage von W. Schlachter. – Göttingen, 1970. – S. 205-213.

Szabó 1981 – Szabó, L. Der Gebrauch der äusseren Lokalkasus im Wotischen // FUM 5. – Hamburg, 1981. – S. 45-59.

Szinnyei 1922 – Szinnyei, J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. – Berlin-Leipzig, 1922. – 133 S.

Tauli 1952 – Tauli, V. Bemerkungen zum Kasussystem // UAJb. 24. – Wiesbaden, 1952. – S. 27-41.

Tauli 1956 – Tauli, V. The Origin of Affixes // FUF 32. – Helsinki, 1956. – P. 170-225.

Tauli 1966 – Tauli, V. Structural Tendencies in Uralic Languages. – The Hague: Mouton, 1966. – 308 p. (UAS 17).

Tauli 1980 – Tauli, V. Eesti grammatika. II. Lauseõpetus. Uppsala, 1980. – 352 lk.

Uotila 1933 – Uotila, T.E. Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen. – Helsinki, 1933. – 446 S. (MSFOu 65).

Uotila 1936 – Uotila, T.E. Zur Deklination der Personalpronomina in den permischen Sprachen // NyK 50 (1-3). – Budapest, 1936. – S. 464-476.

Uotila 1945 – Uotila, T.E. Sijapäätteiden syntytistoriaa // Vir. – Helsinki, 1945. – S. 327-336.

Vászolyi 1967 – Vászolyi, E.A. A finn-ugor személyjelek kérdéséhez (A permii nyelvek névszói személyjeleinek leíró vizsgálata és belső rekonstrukciója) // NyK 65. – Budapest, 1967. – O. 3-56.

Vászolyi 1968a – Vászolyi, E. Prolativusz, tranzitívusz, lokatívusz a zürjénben, a votjákban és a finnugror alapnyelvben // NyK 70. – Budapest, 1968. – O. 47-85.

Vászolyi 1968b – Vászolyi, E. Az uráli -N lativuszrag nyomai a zürjén és a votják nyelvben // NyK 70. – Budapest, 1968. – O. 374-382.

Veenker 1982 – Veenker, W. Zur grammatischen Terminologie der Uralistik. Bemerkungen am Beispiel der Kasusnamen des Syrjänischen // UAJb. Neue Folge. 2. – Wiesbaden, 1982. – S. 35-62.

Weske 1873 – Weske, M. Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes. – Leipzig, 1873.

Wichmann 1913-18 – Wichmann, J. Beiträge zur tscheremissischen nominalbildungslehre // JSFOu 30. – Helsinki, 1913-18. – S. 1-42.

Wichmann 1924 – Wichmann, J. Zur permischen grammatik // FUF 16. – Helsinki, 1924. – S. 146-163.

Wiedemann 1884 – Wiedemann F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – St. Petersburg, 1884. – 255 S.

Wiedemann 1851 – Wiedemann F.J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

МАТЕРИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ

Баталов – Баталов В. Зэр одзын. – Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1990. – 208 с.

Безносовых I – Безносовых В. Жар гождом. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. – 144 с.

Безносовых П – Безносовых В. Кӧні менам шудӧй. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 240 лб.

Владыкина – Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. – Ижевск: Удмуртский ин-т ИЯЛ, 1998. – 356 с.

ВВД – Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. – 256 с. (Историко-филологический сборник; Вып.10).

ВК – журнал “Войвыв кодзув”, Сыктывкар.

ВСД – Жилина Т.И. Верхнесыольский диалект коми языка. – М.: Наука, 1975. – 268 с.

Доронин – Доронин П. Парма съӧлӧмын. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. – 256 лб.

Игнатов – Игнатов М. Юсьяс, донаяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 288 лб.

ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 288 с.

Изьюров – Изъюров И. Судзӧд меным ӧшкамӧшка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1975. – 168 лб.

КЛП – Коми легенды и предания. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 175 лб.

КМС – Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пословицаяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1956. – 256 лб.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. – М.: Русс. яз., 1985. – 624 с.

КРС – Тимушев Д.А., Колегова Н.А. Коми-русский словарь (ок. 25000 слов). – М.: Государств. изд-во иностр. и национ. словарей, 1961. – 923 с.

Куратов – Куратов И. Менам муза. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 606 лб.

Куратова – Куратова Н. Бобӧнянь кӧр. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 212 лб.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

ЛЛД – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

Лыткин – Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектол. словарем. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 128 с.

МГЧ – Миян грездса челядь. Висьтъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 144 лб.

Микушев – Микушев А.К. Парма весьтын сьыланкыв. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 169 лб.

НВД – Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. – М.: Наука, 1978. – 227 с.

Некрасов – Некрасов А. (Гамса). Шудыд – тэрыб лэбач. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. – 128 лб.

ОКЗР – Образцы коми-зырянской речи. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. – 311 с.

Оласё – Оласё да вёласё. Коми-пермяцкёй сказкаэз, легендаэз, предан-нёз, сказзэз, быличкаэз, висътассэз. – Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1990. – Т.1. – 368 с.

ОУР – Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 300 с.

ОУР 2 – Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 368 с.

Парма асыв – Пармаын асыв. Бёрийом коми-пермяцкёй проза. – Кудымкар, 1974. – 336 лб.

Парма шы – Пармалён шыэз. Бёрийом коми-пермяцкёй проза. – Кудымкар, 1997. – 456 лб.

Пгор – Парма гор. Литературно-художественнöй гижöд чукöр. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 266 лб.

ПД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 152 с.

Плесовский – Плесовский Ф. Коми шусьöгъяс да кывйöбъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 203 лб.

ПСД – Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. – М.: Наука, 1971. – 276 с.

Пыстин – Пыстин И. Бёрийом гижöдъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1959. – 180 лб.

Раевский – Раевский С. Шоныд войвыв. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 152 лб.

Рочев – Рочев Е. Лöз тундра. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 208 лб.

Сорвачева – Сорвачева В.А. Материалы диалектологической экспедиции в Удорский район Коми АССР. – Сыктывкар, 1948. – Ч.1. – 260 с. (Архив Коми НЦ УрО РАН, ф. I, оп. 11, ед.хр. 116).

ССД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесыольский диалект коми языка. – М.: Наука, 1980. – 226 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А.Сорвачевой. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 490 с.

Тарабукин – Тарабукин И.И. Краткий коми-русский фразеологический словарь. – Сыктывкар: Коми книгоиздат, 1959. – 148 с.

Торопов I – Торопов И. Арся сыланкыв. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 168 лб.

Торопов II – Торопов И. Тян. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. – 276 лб.

Торопов III – Торопов И. Оштö эн лый кыкысь. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. – 352 лб.

УФ – Удмуртский фольклор. Пословицы. Афоризмы. Поговорки. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 276 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь (ок. 35 000 слов). – М.: Русс. яз., 1983. – 592 с.

Фадеев – Фадеев Т. Ыбшар. – Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1989. – 352 с.

Федоров – Федоров Г. Востым. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. – 384 лб.

Федосеев I – Федосеев С. Повны – не овны. – Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1989. – 300 с.

Федосеев II – Федосеев С. Кусöm биэз. – Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1991. – 302 с.

Ытва – Ытва дырйи. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 352 лб.

Юхнин I – Юхнин В. Алöй лента. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – 368 лб.

Юхнин II – Юхнин В. Дінъельса вөрпункт. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 176 лб.

Юшков I – Юшков Г. Ловъя лов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 528 лб.

Юшков II – Юшков Г. Рöдвуж пас. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 528 лб.

Юшков III – Юшков Г. Чугра. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 416 лб.

Яшина – Яшина Р. Улон азинске. – Ижевск: Изд-во “Тодон”, 1997. – 116 с.

Fokos-Fuchs – Fokos-Fuchs, D.R. Syrjänisches Wörterbuch. I, II. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959. – 1654 s.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) языков, диалектов

акс. – аксеновский говор южного наречия коми-пермяцкого языка

бес. – бесермянское наречие удмуртского языка

вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка

венг. – венгерский язык

вепс. – вепсский язык

верх. вым. – верхневымские говоры коми-зырянского языка

вод. – водский язык

вост. – восточное наречие марийского языка

вс. – верхнесыольский диалект коми-зырянского языка

вым. – вымский диалект коми-зырянского языка

в.-и. – верх-иньвенский говор южного наречия коми-пермяцкого языка

в.-к. – верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка

в.-л. – верх-лупьинский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка

гаин. – гаинский говор северного наречия коми-пермяцкого языка

гор. – горное наречие марийского языка

гот. – готский язык

дрперм. – древнепермский язык

иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка

к.-и. – кудымкарско-иньвенский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка

кам. – камасинский язык

кар. – карельский язык

кз. – коми-зырянский язык

кос.-кам. – косинско-камский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка

коч. – кочевский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка

кп. – коми-пермяцкий язык

куд. – кудымкарский говор южного наречия коми-пермяцкого языка

кукм. – кукморский говор удмуртского языка

лат. – латинский язык

лев. – левичанский говор северного наречия коми-пермяцкого языка

лет. – летский говор лузско-летского диалекта коми-зырянского языка

лив. – ливский язык

лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка

луг. – луговое наречие марийского языка

м. – мокша-мордовский язык

манс. – мансийский язык

мд. – мордовские языки
 мр. – марийский язык
 мыс. – мысовский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка
 нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка
 оньк. – оньковский диалект коми-пермяцкого языка
 прап. – прапермский язык
 перм. – пермские языки
 печ. – печорский диалект коми-зырянского языка
 приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
 пукс. – пуксибский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
 рус. – русский язык
 саам. – саамский язык
 сам. – самодийские языки
 сев. зап. – северо-западное наречие марийского языка
 сев.сам. – северносамодийские языки
 сельк. – селькупский язык
 сев. удм. – северное наречие удмуртского языка
 скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
 ср.-вост. – средне-восточные говоры удмуртского языка
 сред. – срединные говоры удмуртского языка
 сс. – среднесыольский диалект коми-зырянского языка
 тюрк. – тюркские языки
 угор. – угорские языки
 уд. – удорский диалект коми-зырянского языка
 удм. – удмуртский язык
 ужг. – ужгинский говор верхнесыольского диалекта коми-зырянского языка

языка

укр. – украинский язык
 ф., фин. – финский язык
 фин.-перм. – финно-пермские языки
 ф.-у. – финно-угорские языки
 чув. – чувашский язык
 э. – эрзя-мордовский язык
 э. – эстонский язык
 юж. кп. – южное наречие коми-пермяцкого языка
 юж.сам. – южносамодийские языки
 юж. удм. – южное наречие удмуртского языка
 юкаг. – юкагирский язык

б) названий населенных пунктов

В.сс. – с. Визинга

В.скр. — с. Вильгорт

Важ. — с. Важгорт

Вольд. — с. Вольдино

Гл. — с. Глоново

Гр. — с. Грива

Гур. — с. Гурьевка

Еж. — с. Ежево

З. — с. Зеленец

К. — с. Куратово

Кб. — с. Кобра

Косл. — с. Кослан

Крв. — дер. Карвуджем

Лет. — с. Летка

Пор. — с. Поруб

Пр. — с. Прокопьевка

Пучк. — с. Большая Пучкома

Разг. — дер. Разгорт

Сл. — с. Слудка

Т. — дер. Тентюково

Тр.- П. — с. Троицко-Печорск

Ш. — с. Шошка

Шам. — дер. Шамардан

Шеж. — с. Шежам

Шош. — с. Шошка

Уж. — с. Ужга

Ч. — с. Читаево

Чух. — с. Чухлом

Чупр. — с. Чупрово

в) продолжающихся, периодических изданий

ВЯ – Вопросы языкознания. – М.

МКФУ – Международный конгресс финно-угроведов VI. – Сыктыв-
кар, 1985.

РЯШ – Русский язык в школе. – М.

СФУ – Советское финно-угроведение. – Таллин.

ALHung. – Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest.

CIFU I – Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Budapest, 1963

CIFU III – Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum I. –
Tallinn, 1975.

CIFU V – Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum I. – VIII. –
Turku, 1980-1981.

ESA – Emakeele Seltsi Aastaraamat. – Tallinn.
 FUF – Finnisch-Ugrische Forschungen. – Helsinki.
 FUM – Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – Hamburg.
 JSFOu – Journal de la Société Fenno-ougrienne. – Helsinki.
 KKIU – Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi
 Uurimused. – Tallinn.
 LSFU – Lexica Societatis Fenno-Ugricae. – Helsinki.
 MNyTK – A Magyar Nyelvtudományi Társaság kiadványai. – Budapest.
 MSFOu – Mémoires de la Société Finno-ougrienne. – Helsinki.
 NyK – Nyelvtudományi Közlemények. – Budapest.
 SKST – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. – Helsinki.
 UAJb – Ural-Altaische Jahrbücher. – Wiesbaden.
 UAS – Indiana University Publications, Uralic and Altaic.

Лицензия № 0047 от 10.01.99 г.

Компьютерный набор. Подписано в печать 30.12.2002.

Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бум. типографская № 1. Пешить офсетная.

Усл.печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 200 экз. Заказ № 35.

Издательство Коми научного центра УрО РАН,
 167982, ГСП, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 42.

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ <i>l</i> -ОВЫХ ПАДЕЖЕЙ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ	8
1. Происхождение <i>l</i> -овых падежей в финно-угорских языках.....	8
1.1. Область распространения <i>l</i> -овых падежей	8
1.2. Источник <i>l</i> -ового элемента	10
1.3. Время происхождения <i>l</i> -овых падежей	12
2. Генезис <i>l</i> -овых падежей пермских языков.....	13
2.1. <i>l</i> -овый элемент	14
2.2. Второй консонантный элемент	16
2.3. Огласовка суффиксов <i>l</i> -овых падежей	18
3. Проблема первичного значения <i>l</i> -овых падежей коми языка...20	
Глава 2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПАДЕЖЕЙ	25
1. Сущность категории падежа и его семантическая структура.....	25
2. Семантическая структура генитива	31
3. Семантическая структура аблатива	57
4. Семантическая структура датива	75
5. Семантическая структура аппроксиматива	103
6. Семантическая структура консекутива	111
7. Семантическая структура приблизительно-местных падежей	119
8. Общая характеристика функционирования <i>l</i> -овых падежей в пермских языках	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
ЛИТЕРАТУРА	143
МАТЕРИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ	160
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	164

Галина Александровна Некрасова

**СИСТЕМА *L*-овых ПАДЕЖЕЙ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМАНТИКА**

Рекомендовано к изданию ученым советом
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН

Редактор В.В.Ганова
Художник О.П.Велегжанинов
Оригинал-макет Н.К.Забоева

Лицензия № 0047 от 10.01.99 г.

Компьютерный набор. Подписано в печать 30.12.2002.
Формат 60 x 90 $\frac{1}{16}$. Бум. типографская № 1. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 200 экз. Заказ № 35.

Издательство Коми научного центра УрО РАН.
167982, ГСП, г.Сыктывкар, ул.Первомайская, 48.

